

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

158

**ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ
ПАМЯТНИКОВ ЕВРАЗИИ
В ЭПОХУ РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

158

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кропоткин*,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Вопросы хронологии принадлежат к важнейшим в историко-археологических исследованиях. Без их правильного разрешения по существу исключается возможность подхода к изучению на основе данных археологии исторических, историко-культурных, социально-экономических и этнических проблем.

Детальное изучение хронологии археологических материалов Евразии периода раннего средневековья (от конца IV до IX в. включительно) имеет особое значение. Пожалуй, в истории человечества нет другого периода, когда для увязки данных археологии с показаниями письменных памятников была бы столь необходима обстоятельная и дифференцированная хронологическая разработка. Уж очень бурным и быстро меняющимся был поток событий в эту эпоху, обусловленный непрерывно повторяющимися нашествиями варварских кочевых племен с востока на запад и значительными миграциями европейского населения. Начало этого периода (IV в. н. э.) ознаменовалось экспансией гуннов, вызвавшей существенные изменения в исторической обстановке Юго-Восточной Европы. Распались крупные политические объединения сарматов, алан и готов, пало Боспорское царство. Движение гуннов и других варварских племен на запад явилось реальной угрозой существованию Римской империи. Вслед за гуннами в Европу хлынули новые волны восточных кочевников — авары, болгары, хазары, печенеги и другие, которые, увлекая за собой иные племена и народы, создавали сложные по этнической структуре военно-политические образования.

Этот варварский кочевой и полукочевой мир находился в тесных отношениях с центрами цивилизации Востока и Европы. Такая многосложная этническая и культурная структура жизни отразилась в археологических памятниках, изучение которых постоянно озадачивает исследователей. Чтобы разобраться в деталях истории этого насыщенного событиями периода, прежде всего необходима разработка хронологии древностей, в том числе определение узких дат отдельных предметов и комплексов. Любая ошибка в хронологии может привести к искажению исторической картины.

В Ленинграде в Государственном Эрмитаже 17—21 марта 1976 г. состоялся симпозиум, посвященный относительной и абсолютной хронологии памятников археологии раннего средневековья, расположенных на широких пространствах Евразии от Молдавии на западе до Алтая на востоке и от Прикамья на севере до Кавказа и Средней Азии на юге.

Непосредственной причиной выбора темы симпозиума послужила статья А. К. Амброза «Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы» (СА, 1971, № 2, с. 96—123; № 3, с. 106—134), в которой впервые предпринята попытка создать единую хронологическую систему для археологических памятников раннего средневековья на территории СССР. Это исследование показало, что разработка раннесредневековой хронологии древностей Восточной Европы и смежных с ней азиатских территорий еще очень далека от завершения и требует больших усилий

со стороны коллектива археологов. Стало очевидным, что назрела необходимость встречи широкого круга специалистов, исследующих различные аспекты хронологии раннесредневековых древностей, для обсуждения частных и общих вопросов этой проблемы.

В работе симпозиума приняли участие многие археологи, интересующиеся хронологией раннего средневековья,— сотрудники Института археологии АН СССР, Института археологии АН УССР, Эрмитажа, Государственного Исторического музея, краеведческих и областных музеев, университетов и педагогических институтов различных городов нашей страны.

Открыл симпозиум заместитель директора Эрмитажа В. А. Суслов. Во вступительном слове М. А. Тиханова остановилась на исследовании вопросов хронологии железного века в европейской археологии, на достижениях в этой области.

На заседаниях симпозиума было прочитано и обсуждено 20 докладов. В них анализировались вопросы датировки археологических памятников какого-либо из регионов территории СССР в более или менее узкие хронологические периоды (доклады А. И. Айбабина, Г. Е. Афанасьева, Р. Д. Голдиной, И. П. Засецкой, Н. А. Мажитова, Л. М. Рутковской и М. Б. Щукина); определялась датировка определенных категорий вещей (доклады И. А. Баранова, В. Ф. Генинга, А. А. Иерусалимской, В. Б. Ковалевской, Б. И. Маршака, В. И. Распоповой, Н. П. Сорокиной) и рассматривались вновь открытые археологические памятники, содержавшие существенные материалы для уточнения хронологии раннесредневековых древностей.

Настоящий выпуск «Кратких сообщений» имеет целью познакомить широкий круг ученых с докладами, прочитанными на симпозиуме в Ленинграде, и с дискуссией, развернувшейся при их обсуждении,— иными словами, с современным состоянием проблемы хронологии раннесредневековых древностей территории СССР. Редколлегия благодарит А. К. Амброза за большое участие в редактировании данного выпуска.

И. П. ЗАСЕЦКАЯ

БОСПОРСКИЕ СКЛЕПЫ ГУННСКОЙ ЭПОХИ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАЛОН ДЛЯ ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ

Немногочисленные, но яркие и своеобразные материалы гуннской эпохи, т. е. времени нашествия и господства гуннов в Восточной Европе, давно привлекали внимание исследователей, которых прежде всего интересовали проблемы этнокультурной принадлежности памятников, а также вопросы происхождения изделий полихромного стиля эпохи переселения народов. Эти проблемы постоянно дискутируются как в советской, так и в зарубежной литературе. Датировки комплексов из восточноевропейских памятников собственно гуннской эпохи до сих пор варьировали в пределах IV—V вв. н. э.¹

Однако А. К. Амброз предложил иное решение: он делит памятники гуннской эпохи восточноевропейских степей и Казахстана на три группы, одну из которых относит к V в., а две другие — к VII в.² Выводы А. К. Амброза представляются весьма спорными, и это заставляет нас пересмотреть материал комплексов, известных ранее как памятники одной эпохи. Была поставлена задача ответить на следующие вопросы: позволяет ли археологический материал делить комплексы на какие-либо группы, возможно ли их по-прежнему рассматривать как синхронные памятники и к какой конкретной эпохе они могут относиться.

Занимаясь проблемой хронологии и культурной принадлежности памятников восточноевропейских степей и Казахстана гуннской эпохи, мы составили таблицу комплексов, инвентарь которых был распределен по функциональному назначению. Образованные таким образом вертикальные колонки объединили вещи одной категории. Первоначально комплексы были разбиты на пять подгрупп (А, Б, В, Г, Д). Однако сравнительный анализ этих подгрупп, основанный на взаимовстречаемости вещей, показал, что все они связаны друг с другом, образуя как бы замкнутый круг аналогий, и, следовательно, относятся к одной исторической эпохе. Причину же особенностей погребального инвентаря по составу и по типологическим признакам каждой отдельной подгруппы надо в данном случае искать не во временном разрыве погребальных комплексов, а в этническом, социальном и половом различии похороненных здесь людей.

Придя к выводу о синхронности памятников восточноевропейских степей, попытаемся выяснить, к какому же конкретно времени они могут относиться. За хронологический эталон возьмем комплексы керченских склепов первой группы³, в которых материал представлен наиболее полно (рис. 1—5). Это склепы 145, 154 и две катакомбы, разграбленные

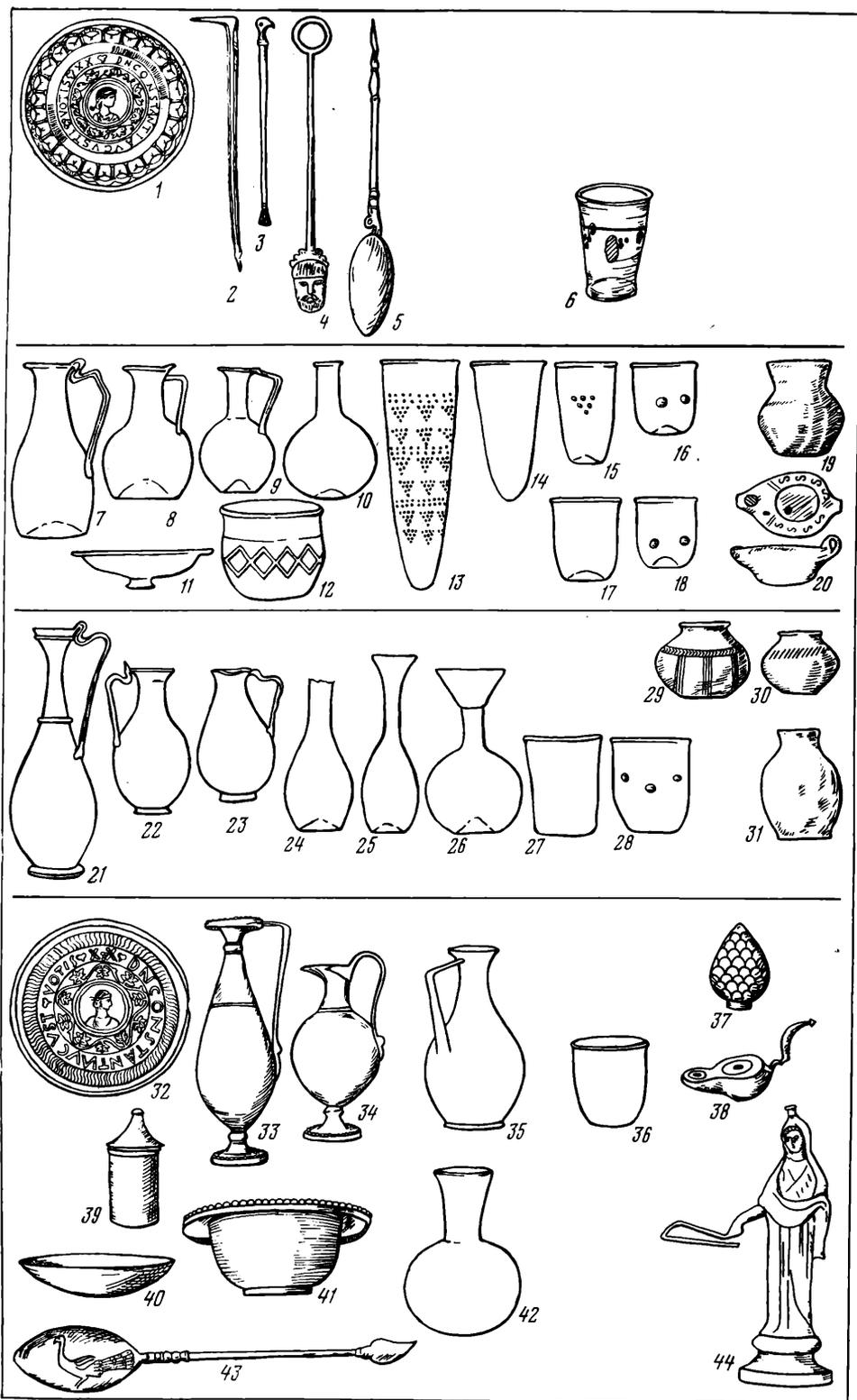

Рис. 1. Вещи из керченских склепов

1—6 — склеп 145; 7—20 — склеп 154; 21—31 — склеп 165; 32—44 — два склепа, разграбленных кладовщиками 24 июня 1904 г.

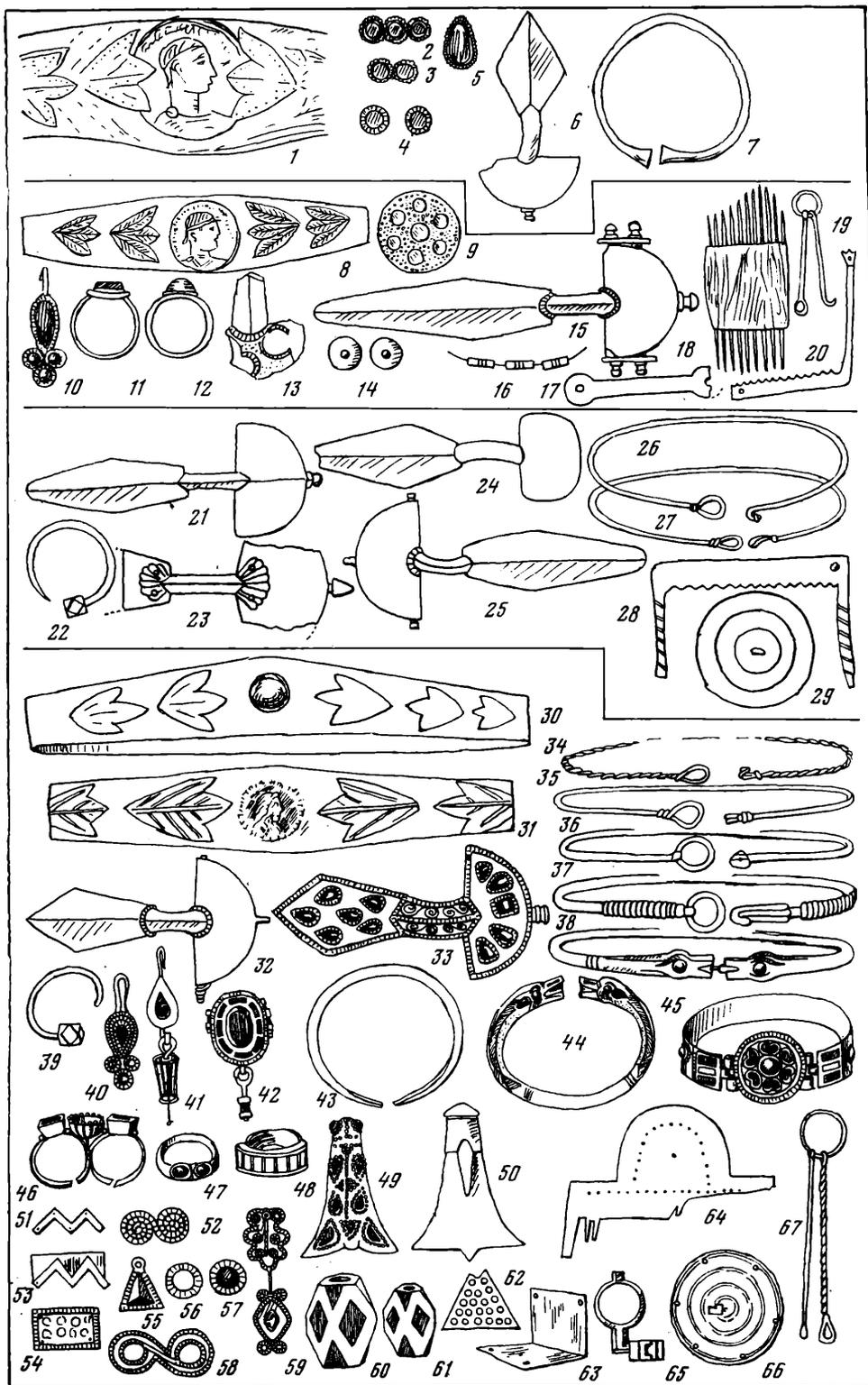

Рис. 2. Украшения из керченских склепов

1—7 — склеп 145; 8—20 — склеп 154; 21—29 — склеп 165; 30—67 — два склепа, разграбленных 24 июня 1904 г.

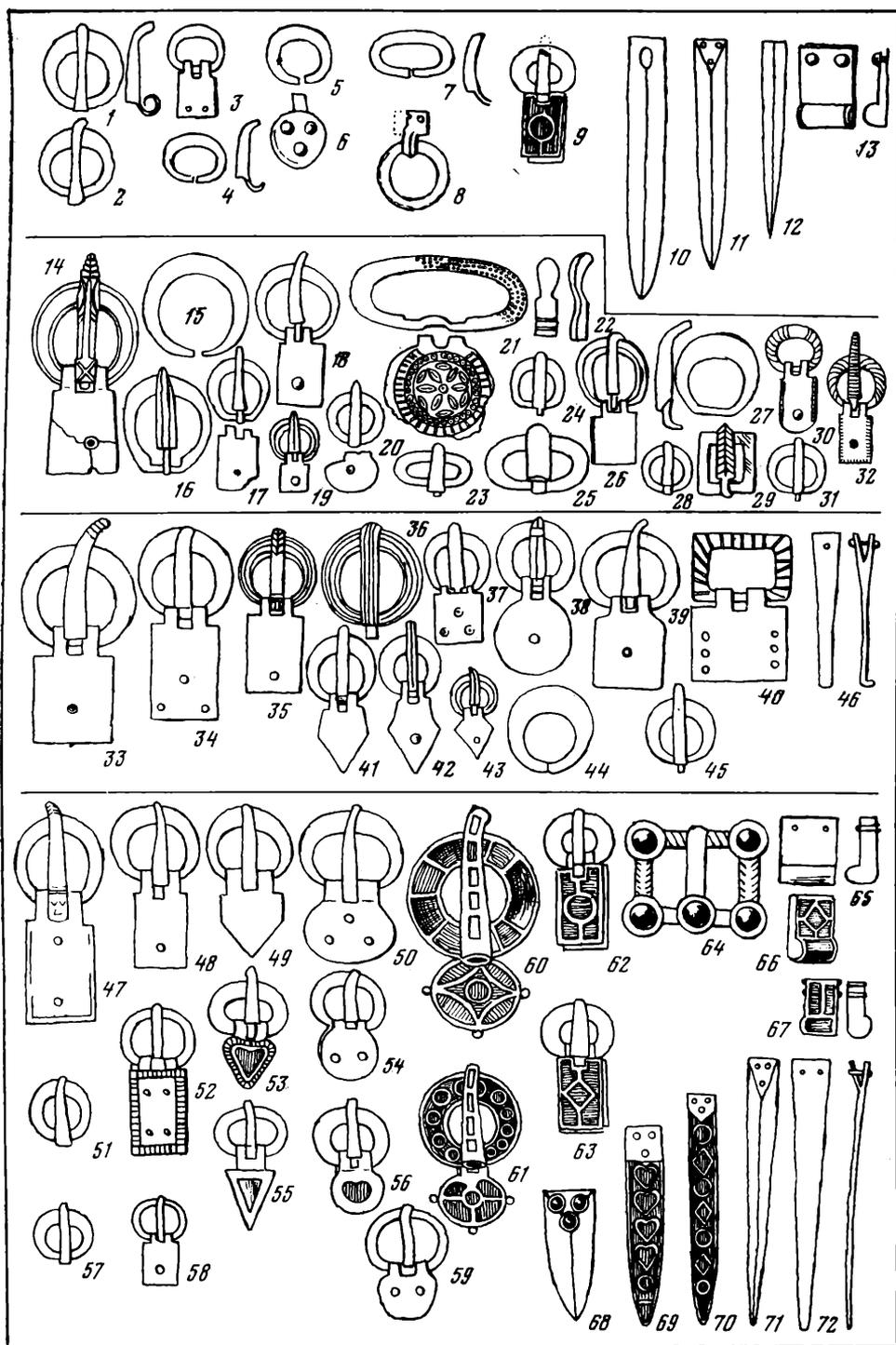

Рис. 3. Пряжки и наконечники ремней из керченских склепов

1—13 — склеп 145; 14—32 — склеп 154; 33—46 — склеп 165; 47—72 — два склепа, разграбленных 24 июня 1904 г.

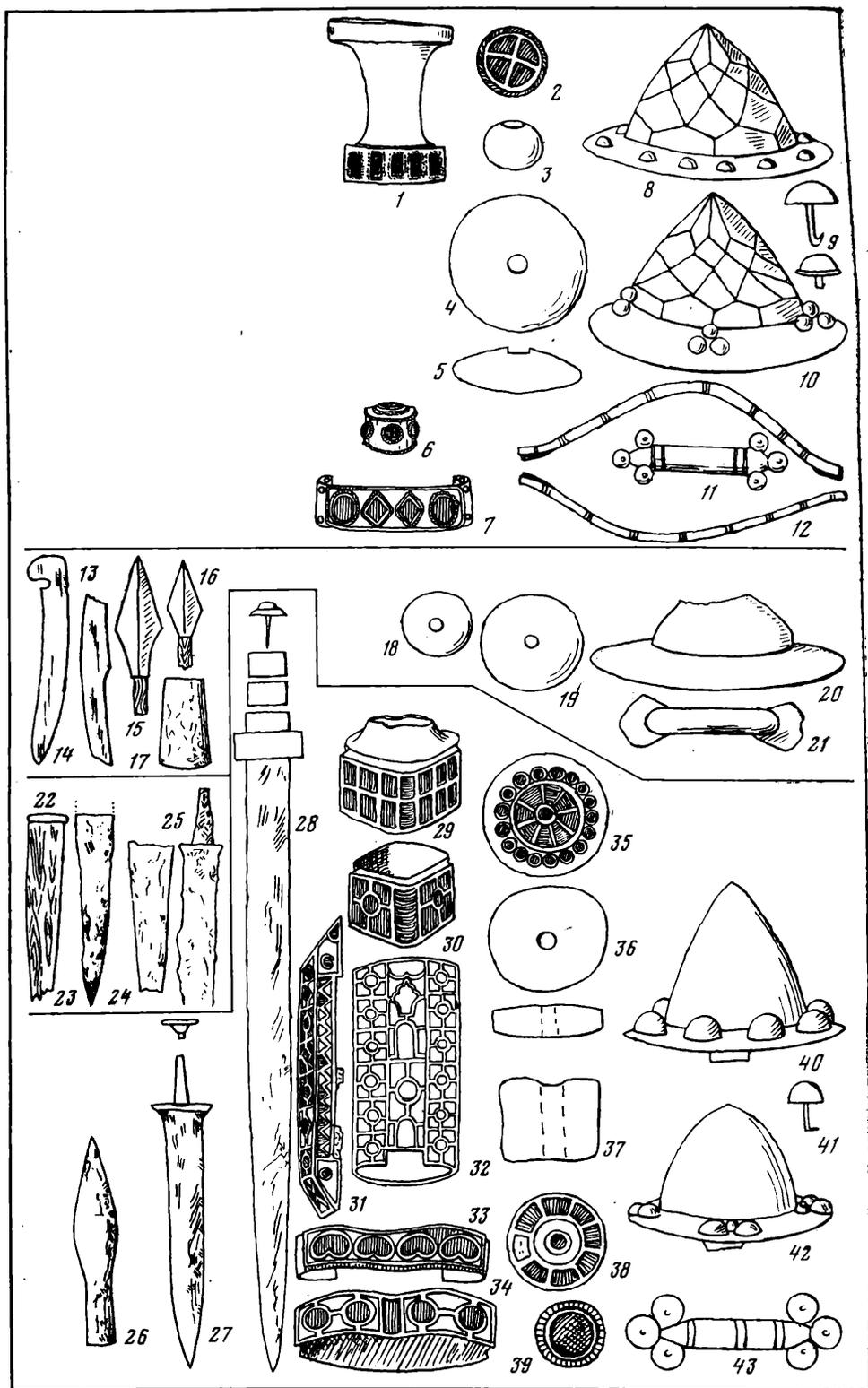

Рис. 4. Оружие из керченских склепов

1—12 — склеп 145; 13—21, 25 — склеп 154; 22—24 — склеп 165; 26—43 — два склепа, разграбленных 24 июня 1904 г.

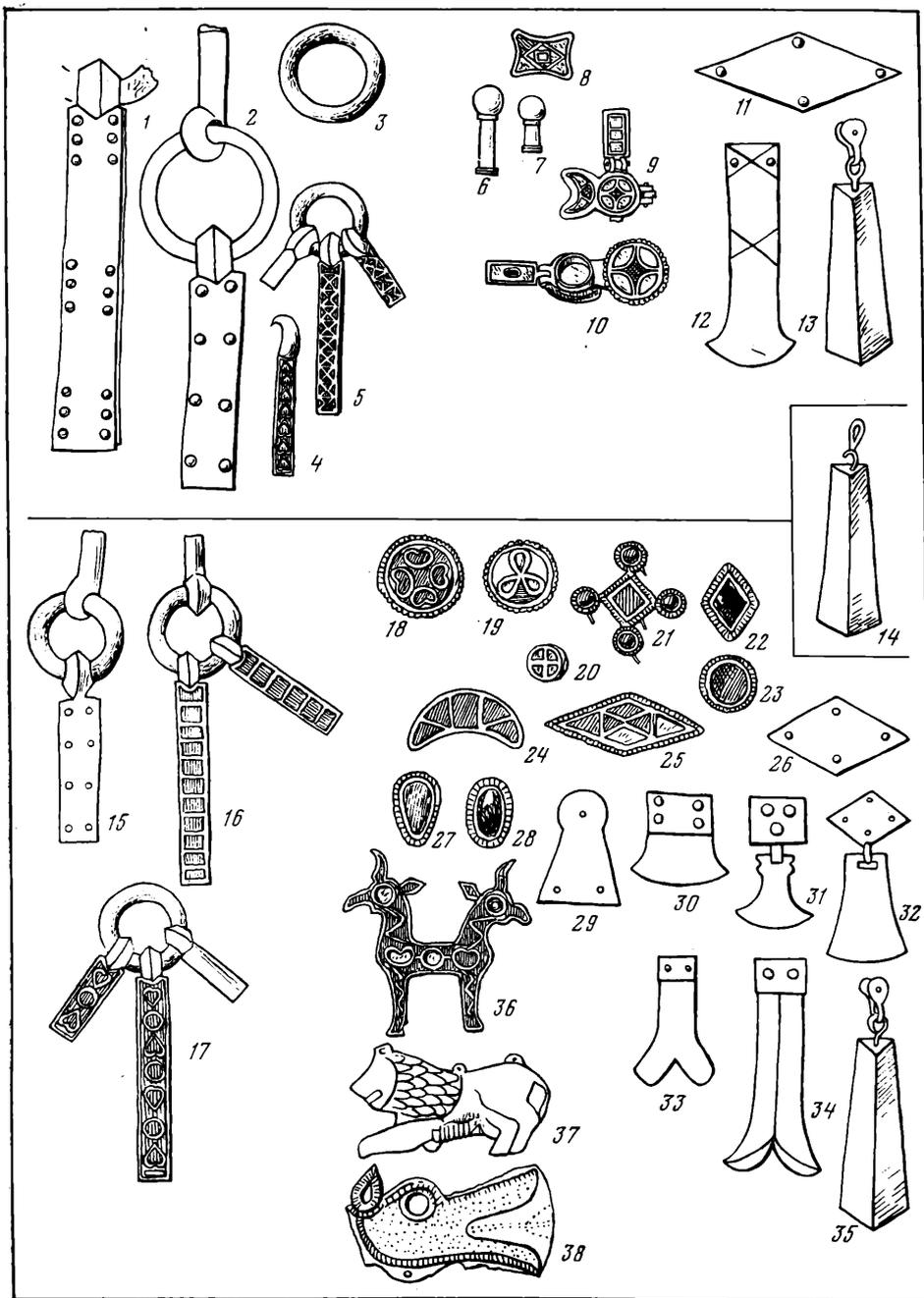

Рис. 5. Конское снаряжение и различные накладки из керченских склепов
 1—13 — склеп 145; 14 — склеп 165; 15—38 — два склепа, разграбленных 24 июня 1904 г.

кладоискателями 24 июня 1904 г. Л. А. Мацулевич датировал склепы 145, 154 и эти катакомбы второй половиной IV — рубежом IV—V вв. Основанием послужили находки вещей, время распространения которых ограничивается IV — первыми десятилетиями V в. Это серебряная посуда — тазики с горохатым ободком (рис. 1, 41; аналогичный тазик происходит из гробницы «в имении Гордиковых» в Керчи)²; кувшины с высоким горлом и гравированным растительным орнаментом (рис. 1, 33, 34; 2; сохранилась только ручка); ложечки, на одной из которых

имеется гравированное изображение павлина (рис. 1, 5, 43)⁶; чаши-блюда с изображением императора Констанция II (337—361) (рис. 1, 32)⁷. Как убедительно доказывает Л. А. Мацулевич, все эти предметы находились в употреблении в конце IV — начале V в.

Ко второй половине IV в. относятся найденные в склепах монеты и индикации монет Констанция Галла (351—354), Валентиниана I (364—375) и Валентиниана II (375—392). В склепе 145 найдены: 1) индикация монеты Гордиана (238—244); 2) индикация монеты Валентиниана II (375—392). В склепе 154 — индикация монеты Валентиниана I (364—375). В двух катакомбах, разграбленных 24 июня 1904 г., — 1) индикация монеты Савромата II (174—210) — на золотом венке; 2) индикация монеты Гераклея — на золотом венке; 3) две монеты Констанция II (337—361); 4) монеты Валентиниана I (364—375); 5) индикация монеты Валентиниана II (375—392).

Л. А. Мацулевич отмечает, что все сделанные им определения монет были «проверены бывшим помощником хранителя Эрмитажа А. Н. Зографом»⁸ — крупным специалистом в области нумизматики. В 1940 г. в Эрмитаже работала выставка «Сарматская культура», подготовленная Л. А. Мацулевичем. На этикетке к выставленным монетам и индикациям монет из двух катакомб, разграбленных 24 июня 1904 г., указано, что «самые поздние» из них «Валентиниана II (375—392)»⁹. У нас нет оснований сомневаться, что Л. А. Мацулевич не знал или «опустил почему-то»¹⁰ монету Валентиниана III (425—455), вероятно ошибочно упомянутую А. А. Спицыным¹¹. В 1977 г. В. В. Кропоткин, вновь исследуя монеты и индикации монет из этих двух катакомб, подтвердил ранее сделанные Л. А. Мацулевичем и А. Н. Зографом определения этих монет.

Перечень вещей конца IV — начала V в. из рассматриваемых склепов не исчерпывается названными предметами. К ним следует также отнести небольшие двупластинчатые фибулы с ромбовидной ножкой — как гладкие серебряные, так и украшенные золотым покрытием с цветными вставками в напаянных гнездах (рис. 2, 6, 32, 33)¹²; мелкие серебряные и бронзовые пряжки с хоботовидным язычком (рис. 3)¹³; стеклянные стаканы и чаши с синими каплями (рис. 1, 6, 15, 16, 18, 28)¹⁴; бронзовые позолоченные умбоны и ручки от щитов (рис. 4, 8—10, 40—43)¹⁵; длинные двулезвийные мечи с круглыми каменными навершиями (рис. 4, 3—6, 18, 19, 35—37)¹⁶; золотые гривны с замочком в виде петельки и выступа с круглой головкой (рис. 2, 26, 34)¹⁷.

Таким образом, большая часть погребального инвентаря керченских склепов относится ко второй половине IV — первым десятилетиям V в.

Наряду с этой группой вещей в комплексах имеются предметы, которые появляются только в гуннскую эпоху¹⁸. Это однолезвийные мечи; трехлопастные «угольчатые» крупные наконечники стрел (рис. 4, 25, 26); железные удила с серебряными гранеными наконечниками и кольцевидными псалиями небольшого диаметра, с длинными зажимами (рис. 5, 1—5, 15—17); золотые обкладки от лука седла с чешуйчатым орнаментом; украшения полихромного стиля, исполненные в технике перегородчатой инкрустации (рис. 2, 12; 3, 9, 60—63, 66, 69, 70; 4, 1, 2, 28—35, 38; 5, 4, 5, 8—10, 16—25). Некоторые из этих категорий вещей (наконечники стрел, удила) не имеют продолжения в более поздней, «аварской» эпохе, а потому также могут служить хронологическими показателями¹⁹. Что же касается украшений полихромного стиля, то степень изученности их такова, что датировать комплекс только по данной категории не представляется возможным. До сих пор в литературе нет стилистической разработки полихромных изделий, и мы не знаем, какие из них могут считаться ранними, а какие — поздними; какие относятся к «развитому» стилю, а какие — к «неразвитому».

В пользу датировки, предложенной Л. А. Мацулевичем, говорит и тот факт, что в склепах 145, 154 и катакомбах, разграбленных 24 июня

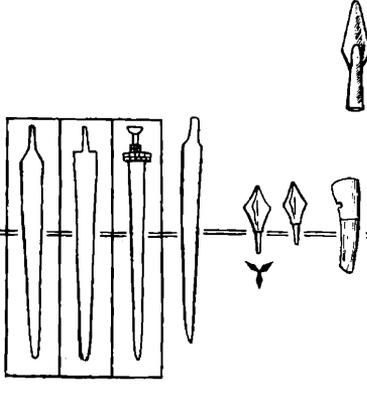
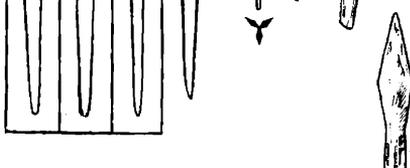
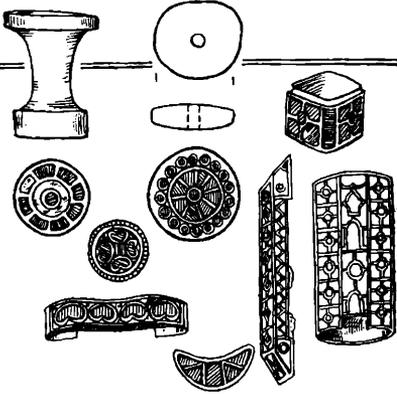
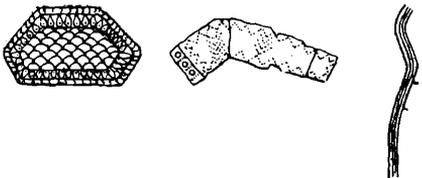
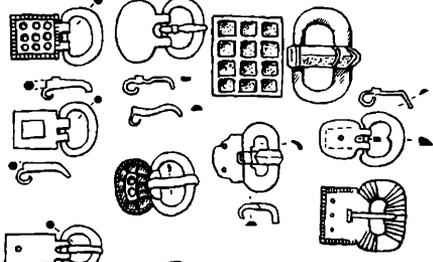
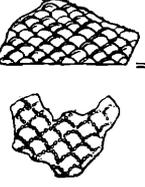
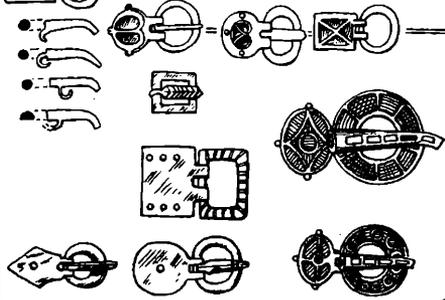
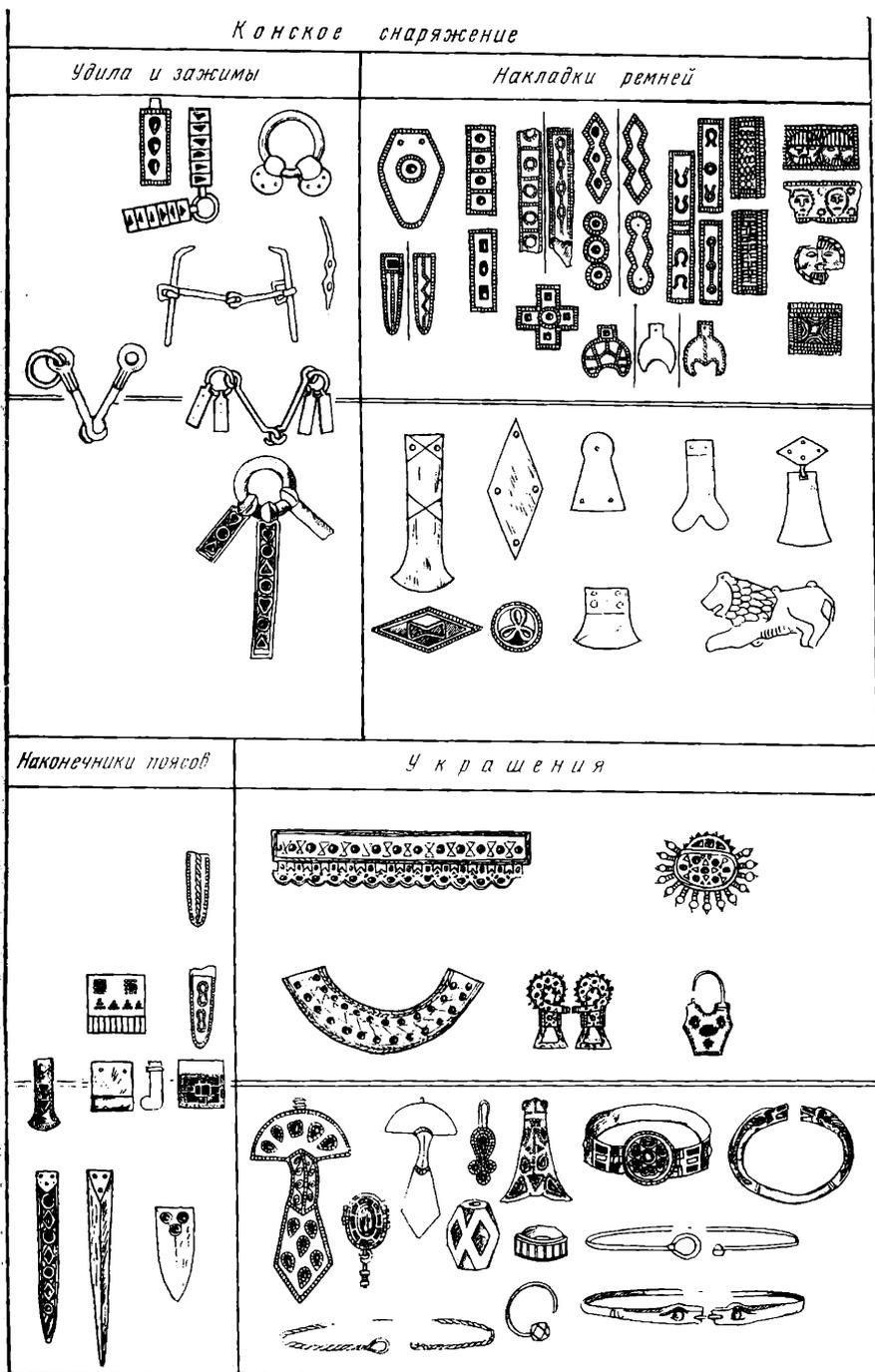
		Наступательное	Накладки от ножен и навершия мечей
Степи			
	Боспор		
		Детали седла	Пряжки
Степи			
	Боспор		

Рис. 6. Сравнительная таблица материалов керченских склепов и погребальных памятников в степях юга СССР

1904 г., не обнаружены характерные для второй половины V—VI—VII вв. вещи: литые бронзовые фибулы, декорированные «трехгранно-выемчатой» резьбой²⁰; пальчатые бронзовые фибулы, орнаментированные концентрическими ромбами и прямыми резными линиями²¹; металлические одночастные литые пряжки²²; большие пряжки с выступом в виде «соколиной» головы; наборы поясной гарнитуры²³.

Конское снаряжение

Таким образом, склепы 145, 154 и обе катакомбы следует датировать концом IV — первой четвертью V в. К ним примыкают и другие керченские склепы — 146, 147, первичное захоронение склепа 163, 165—169, 176—178²⁴, склеп на Тарханской дороге²⁵, гробница в «имении Гордиковых»²⁶, Новиковский склеп²⁷, склеп 1896 г.²⁸ и др. Некоторые погребения этих склепов датируются несколько более поздним временем — серединой V в. (например, погребение 3 из склепа 165, в котором обнаружен обломок серебряной двупластинчатой фибулы смолинского типа,

но значительно меньшего размера (длина ее должна быть около 12 см, см. Приложение; рис. 2, 23)²⁹.

Керченские склепы, которые служили семейными усыпальницами, содержат по несколько захоронений. Материал этих захоронений как внутри одного склепа, так и в разных склепах носит однородный характер. Он представлен однотипными предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями и принадлежностями костюма, идентичной стеклянной посудой и серебряной утварью. Кроме того, для богатых погребений боспорской знати типичны золотые изделия, исполненные в технике перегородчатой инкрустации.

Перечисленные керченские склепы бесспорно представляют единый хронологический пласт, отражающий культуру позднеантичного Боспора конца IV — первой половины V в., когда в степях Северного Причерноморья господствовал гуннский племенной союз.

Сравнительный анализ материалов керченских склепов и погребальных памятников восточноевропейских степей и Казахстана помогает выявить как сходные, так и различные категории вещей. К последним относятся украшения костюма и конского снаряжения. Изготавливая их, древние мастера руководствовались не только соображениями декоративности, но в определенной мере также идеологическими представлениями своего племени или народа, и это нашло выражение в формах и орнаментации изделий.

Распространенные среди степного населения полихромные украшения — колты, диадемы, кулоны — принадлежат к специфическим предметам кочевнической культуры и никогда не встречаются в комплексах боспорских склепов³⁰. В свою очередь характерные для жителей Боспора фибулы, золотые венки с индикациями монет римских и византийских императоров, особо декорированные гривны и браслеты (рис. 6) отсутствуют в степных погребениях. Разница заключается и в стилистических особенностях украшений. Одни из них, предназначенные для кочевого населения, орнаментированы цветными вставками камня или стекла в отдельно напаянных гнездах, что, возможно, имитирует ряды нашитых на кожаную или матерчатую основу бусин или мелких металлических бляшек³¹.

Изделия, встреченные преимущественно в боспорских склепах, были исполнены в технике перегородчатой инкрустации и, вероятно, отражают вкусы населения Боспора. Вещи с перегородчатой инкрустацией в степных комплексах встречаются крайне редко и почти исключительно представлены небольшими золотыми пряжками (рис. 6). Украшения уздечек (накладки геометрических форм, орнаментированные рядами вставок в напаянных гнездах) из степных погребений также отличаются по форме и орнаменту от фигурных бляшек, найденных в керченских склепах (рис. 6). Различия наблюдаются и в подборе погребального инвентаря в целом. Например, в степных захоронениях почти нет серебряной и стеклянной посуды, так богато и разнообразно представленной в комплексах Боспора, а также металлических умбонов от щитов.

Однако все эти отличия не указывают на хронологический разрыв комплексов, они лишь свидетельствуют об их иной этнокультурной принадлежности. Сходство же погребального инвентаря степных комплексов и керченских склепов наблюдается прежде всего в формах оружия — мечей, наконечников стрел, костяных накладок лука, а также в конструкции удила, седла, в наличии некоторых одинаковых туалетных принадлежностей — зеркал, пряжек, наконечников поясов. Это все вещи, появление и распространение которых в Северном Причерноморье относится к определенной исторической эпохе, ко времени господства гуннов в Восточной Европе. Они встречаются от Алтая³² до Западной Европы³³ — на территории, захваченной круговоротом великого переселения народов. Эти вещи отражают определенный период, и их находки в памятниках,

совершенно отличных в этнокультурном отношении, свидетельствуют о принадлежности последних к одной исторической эпохе.

Таким образом, датировка керченских склепов и сравнительный анализ археологического материала показывают, что дата большинства памятников восточноевропейских степей ограничивается концом IV—первой половиной V в., хотя и не исключены некоторые хронологические уточнения в ту или иную сторону в отдельных конкретных случаях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ВЕЩЕЙ ИЗ СКЛЕПОВ 145, 154, 165, ХРАНЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ ПОД № 1820

Склеп 145. Все вещи из этого склепа, за исключением стеклянного стакана и золотой ажурной бусины, найденных на правой лежанке, обнаружены в тайнике под низким порогом входа. Инв. № 1820/156—283. Правая лежанка — стакан стеклянный с синими каплями (рис. 1, 6); бусина биконическая золотая ажурная. Тайник — чаша серебряная с изображением Констанция II (337—361) (рис. 1, 1); ложка серебряная (рис. 1, 5); ситечко серебряное (рис. 1, 4); ручка от серебряного кувшина (рис. 1, 2); венок золотой с индикацией монеты Гордиана (238—244) (рис. 2, 1); обкладка рукоятки кинжала из листового золота с шестью вставками красного стекла (рис. 4, 1); обкладка рукояти, аналогичная предыдущей, но без вставок; обкладки ножен кинжала из листового золота; прямоугольная золотая обкладка ножен меча с четырьмя вставками сердолика (рис. 4, 7); пронизка шаровидная из белого камня с серебряным стержнем и золотой головкой с четырьмя гранатовыми вставками (рис. 4, 2); четыре пронизки из белого камня от меча (рис. 4, 3); навершие меча из халцедона (рис. 4, 4, 5); два умбона железных позолоченных (рис. 4, 8, 10); части удила — кольцо с зажимами, исполненными в технике перегородчатой инкрустации (рис. 5, 4, 5); части удила — серебряные кольца с зажимами (рис. 5, 1, 2); обломки железных удила золотые (1 экз.) и серебряные (5 экз.); пластинчатые наконечники ремней (6 экз.; рис. 3, 11); серебряные пластинчатые наконечники ремней (3 экз.; рис. 3, 10); золотой наконечник ремня (рис. 3, 12); серебряные ромбовидные накладки (3 экз.; рис. 5, 11); серебряные фигурные накладки (2 экз.; рис. 5, 12); серебряные наконечники поясного ремня (3 экз.; рис. 3, 13); фигурные бронзовые подвески, исполненные в технике перегородчатой инкрустации (6 экз.; рис. 5, 9, 10); фигурные накладки, исполненные в технике перегородчатой инкрустации (2 экз.; рис. 5, 8); кольцо железное, обтянутое золотым листом; наконечники в виде полых трубочки с шарообразной головкой (8 экз.; рис. 5, 6, 7); бронзовые позолоченные колокольчики (7 экз.; рис. 5, 13); накладки в виде стилизованной фигурки птицы (2 экз.; рис. 1, 3); пластинчатые серебряные дужки (2 экз.); стержень, согнутый в овальное кольцо; рукоятки щита железные, обтянутые серебряной пластиной (2 экз.; рис. 4, 11); обкладки щита железные, обтянутые серебряным листом (2 экз.; рис. 4, 12); гвоздики бронзовые с полусферическими шляпками, обтянутыми золотым листом (рис. 4, 9); гвозди железные с плоскими шляпками, обтянутыми серебряным листом; бронзовая игла от фибулы; золотые штампованные бляшки (рис. 2, 2, 3); золотые бусы 14-гранные двойные; золотой браслет с расширяющимися концами (рис. 2, 7); серебряная фибула (рис. 2, 6); пряжка серебряная, позолоченная, с инкрустацией (рис. 3, 9); серебряные пряжки (рис. 3, 1, 3—7); бронзовая пряжка (рис. 3, 2); кольцо с зажимом (рис. 3, 8); серебряные кольца (рис. 5, 3); накладка круглая золотая со вставкой красного стекла; накладки зерновидной формы золотые со вставкой красного стекла (3 экз.; рис. 2, 5); бронзовые гвоздики с круглыми золотыми шляпками со вставкой красного стекла (рис. 2, 4); две вставки горного хрусталя и красного стекла; обломок золотой пластинки; золотой ободок из узкой пластинки с двумя рифлеными продольными полосками и пятью серебряными

штифтами; обломки тонких пластинок; золотая индикация монеты Валентиниана I (375—392); накладка от серебряного сосуда.

Склеп 154. В склепе найдено 11 деревянных гробов: четыре стояли на полу, по два — на левой и центральной лежанках, и три — на правой лежанке. Инв. № 1820/308—380. Налево от входа, на полу склепа — обломок втулки железного копья (рис. 4, 17); два халцедоновых плоских кружка-навершия (рис. 4, 18, 19); наконечники стрел (11 экз.; рис. 4, 15, 16); умбон железный (рис. 4, 20); рукоять щита железная (рис. 4, 21); стеклянный сосуд (рис. 1, 13). Погребение 1 — серебряные пряжки (рис. 3, 17, 27). Погребение 2 — погребальный золотой венок с индикацией монеты императора Валентиниана I (364—375) (рис. 2, 8); бронзовая пряжка (рис. 3, 21, 22); золотые пронизки трубчатые трехрядные (рис. 2, 16); пара серебряных фибул (рис. 2, 15); обрывки тканей; штампованные золотые бляшки с выпуклой серединой (рис. 2, 14); обломок двустороннего деревянного гребня (рис. 2, 18). Погребение 3 — серебряная пряжка (рис. 3, 14); бронзовая пряжка с граненым язычком (рис. 3, 16). Погребение 4 — серебряные пряжки (рис. 3, 18, 23, 29, 30); серебряная накладка (рис. 2, 20); костяные накладки лука (рис. 4, 13, 14). Погребения 5 и 6 — два серебряных кольца от пряжки (рис. 3, 15, 25); два серебряных кольца с язычком (рис. 3, 24, 31). Погребение 7 — обломок серебряной фибулы, обтянутой электроной пластинкой с вырезанными в ней гнездами (рис. 2, 13); серебряный перстень со вставкой альмандина (рис. 2, 11). Погребения 7 и 8 — обломок бронзового зеркала; сосуда стеклянные (рис. 1, 9, 12, 17, 18). Погребение 9 — пара золотых серег с янтарной и гранатовыми вставками (рис. 2, 10); стеклянные бусины (2 экз.); золотые пронизки-трубочки рубчатые двойные (9 экз.); золотые обкладки от круглых фибул с шестью янтарными и сердоликовой вставками (2 экз.; рис. 2, 9); перстень золотой с сердоликовой вставкой (рис. 2, 12); обрывки шерстяной ткани. Погребение 10 — серебряные зубочистка и ухвертка на колечке (рис. 2, 19). Погребение 11 — обломки грецкого ореха. Погребения 10 и 11 — стеклянные сосуды (рис. 1, 15, 16). В нише налево от входа — стеклянные сосуды (рис. 1, 7, 14); глиняный светильник (рис. 1, 20). В нише направо от входа — стеклянные сосуды (рис. 1, 8, 11); лепной глиняный сосудик (рис. 1, 19). Точное место находки неизвестно — серебряные пряжки (рис. 3, 19, 20, 26, 28, 32); наконечники ремня (рис. 2, 17); рог полый; два ножа железных (рис. 4, 25).

Склеп 165. В склепе на полу лежали три костяка; на центральной и левой лежанках — по два; на правой — три. Инв. № 1820/386—440. Погребение 1 — часть замка; деревянные ножны кинжала со следами двух бронзовых обойм (рис. 4, 22); обломки бронзовой трубочки; обрывки бронзовой цепочки из восьми восьмеркообразных звеньев; глиняный сосуд (рис. 1, 30). Погребение 2 — золотая гривна (рис. 2, 27); бусина бочонковидная из синего стекла с желтыми глазками с черным ободком; часть замка; серебряная серьга проволочная с 14-гранной «бусиной» на конце (рис. 2, 22). Погребение 3 — серебряные пряжки (рис. 3, 34, 39, 40, 42, 43, 45); обломок фибулы (рис. 2, 23); серебряная накладка (рис. 2, 28); бронзовый, позолоченный наконечник ремня (рис. 3, 46). Погребение 4 — золотые бляшки. Погребение 5 — золотой веночек с индикацией монеты Савромата (?); серебряные пряжки (2 экз.; рис. 3, 33, 38, 41); клинок дулезвийного длинного меча (рис. 4, 23); бронзовое зеркало (рис. 2, 29); глиняный сосуд (рис. 1, 29). Погребение 6 — пара серебряных фибул (рис. 2, 21, 24); бронзовое зеркало (рис. 2, 29); глиняный сосуд (рис. 1, 29). Погребение 7 — золотая гривна (рис. 2, 26). Погребение 9 — серебряные пряжки (рис. 3, 35, 44); лезвие железного ножа (рис. 4, 24). Погребение 10 — серебряная фибула (рис. 2, 25). Ниша налево — глиняный сосуд (рис. 1, 31); стеклянные сосуды (рис. 1, 22, 23, 25, 26). Ниша в северной стенке — стеклянные сосуды (рис. 1, 21, 27, 28). Ниша в южной стенке — стеклянный сосуд (рис. 1, 24); два железных ножа.

¹ *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956; *Alföldy A.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung.— АН, IX, 1932; *Fettich N.* La Trouvaille de Tombe princière hunnique à Szeged-Nagyszekes.— АН, XXXII, 1953; *Mazulevich L.* Byzantinische Antike. Berlin — Leipzig, 1929; *Tejral J.* Mähren im 5. Jahrhundert. Praha, 1972; *Засецкая И. П.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья.— СА, 1968, № 2, с. 60.

- ² Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— ГА, 1971, № 2 и 3.
- ³ Засецкая И. П. О хронологии погребений..., с. 54, 55.
- ⁴ Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, с. 20—22.
- ⁵ Там же, с. 18, 23—28, табл. II, 1, 2.
- ⁶ Там же, с. 28—34, рис. 6, 7, табл. III, 2.
- ⁷ Там же, с. 9—16, рис. 2, 3, табл. II, 3, 4.
- ⁸ Там же, с. 20, примеч. 2.
- ⁹ Фотоархив Отдела истории первобытной культуры ГЭ, № негатива П-560.
- ¹⁰ Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30, 1966, с. 82, 83.
- ¹¹ Спицын А. А. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г.— ИАК, 17, 1905, с. 115.
- ¹² Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР, с. 82—86.
- ¹³ Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии..., № 2, рис. 2.
- ¹⁴ Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья.— СА, 1971, № 4.
- ¹⁵ Tejral J. Mähren..., S. 16.
- ¹⁶ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 15—24.
- ¹⁷ Такие гривны появляются еще в III в. н.э. См.: Бергин И. П. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье.— АСГЭ, 2, 1961, с. 149, рис. 4, 1.
- ¹⁸ Засецкая И. П. О хронологии погребений...
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck), Bd 1. Die Fibeln. Berlin, 1961, Taf. 25, 106; Айбабин А. И. Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму (см. ниже, с. 22).
- ²¹ Werner J. Katalog der Sammlung..., Taf. 30—33.
- ²² Чалланы Д. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, I.— АА, II, 3-4, 1954.
- ²³ Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов.— ЗООИД, XXVII, 1907, с. 101—148.
- ²⁴ Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г.— ИАК, 25, 1907, с. 32—54.
- ²⁵ ОАК за 1913—1915 гг., с. 101.
- ²⁶ Мацулевич Л. А. Серебряная чаша...
- ²⁷ Vaue J., de. La Bijouterie des Goths en Russie. Paris, 1892, pl. 3.
- ²⁸ Штерн Э. Р., фон. К вопросу о происхождении «готского стиля» ювелирного искусства.— ЗООИД, XX, 1897, с. 1—15.
- ²⁹ Tejral J. Mähren..., Abb. 4, 3; 5, 6; 8, 3, 4; 9, 2, 3.
- ³⁰ Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 10—17.
- ³¹ Спицын И. В. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья.— ИСНВИК, 7, 1936, с. 82; Скалон К. М. О культурных связях Восточного Причерноморья в позднесарматское время.— АСГЭ, 2, 1961, рис. 4—6.
- ³² Уманский А. П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 129—163.
- ³³ Alföldy A. Funde aus der Hunnenzeit...; Fettich N. La Trouvaille de Tombe...; Werner J. Beiträge zur Archäologie...; Aberg N. Die Franken und Westgoten in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, 1933; Kubitschek W. Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf dem Marchfeld).— Jahrbuch für Altertumskunde, Bd 5, H. 1-3, S. 32.

М. Б. ЩУКИН

К ВОПРОСУ О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Немногие археологические культуры столь печально знамениты своей спорностью, как культура черняховская. В целях экономии места и времени не будем вдаваться сейчас в перипетии дискуссии о черняховской культуре, ход ее достаточно широко известен. Отметим только, что попытки решения вопроса о верхней хронологической границе всегда оставались в этой дискуссии основными. От определения этой даты зависела и проблема этнической интерпретации¹.

Самые поздние монеты, связь которых с черняховскими комплексами более или менее определена, относятся к IV в.: это превращенные в подвески монеты Констанция II (337—361) из безы Inventарного детского погребения 3 в Даниловой Балке² и Юлиана II Отступника (361—363) из погребения 59 могильника Могошаны³. Как будто достаточно надежно связаны с черняховским слоем и два монетных клада на поселениях: в Оргееве — 126 монет Констанция II (337—361)⁴ и в Лукашевке — 43 бронзовые монеты от Константа I (337—350) до Юлиана II (361—363)⁵. Бронзовая монета Гонория (395—423), найденная над погребением 96 могильника Тыргшор⁶, была бы наипозднейшей черняховской монетой. Но она обнаружена в засыпи могилы на глубине 0,65 м при общей глубине ямы 1,25 м. Поскольку невозможно установить, как она туда попала (потеряли могильщики или затащили кроты), для решения вопроса о поздней дате черняховской культуры она непригодна.

Считается, что черняховская культура не могла существенно пережить рубеж IV—V вв., поскольку в ее комплексах отсутствуют вещи инкрустационного стиля, получившие наиболее широкое распространение в варварской среде. Однако для сложной и бурной эпохи переселения народов мы практически не знаем археологических культур в обычном понимании этого термина. Лишь некоторые культуры, цветшие пышным цветом в позднеримский период, доживали тогда свой век. Основная же масса находок организуется в большое число различных культурных групп, как правило, на ограниченной территории и сравнительно кратковременных, и в несколько так называемых горизонтов находок одного стиля, распространенных очень широко, но повсеместно и неравномерно. Поэтому отсутствие вещей с инкрустациями в черняховской культуре не является датирующим моментом: известны и другие культурные группы второй половины IV — первой половины V в., где находки этого рода отсутствуют полностью или единичны, — например, винаржицкая группа⁷, добродзеньская группа⁸, нимбергская группа⁹, а также горизонт вещей стиля Сёсдала, охвативший всю Северную и Центральную Европу¹⁰.

Определенным косвенным аргументом в пользу синхронности заключительного этапа черняховской культуры и памятников гуннского времени может быть карта их распространения. По ней видно, как памятники гуннской эпохи «обтекают» ареал черняховской культуры, почти нигде с ней не совпадая.

Не лишена полностью вещей с инкрустациями и территория черняховской культуры. Кроме находок в Капуловке II¹¹ и в Кантемировке¹², принадлежность которых к собственно черняховской культуре может оспариваться, назовем железную двупластинчатую, обтянутую золотым листом и украшенную вставками фибулу из черняховского погребения 9 могильника Изворул в Румынии¹³. Комплекс этого погребения и всего могильника — типично черняховский. Крупные овалы вставки камня на фоне фольги с тиснением известны на позднеантичных изделиях уже с конца III в. (например, пряжки из Тимошевской и Херсонеса, шлем из Беркасова и др.)¹⁴. Не случайно отгиснутый на золотом листке орнамент, имитирующий филигранную «плетенку», столь характерен для вещей полихромного стиля¹⁵, а овальная форма верхней щитка напоминает круглый щиток нежинской фибулы¹⁶.

В черняховской культуре достаточно широко представлены серебряные и бронзовые двупластинчатые фибулы, которые, то гладкие, то инкрустированные, есть и в керченских склепах вместе с индикациями монет Констанция Галла (351—354), Валентиниана I (364—375) и Валентиниана II (375—392)¹⁷. Поскольку в Керчи этот тип фибул частично заходил и в V в., нельзя исключить такую же возможность для черняховской культуры. Некоторые фибулы могли попадать в землю на всем протяжении их бытования, т. е. не только в IV, но и в V в.

Керченские склепы имеют параллели в горизонте Унтерзибенбрунна, который по ряду находок синхронизируется со стилем Сёсдала. Например, в самом комплексе Унтерзибенбрун найдена крупная серебряная подвеска к узде, украшенная гравированным орнаментом в стиле Сёсдала: мелкие треугольники, звездочки, спирали из соединенных концентрических кружков и т. д. В исследовании, посвященном подвескам такого рода, Х. Гайслингер попытался выявить хронологические рамки стиля Сёсдала в целом. Их определяют следующие монетные находки: солид Константа I (337—350) из Нырупа, монета Грациана (367—383) из погребения 6 в Майене, находки в слое пожара 383—386 гг. в лагере Гундремминген и монеты Феодосия II (408—450) и Валентиниана III (425—455) из Базель-Кляйнхюнгена. Горизонту Сёсдала принадлежит и известный клад в Качине¹⁸, где сочетаются характерная уздечная подвеска, украшенная изображением парных конских головок (мотив, широко распространившийся в это время в Европе)¹⁹, и большие серебряные двухпластинчатые фибулы, аналогичные находкам из керченских склепов и из Синявки²⁰.

Через эти фибулы проводимая нами цепочка синхронизации возвращается в сферу черняховской культуры. Им по пропорциям близка фибула погребения 14 могильника Ранжевое²¹, украшенная по фестончатому краю углубленным орнаментом в виде полукруглых ямок и двойной дорожкой зубчиков. Углубленные полукружия и S-видные штампы украшают и фибулу из погребения 63 черняховского могильника в Спанцеве²².

Штапованная орнаментика (кружочки, зубчики и пр.) известна на античных изделиях и III—IV вв., но особого расцвета она достигла в стиле Сёсдала. С ним и можно сопоставлять гораздо более простую орнаментку фибул из Ранжевого и Спанцева, особенно S-видные узоры. В качестве важного диагностирующего момента К. Годловский называет высокие сферокопические умбоны щитов²³, вроде тех, что найдены в погребении 3 Малаештского могильника²⁴ и в погребении 86 Компаниевского²⁵. Роскошный вариант такого же позолоченного умбона с большими строгеными заклепками происходит из склепа 145 в Керчи²⁶. Очень близкие по пропорциям, но каннелированные умбоны известны из находок в добродзеньской группе и в Прибалтике²⁷. Если К. Годловский прав в том, что умбоны без каннелюр и с каннелюрами синхронны, то последние очень важны для привязки к абсолютной хронологии. Дело в том, что каннелированный сферокопический умбон показан на диптихе из собора в Монце, где, как считается, дано изображение Аэция или Стилихона.

Диптих создан не ранее 395 г. и не позже 30-х годов V в.²⁸

Можно попытаться протянуть и еще одну цепочку синхронизации: находки на черняховском поселении в Рипневе и на винаржицком в Мехолуцах очень сходных металлических предметов неизвестного назначения²⁹.

Важным диагностирующим признаком стадии D, синхронизирующим все упомянутые группы, являются гребни с выступом на спинке, гребни типа III по З. Томас³⁰. На Западе они широко распространены во второй половине IV и первой половине V в., а самые поздние их находки сочетаются с находками ранних S-видных фибул с птичьими головками, вещами, характерными уже для меровингской эпохи³¹. Начальная дата группы Винаржице не имеет достаточно надежных привязок и абсолютной хронологии. Лишь две монетные находки (Аркадий (395—408) и Константин III (407—411)) определяют время ее расцвета³². А поздняя дата ее фиксируется лишь по началу меровингской эпохи в Чехии, один из самых ранних комплексов которой сопровождается ауреусом Прокопия (467—472)³³. С памятниками меровингской эпохи винаржицкая группа переплетается во времени. Свидетельство тому — ряд однотипных нахо-

док, например маленькая фибула в виде хищной птицы в одном из погребений могильника Винаржице³⁴.

Стекланные кубки типа Косино — небольшая, но достаточно характерная группа находок в Центральной и Северной Европе конических кубков из толстого зеленоватого стекла, на маленькой ножке, украшенных большими овалами по тулову, иногда с греческими надписями по верхнему краю. Они не столь однообразны, чтобы быть единовременным выпуском одной мастерской, но едва ли слишком далеко отстоят друг от друга во времени. В черняховской культуре таких кубков четыре: из погребения 8 могильника Извоар³⁵, погребения 20 могильника Индепенденце³⁶, погребения Б могильника Малаешты³⁷ и из Хучи³⁸. Обломок такого же кубка происходит из разрушенного могильника Бизюков Монастырь³⁹. Комплекс погребения из Косино достаточно веско датируется второй половиной V в.⁴⁰ по большой двупластинчатой фибуле типа Косино — Тиссалек, двум пряжкам с длинными ромбическими обкладками, украшенными «кербшнитным» орнаментом. В качестве привязки к абсолютной хронологии используется в данном случае находка обломка фибулы типа Косино в кладе Радостово с 22 солидами от Феодосия II (408—450) до Юлия Непота (474—475). В комплексах горизонта Домбовар-Косино довольно часто встречаются двусторонние грести и зеркальца с центральным ушком типа Чми — Бригеци⁴¹. Двусторонний гребень найден в погребении 17 черняховского могильника Спанцев⁴², а зеркальце — в погребении у Борохтянской Ольшанки⁴³. Как показала Н. М. Кравченко, зарисовки, сделанные В. П. Петровым с утраченного во время войны комплекса, развеяли сомнение относительно формы зеркала. Здесь, в Ольшанке, было найдено зеркальце типа Чми — Бригеци с центральным ушком, распространенное на Западе с V в., вместе с типичной черняховской миской⁴⁴.

Г. Рау, изучая комплексы со стеклянными сосудами позднеримского времени, пришел к выводу, что самая поздняя группа гладких остроконических кубков (как в Гавриловке, погребение 35), конических фасетированных кубков (как в Гавриловке, погребение 5), сосудов с греческими надписями и их имитациями пересекается во времени с горизонтом находок эпохи Аттилы⁴⁵. Некоторые формы черняховской керамики подражают серебряной посуде⁴⁶, например вытянутым узкогорлым кувшинам того типа⁴⁷, что встречены в Петросском кладе⁴⁸, в склепе, разграбленном 24 июня 1904 г. на Госпитальной ул. в Керчи⁴⁹, и в Концештах. Глиняный сосуд из черняховского погребения в Николаэ Балкеску⁵⁰ близок по форме серебряной амфоре со стенами амазономахии из Концешт⁵¹. Повторяют иногда эту форму и стеклянные сосуды, например из Монсо-лэ-Нёф⁵². В погребение из Концешт действительно были положены вещи, изготовленные в конце IV — первой половине V в. Это аргументировано достаточно убедительно⁵³. Но что касается времени совершения погребения, то здесь можно внести уточнения. Едва ли это случилось ранее середины V в., поскольку седло военачальника из Концешт, так же как и сбрую из Апахиды⁵⁴, украшали инкрустированные бляшки в виде хищной птицы, а этот мотив, как уже упоминалось, начинает распространяться лишь во второй половине V в. и характерен в основном для еще более позднего, меровингского времени.

Итак, исходя из всего сказанного, мы можем думать, что наиболее поздние проявления черняховской культуры могут заходить в пределы V в. Это проявления не очень многочисленные и слабые. И на фоне синхронных культурных групп, вещей Унтерзибенбрунна, боспорских склепов, стиля Сёсдала, группы Винаржице упомянутые выше комплексы и вещи черняховской культуры выглядят архаичнее, беднее и проще, они несут на себе отпечаток более строгого, более пуританского вкуса позднеримской эпохи — III—IV вв., той эпохи, когда черняховская культура была одной из наиболее ярких и цельных в среде ее соседей и сов-

ременников — культур пшеворской, прешовской, культуры карпатских курганов, культуры мисковидных урн и др. В данном же случае мы имеем дело с периодом ее упадка и угасания, со своеобразным «шлейфом» культуры во времени. К сожалению, до тех пор пока нет хронологического членения стадии D на более мелкие временные подразделения, мы не в состоянии зафиксировать археологически начало этого процесса постепенного угасания и можем лишь предполагать, что 375 год, удар гуннов, смерть Германариха и уход из Причерноморья вестготов в Мёзию⁵⁵ могли быть событиями, послужившими определенным толчком, началом конца черняховской культуры.

Население Причерноморья не было, очевидно, полностью уничтожено гуннами. На своих местах под властью гуннов остались, как известно, остготы, пытались освободиться, воевали с союзниками гуннов антами, безуспешно воевали с самими гуннами, но в битве на Каталаунских полях были вынуждены сражаться против сородичей — вестготов — в войсках Атиллы. После Каталаунской битвы, смерти Атиллы и битвы при Надао в 454 г. происходит новый «передел» мира. Часть гуннов возвращается в Причерноморье, гепиды укрепляются в Дакии, а остготы переселяются в Паннонию⁵⁶. С этими событиями и совпадает окончательный конец черняховской культуры.

- ¹ Šćukin M. B. Das Problem der Cernjachov-Kultur in der sowjetischen archäologischen Literatur.— ZfA, 9, 1975, 1.
- ² Сьмонович Э. А. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка.— КСИИМК, XLVIII, 1952, с. 66.
- ³ Diaconu Gh. Das Gräberfeld von Mogoșani.— Dacia, XIII, 1969, S. 392.
- ⁴ Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР.— САИ, вып. Г4-4, 1961, с. 95.
- ⁵ Кропоткин В. В. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в.— НЭ, I, 1960.
- ⁶ Diaconu Gh. Tirggor, necropole din secolele III—IV e. n. București, 1965, tabl. LXXXIX.
- ⁷ Svoboda V. Cechy v dobe stehování národu. Praha, 1965.
- ⁸ Szydlowski J. Trzy smenarzyska typu dobrodzińskiego. Bytom, 1974.
- ⁹ Schmidt B. Neue völkerwanderungszeitliche Funde zwischen Unstrut und Ohre.— Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd 47, 1963; *idem*. Das frühvölkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Niemberg, Saalkreis.— Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd. 48, 1964; *idem*. Zur Entstehung und Kontinuität des Thüringerstammes.— In: Germanen, Slawen, Deutsche. Berlin, 1968, S. 73—87.
- ¹⁰ Forssander J. E. Provinzialrömisches und Germanisches.— In: Arsberättelse 1936—1937. Lund, 1937; Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. München, 1974.
- ¹¹ Рутківська Л. М. Поселення IV—V ст. н. е. в с. Капулівка на Ніжньому Дніпрі.— Археологія, XXIV, 1970.
- ¹² Рудинський М. Я. Кантемирівські могили римської доби.— Всеукраїнський археологічний комітет. Записки, I. Київ, 1930.
- ¹³ Mitrea V., Preda K. Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia. București, 1966, fig. 183, 184.
- ¹⁴ ОАК за 1894 г., рис. 40; за 1897 г., рис. 232.
- ¹⁵ Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 23—25, рис. 7; табл. 1, 4—6.
- ¹⁶ Там же, табл. 3.
- ¹⁷ Засецкая И. П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья.— СА, 1968, № 2, с. 52—62. См. также статью И. П. Засецкой в настоящем выпуске.
- ¹⁸ Петров В. П., Калищук В. П. Скарб срібних вещей з с. Качин Волинської області.— МДАІВ, 5, 1964.
- ¹⁹ Böhme H. W. Germanische Grabfunde..., Taf. 115, 10; 120, 5; 124, 6; Forssander J. E. Provinzialrömisches und Germanisches, Abb. 1; 25, 1; 26.
- ²⁰ Каменецкий И. С., Кропоткин В. В. Погребение гуннского времени близ Танаиса.— СА, 1962, № 3.
- ²¹ Сьмонович Э. А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, № 139, 1967, рис. 15, I.
- ²² Mitrea V., Preda K. Necropole din secolul..., fig. 85—87.
- ²³ Ibid., p. 110.
- ²⁴ Федоров Г. Б. Малаештский могильник.— МИА, № 82, 1960, рис. 13, I.
- ²⁵ Магно Є. В. Типи поховань та планування Компаніївського могильника.— В кн.: Середні віки на Україні, 1. Київ, 1971, рис. 5, I.

- ²⁶ Засецкая И. П. О хронологии..., рис. 9.
- ²⁷ Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970, pl. IV, 14; XII, 21; XII, 24.
- ²⁸ Ibid., p. 110; Delbrueck R. Die Consular-Diptychen.— Studien zur spätantiken Kunstgeschichte, 2, 1929.
- ²⁹ Dąbrowska T. Zagadkowe narzędzia metalowe z okresu wędrowek ludów.— Wiadomości archeologiczne, XXXIII, 3-4, 1968.
- ³⁰ Thomas S. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit.— Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege, Bd 8, 1960.
- ³¹ Ibid.
- ³² Svoboda B. Čechy..., s. 25, 26.
- ³³ Ibid., s. 26.
- ³⁴ Ibid., tabl. XXIV, 2.
- ³⁵ Vulpe R. Izvoare. Săpăturile din 1938—1948. București, 1957, fig. 320.
- ³⁶ Mitrea B., Preda K. Necropole din secolul..., fig. 134.
- ³⁷ Федоров Г. Б. Малаештский могильник, рис. 11.
- ³⁸ Рикман Э. А., Рафалович И. Е., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, рис. 7, 1.
- ³⁹ Гошкевич В. Древние городища по берегам низового Днестра.— ИАК, 47, 1913.
- ⁴⁰ Werner J. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slovakai und der Karpatenukraine.— SLA, VII, 2, 1959.
- ⁴¹ Ibid., Abb. 2; 7; Kuchenbuch F. Die Fibel mit umgeschlagenen Fuß.— Saalburg Jahrbuch, XIII, 1954, Abb. 1, 5—9.
- ⁴² Mitrea B., Preda K. Necropole din secolul..., fig. 33.
- ⁴³ Кравченко Н. М. Поховання V ст. н. е. з с. Вільшанки на Київщині.— В кн.: Середні віки на Україні, 1, Київ, 1971, рис. 1.
- ⁴⁴ Архив ЛОИА, ф. 5 («Корочки» А. А. Спицына), д. 329, л. 160.
- ⁴⁵ Rau G. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel Raum.— Acta Praehistorica et Archaeologia, 3, 1972, S. 166.
- ⁴⁶ Кротошкин В. В. О датировке кувшина из Чистиловского могильника.— СА, 1973, № 3.
- ⁴⁷ Mitrea B., Preda K. Necropole din secolul..., fig. 56, 2; 249, 1; 262, 2; Сымонович Э. А. Орнаментация черняховской керамики.— МИА, № 116, 1964, рис. 8, 3; 10, 8.
- ⁴⁸ Odorescu A. La trésor de Pétroasa, t. I—III. Paris, 1899—1900; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973, с. 274—276.
- ⁴⁹ Засецкая И. П. О хронологии..., рис. 60.
- ⁵⁰ Mitrea B., Preda K. Necropole din secolul..., fig. 246, 4.
- ⁵¹ Matzulewitsch L. Byzantinische Antike. Studien auf Grund der Silbergefäße der Ermitage. Berlin — Leipzig, 1929, S. 123—157, Taf. 36—51; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, № 69, 1960, табл. 50.
- ⁵² Vöhrte H. W. Germanische Grabfunde..., Taf. 131, 5.
- ⁵³ Скалон К. М. Погребение в с. Концешты в Молдавии (Византия и варварский мир).— В кн.: Краткие тезисы докладов научной конференции «Культура и искусство Византии». Л., 1975.
- ⁵⁴ Horedt K. Neue Goldschätze des 5. Jahrhunderts aus Rumäni (ein Beitrag zur Geschichte der Ostgoten und Gepiden).— In: Studia Gotica. Stockholm, 1972, Abb. 2.
- ⁵⁵ Иордан. О происхождении и деяниях готы. Getica. М., 1960, с. 91, 92.
- ⁵⁶ Там же, с. 114—119.

А. И. АЙБАБИН

ПОГРЕБЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI В. В КРЫМУ

А. К. Амброз установил, что на территории Крыма пока известно только несколько погребений второй половины V и первой половины VI в.¹ Изучение хранящихся в различных музеях материалов из дореволуционных раскопок в Крыму, а также инвентаря захоронений исследованного Е. В. Веймарном Скалистинского могильника² позволило выявить новую группу вещей второй половины V — первой половины VI в. и, что особенно важно, погребения первой половины VI в. Публикация и предварительный анализ упомянутых материалов дает возможность полнее осветить историю Таврики того времени.

Ни в одном из рассматриваемых в данной работе погребений не найдены монеты. Поэтому для выяснения даты захоронений попробуем разобратся в типологии находившихся там вещей.

Фибулы. Из подбойной могилы 1/12 у высоты «Сахарная головка» и из скалистинского склепа 190 происходят две литые бронзовые фибулы с ромбической ножкой, полукруглой и треугольной головками, декорированные трехгранно-выемчатой резьбой (рис. 1, 1, 5; длина 6 и 6,6 см). Рельефный орнамент фибул выполнен при отливке и затем слегка подточен. В аналогичной технике сделаны фибула из Керчи (рис. 2, 1) и пара фибул из Херсонеса (рис. 3, 2; длина 6,9 см). В зарубежной литературе трехгранно-выемчатая резьба называется «кербшнитной»³. И. Вернер отнес подобные фибулы из Придунавья и Крыма к южнорусской группе и датировал их второй половиной V в.⁴ В названных регионах найдено большинство фибул с геометрической «кербшнитной» резьбой (рис. 2, 1—4)⁵. По декору ножки и головки эти фибулы можно разделить на два варианта. Фибулы первого варианта украшены треугольниками (рис. 1, 1, 5; 2, 1—3); фибулы второго варианта — большими ромбами и прямыми линиями (рис. 2, 4). По мнению А. К. Амброза, такие фибулы ввозили в Крым из Придунавья⁶. Следует отметить, что в VII в. придунайские мастера повторили на литых пальчатых фибулах орнамент в виде небольших треугольников. Но на поздних образцах треугольники не резные и выполнены весьма небрежно⁷.

Пара литых серебряных позолоченных пальчатых фибул из херсонесского склепа 14/1914 декорированы неглубокой гранчато-выемчатой резьбой. На ромбической ножке вырезаны концентрические ромбы. Ножка завершается весьма схематическим изображением звериной головы. На углах ножки имеются два гнезда со вставками красного стекла. На полукруглой головке вырезаны два завитка и гранчато-выемчатый треугольник. Головка отлита с тремя кнопками. Длина фибул 6,9 см (рис. 3, 2). В Крыму (Херсонес, Керчь (рис. 3, 3—5), Сууксу и Гурзуф)⁸, Поднепровье⁹, Венгрии¹⁰, Болгарии¹¹, Югославии¹², Италии¹³ найдено большое количество аналогичных фибул. Еще Б. Салин совершенно справедливо предположил, что керченские пальчатые фибулы, в том числе с ножкой, декорированной концентрическими ромбами, изготовлялись по придунайским прототипам¹⁴. Ему возражал Л. А. Мацулевич¹⁵. Однако А. К. Амброс убедительно доказал правильность предположения Б. Салина¹⁶. Этот вывод получил еще одно подтверждение благодаря новой находке в Херсонесе.

В 1973 г. Херсонесский музей приобрел фибулу, найденную на территории некрополя во время строительных работ (рис. 3, 1; 4). Фибула отлита из серебра и позолочена. Длина 8,2 см, наибольшая ширина 4,4 см. Ромбическая ножка и полукруглая головка декорированы настоящей кербшнитной резьбой, гравировкой и пунсоном. По краю они окаймлены высоким бортиком. На ножке в высоком рельефе вычеканены концентрические ромбы, причем стенки одного из них сверху покрыты насечкой. Завершается ножка изображением звериной головы. Видны углубленные глаза, широкая, слегка раскрытая пасть. Глазницы и губы сверху подчеркнуты пунсонными точками. Широкая дужка отлита с пятью выступающими поясками. Четыре из них сверху покрыты пунсонными точками, а боковая поверхность двух средних поясков — насечкой. Центральные поясок украшен инкрустированной, видимо медной, тончайшей пластинкой с треугольными вырезами по краю. Пространство между центральными и средними поясками заполнено гравированными полукругами. На полукруглой рельефной головке фибулы боковая поверхность бортика украшена пунсонным точечным пояском. Ободки боковых кнопок декорированы насечкой.

Нам неизвестны фибулы, полностью аналогичные херсонесской. Но технические приемы, примененные для ее украшения (кербшнитная резьба,

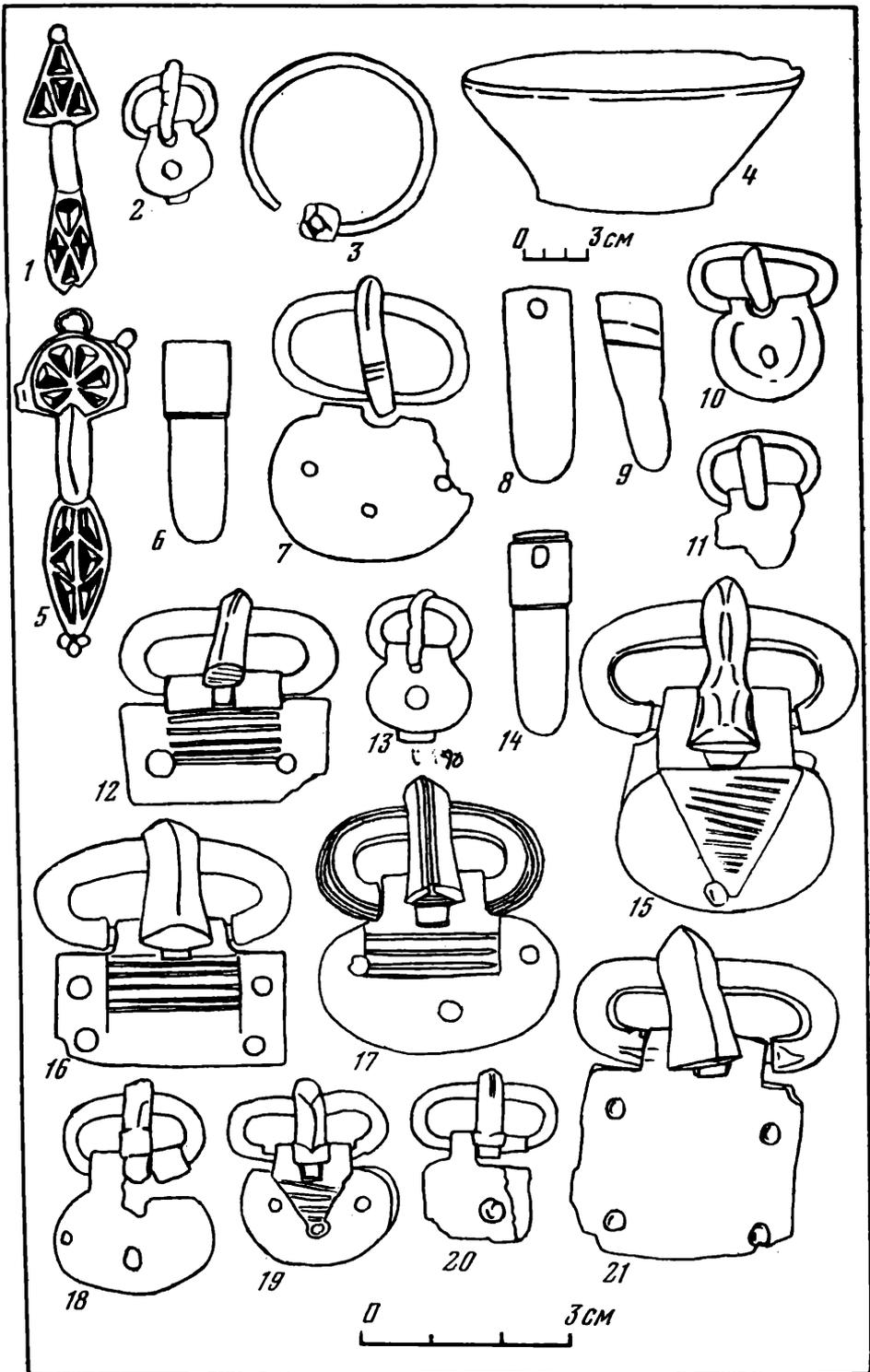

Рис. 1. Вещи из погребений в Крыму

1, 5 — вторая половина V в.; 2—4, 6, 8, 9, 13, 14 — вторая половина V — первая половина VI в.; 7, 10, 11, 18, 20, 21 — первая половина VI в.; 12, 15—17, 19 — VI — первая половина VII в.; 1, 3, 4, 7—11, 13, 15—21 — Скалистое (1, 3, 4, 13 — склеп 190; 7—11 — склеп 465; 15 — могила 445; 16—21 — склеп 495); 2, 5, 6, 12, 14 — Сахарная головка (5, 6 — могила 1/12; 2, 12, 14 — могила 3/13)

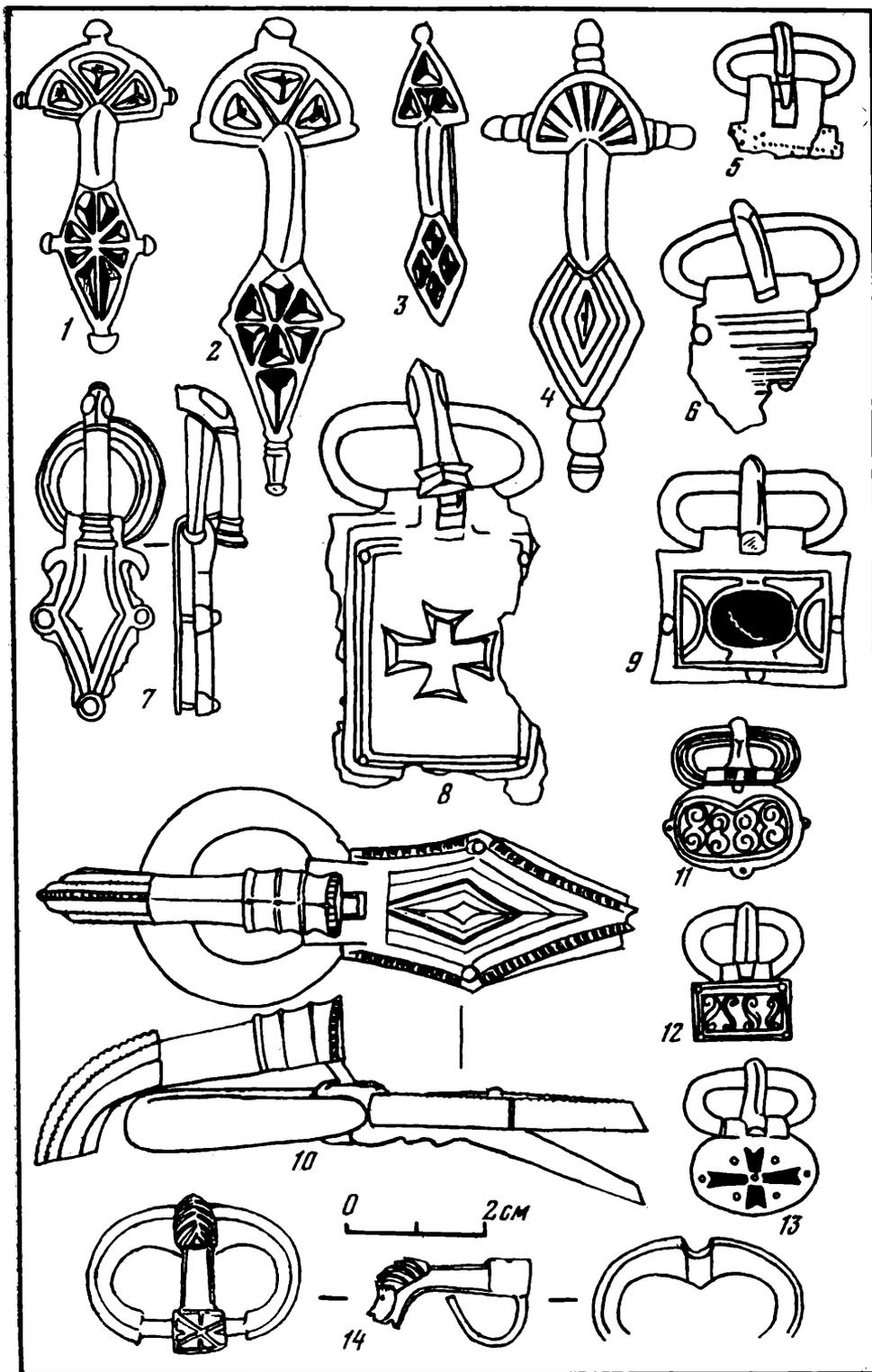

Рис. 2. Вещи из погребений в Крыму

1—4, 7, 10 — вторая половина V в.; 5, 8, 14 — вторая половина VI — первая половина VII в.; 6, 13 — VI — первая половина VII в.; 11, 12 — вторая половина V — первая половина VI в., 1, 4, 10 — Керчь (1 — ГИМ; 4 — Стокгольмский музей; 10 — КИАМ, инв. № 1259); 2, 5, 8, 14 — Херсонес (2 — ГЭ, инв. № X679; 5, 8, 14 — склеп 62/1909 г.); 3, 7 — Крым; 6 — Скалистое, склеп 449; 11, 13 — коллекция А. Л. Бертье-Делагарда; 12 — Гессен (ФРГ)

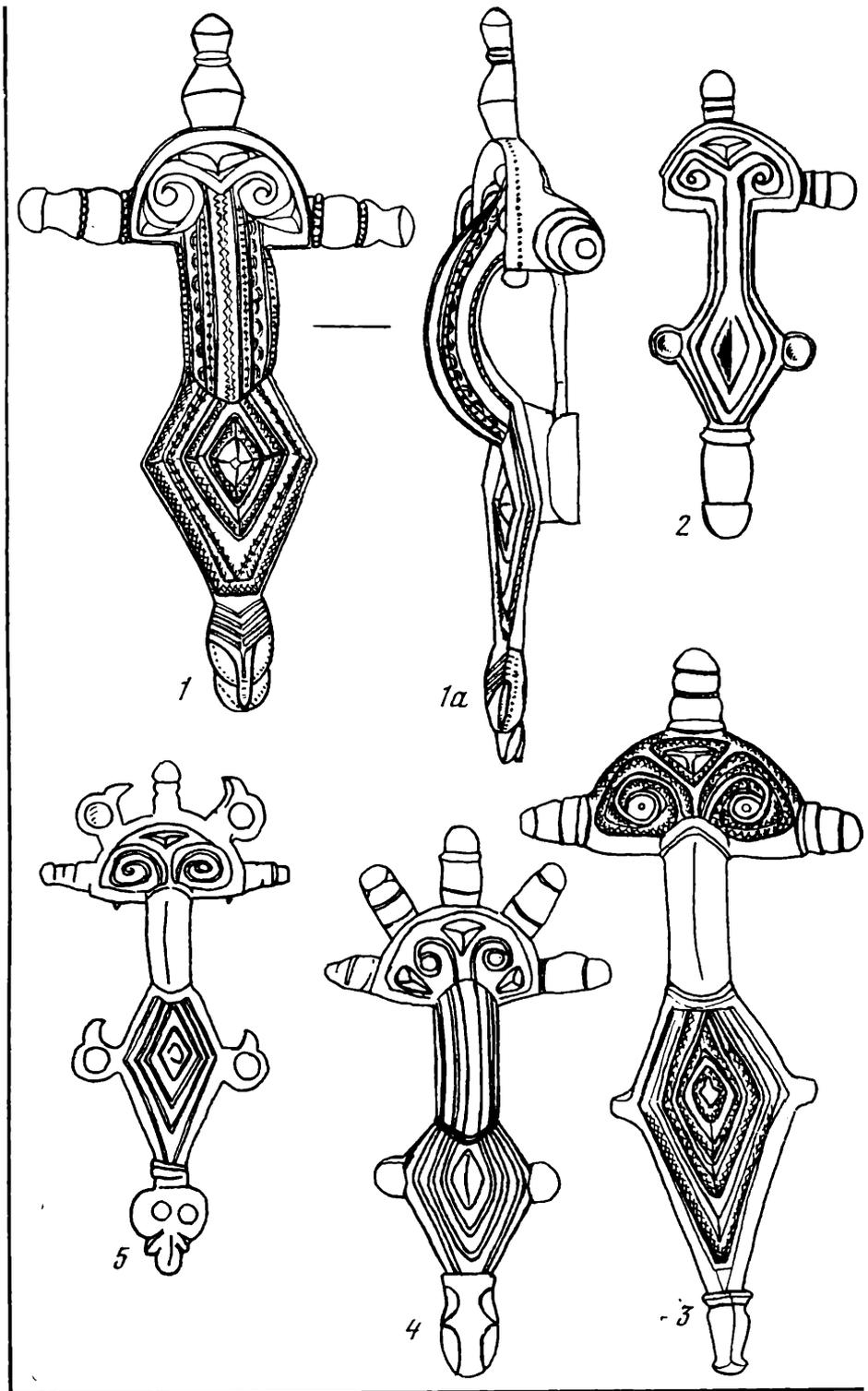

Рис. 3. Фибулы из погребений в Крыму

1, 1а — вторая половина V в.; 2 — первая половина VI в.; 3—5 — вторая половина VI—VII в.; 1, 2 — Херсонес (1, 1а — ХМ, инв. № 161/1973; 2 — склеп 14/1914 г.); 3—5 — Керчь (3 — КИА инв. № 1265; 4 — могила 3/1869 г.; 5 — ГИМ)

пунсонный орнамент и инкрустация металлом), характерны для ювелирных мастерских Центральной, Северной и Южной Европы¹⁷. Именно там были изготовлены почти все найденные в Крыму пряжки и фибулы, декорированные настоящей кербшнитной резьбой или пунсоном¹⁸. Да и основные элементы декора херсонесской фибулы (звериная головка, орнамент ножки, спинки, головки и даже насечка на кнопках) представлены на многих соответствующих придунайских изделиях¹⁹. Судя по техническим приемам, содержанию и качеству декора, херсонесская фибула может быть датирована второй половиной V в. Скорее всего она изготовлена в самом Придунавье или придунайским мастером, приехавшим в Крым. Публикуемая фибула могла послужить одним из образцов, по которым крымские мастера стали изготавливать собственную продукцию.

Наиболее ранним вариантом местных фибул с концентрическими ромбами на ножке, быть может, являются экземпляры, подобные херсонесским из склепа 14/1914 (рис. 3, 2). Часть из них еще декорирована кербшнитной резьбой²⁰. Более поздние фибулы украшены либо неглубокой кербшнитной резьбой²¹, либо имитацией

ее, выполненной в технике отливки (рис. 3, 3—5). В этой группе преобладают фибулы с пятью кнопками на головке и с кнопками в виде птичьих головок со вставками красного стекла (рис. 3, 4, 5)²². Но отливались и фибулы с тремя кнопками²³. Среди них интересна бронзовая фибула длиной 9,2 см (КИАМ; рис. 3, 3). В ее декоре использованы элементы, характерные для фибул, украшенных кербшнитными треугольниками (форма выступов на углах ножки и трактовка звериной головы). Дата фибул с пятью кнопками и с птичьими головками определяется по найденным вместе с ними в сууксинской могиле 155 и в керченском склепе 1875 г. вещам, относящимся соответственно к первой и второй половине VII в.²⁴ Таким образом, производство пальчатых фибул, отлитых способом литья по восковой модели, в Крыму могло начаться уже во второй половине VI в. Крымские фибулы с тремя кнопками, у которых головка и ножка декорированы кербшнитной резьбой, наверное, одновременно аналогичным придунайским изделиям первой половины VI в.²⁵

Броши. Из херсонесского склепа 14/1914 происходит отлитая из серебра брошь, имеющая форму цикады (рис. 5, 9)²⁶. В Крыму и Придунавье большинство застежек в форме цикады встречено в погребениях первой половины V в. Подобные застежки изготавливались и в VI в.²⁷ Видимо, их продолжали носить также в начале VII в. Одна застежка найдена в могильнике у высоты «Сахарная головка» в склепе 3 с вещами начала VII в.²⁸

Рис. 4. Серебряная позолоченная фибула из Херсонеса

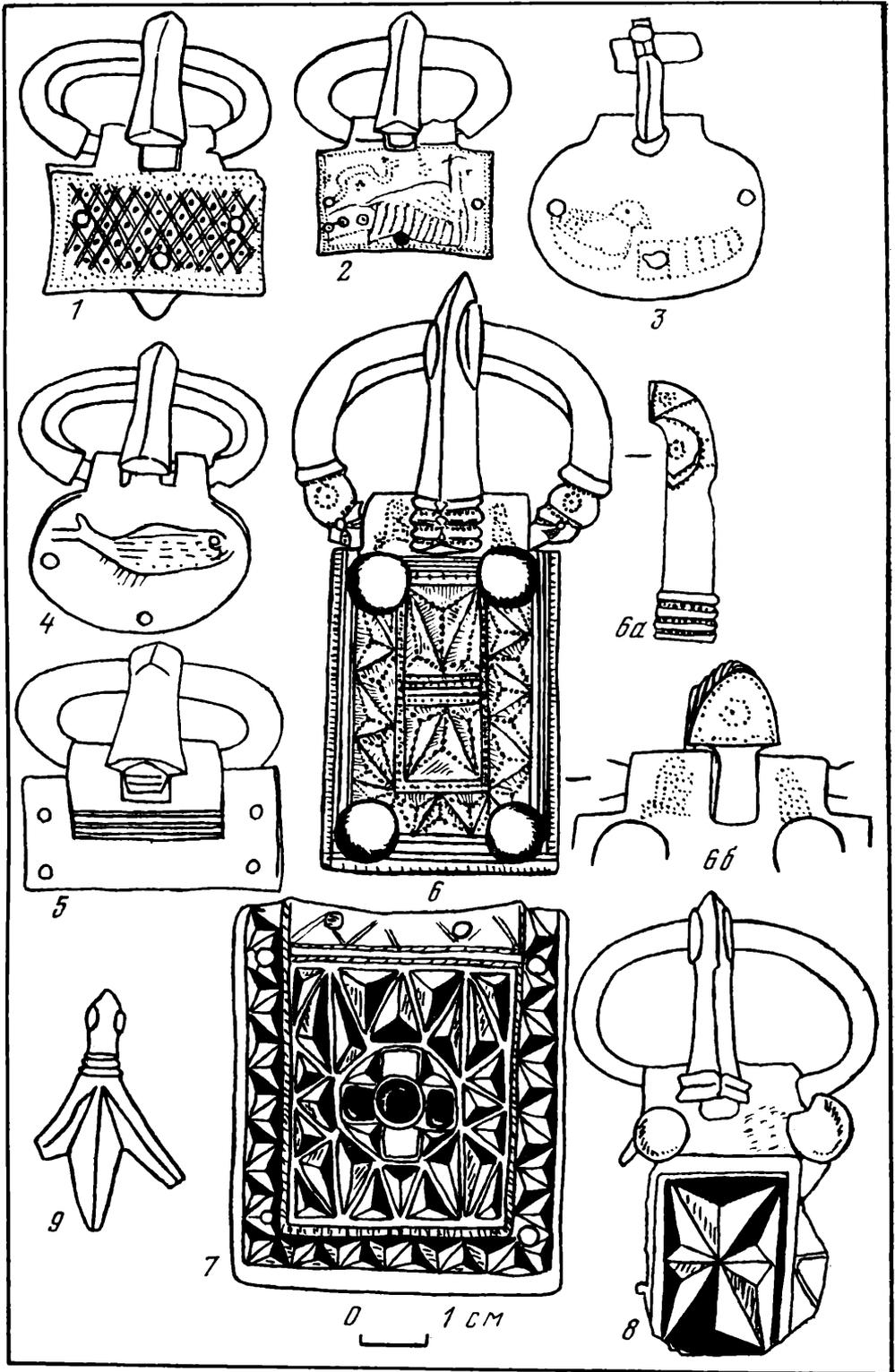

Рис. 5. Пряжки и броши из погребений в Крыму и Подунавье

1, 2 — вторая половина VI — первая половина VII в.; 3, 4 — VI в.; 5 — VI — первая половина VII в.; 6—8 — первая половина VI в.; 9 — V—VI вв.; 1, 2, 5, 6, 9 — Херсонес (1 — склеп 2126/1905 г.; 2 — склеп 62/1909 г.; 5, 6, 9 — склеп 14/1914 г.); 3, 4 — Румыния; 7 — Керчь (ГЭ, инв. № 1821/2); 8 — Скалистое, склеп 5

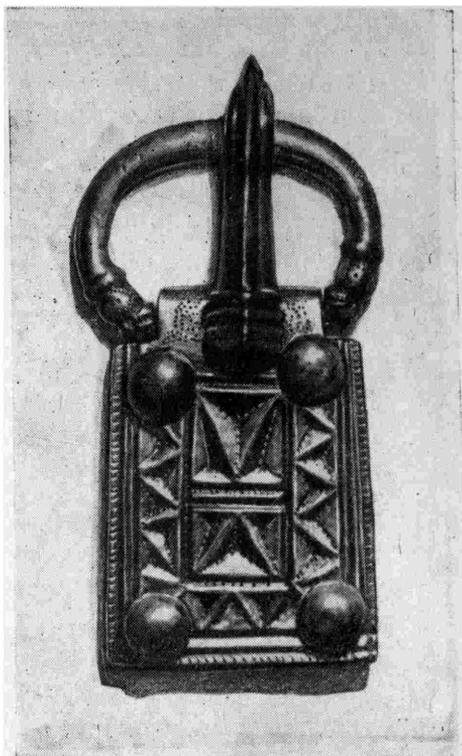

Рис. 6. Серебряная позолоченная пряжка из склепа 14/1914 г. в Херсонесе

Пряжки. Во второй половине V — первой половине VI в. в Крыму были распространены пряжки, которые можно разделить на четыре типа.

К типу I относится отлитая из серебра и позолоченная пряжка с массивными круглым кольцом, трехгранным язычком, начинающимся с изображения звериной головы, и ромбовидным пластинчатым щитком, перегнутом вокруг тыльной части кольца (КИАМ; рис. 2, 10). Передняя часть язычка отлита с пятью каннелюрами, а тыльная — с четырьмя поперечными выступами. Затем выступы и каннелюры были подправлены резцом, а центральная каннелюра и тыльный выступ украшены насечкой. На щитке неглубокой резьбой выполнены концентрические ромбы. Край щитка покрыт насечкой. Обратная сторона щитка плоская. Ремень с помощью трех заклепок крепился между верхней и нижней пластинами щита. Длина пряжки 8,6 см. Совершенно такая же, судя по фотографии, пряжка (с. Пекари Черкасского у. Киевской губ.) хранилась в коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко. О ней сказано: «бронзовая, обложенная снаружи массивной золотой пластинкой», размер не указан²⁹. По форме щитка и технике его орнаментации керченская пряжка близка также пряжке из Калиша, изготовленной в Придунавье во второй половине V в.³⁰ Наконец, в литературе упоминается еще одна керченская пряжка с более сложными по очертаниям щитком (рис. 2, 7)³¹. Кольцо публикуемой пряжки находит аналогии среди экземпляров V в.³² Орнамент из концентрических ромбов, исполненный кербшнитной резьбой, представлен также на ножках фибул, ввезенных в Крым во второй половине V в. из Придунавья (рис. 2, 4; 3, 1). Можно предположить, что и публикуемая керченская пряжка входила в состав придунайского импорта второй половины V в.

Пряжки типа II можно разделить на три варианта по технике выполнения и декору. Пряжки первого варианта найдены в херсонесском склепе 14/1914 и разрушенном скалистинском склепе 5³³. Херсонесская пряжка отлита из серебра и позолочена (длина 8,6 см; рис. 6). На тыльной части кольца изображены две смотрящие друг на друга звериные го-

ловы, у которых глаза переданы пунсоном. Пунсонные точки нанесены и в слегка раскрытой пасти зверей. Треугольный язычок также начинается со схематизированного изображения головы животного. Глаза и уши показаны пунсонными точками. Ими же разделены выступы на тыльной части язычка и орнаментирован его торец (рис. 5; 6). В той же технике исполнены две звериные головы на держателе кольца на щитке. Отчетливо видны торчащие заостренные уши одной из голов. На щитке в кербшнитной технике вырезаны две трапеции, окаймленные поясом из трехгранно-выемчатых треугольников. Внутри трапеций вырезано по три таких треугольника. Резной орнамент подчеркнут линиями из пунсонных точек. Края щитка украшены насечкой. Обратная сторона щитка плоская. С помощью четырех кнопок с большими шляпками между верхней и нижней пластинами щитка крепился ремень. Серебряная пластина щитка скалистинской пряжки украшена аналогичным орнаментом, выполненным чеканкой (рис. 5, 8).

Аналогичные пряжки, украшенные кербшнитной резьбой, встречены в Венгрии. Д. Чаллань датировал их 472—568 гг.³⁴ Однако по форме кольца эти пряжки скорее всего можно отнести к первой половине VI в. Видимо, тогда же и там же изготовлены херсонесская и скалистинская пряжки.

Ко второму варианту относится пряжка, от которой уцелел только щиток, купленный в Керчи и хранящийся в Эрмитаже. Он прямоугольный серебряный, декорированный подточными резцом треугольниками. В центре его сделан круг, в который вписаны круглое гнездо и крест, инкрустированные цветным стеклом (рис. 5, 7). Обратная сторона щитка плоская. Его длина 5,4 см, ширина 4,6 см. Пряжки с такими щитками из Италии и Франции А. Гётце причислил к типу А и датировал концом V — первой половиной VI в.³⁵ Очевидно, эрмитажная пряжка одновременно итальянской и французской и является продукцией одного из ремесленных центров, находившегося на территории Франции или Италии.

Пряжки третьего варианта обнаружены в сууксинской могиле 49 и скалистинском склепе 138. По декору они близки пряжкам первого варианта. Но треугольники на щитках пряжек третьего варианта выполнены при отливке, причем весьма небрежно. А их кольца по форме и декору аналогичны кольцам сууксинских пряжек второй половины VI—VII в.³⁶ Вероятно, рассматриваемые пряжки одновременны последним и изготовлены в Крыму по придунайским образцам.

В тип III объединены трехчастные пряжки с овальным кольцом, трехгранным или хоботовидным язычком и овальным или прямоугольным щитком, отлитые из серебра или бронзы. Они делятся на пять вариантов.

У пряжек первого варианта из скалистинских склепов 430, 495, подбойной могилы 3/13 у высоты «Сахарная головка» и херсонесского склепа 14/1914 щитки отлиты с прямоугольным или треугольным выступом на поверхности, на который при отливке нанесены параллельные линии (рис. 1, 12, 16, 17, 19; 5, 5). Большое количество аналогичных пряжек хранится в фондах Херсонесского музея. Все они уже лишены паспорта, но происходят из дореволюционных раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича на территории некрополя раннесредневекового Херсонеса. В отличие от них у пряжки из скалистинского склепа 449 линии исполнены на самой поверхности щитка (рис. 2, 6), а у пряжки из скалистинской подбойной могилы 445 они процарапаны на треугольном выступе после отливки (рис. 1, 15).

За пределами Юго-Западной Таврики нам почти неизвестны пряжки с подобным декором. Одна обнаружена в Бароновке (Абхазия), да на щитках поясных петель из цебельдинской могилы второй половины VII в. процарапаны подобные линии³⁷. В херсонесском склепе 14/1914 пряжка первого варианта встречена с украшениями первой половины VI в. (рис. 3, 2; 5, 6). В скалистинском склепе 449 пряжка первого варианта лежала

среди разбросанных костей пяти погребенных и перемешанных с ними вещей второй половины VI — первой половины VII в.³⁸ По-видимому, пряжки первого варианта можно предварительно датировать VI в. Поскольку большинство таких пряжек найдено в Херсонесе, вероятно, их там и изготовляли по византийским прототипам.

Второй вариант объединяет пряжки из херсонесских склепов 2126/1905 и 62/1909, декорированные гравировкой и пунсонными точками (рис. 2, 5; 5,1, 2). Бронзовая пряжка из склепа 2126/1905 позолочена. В херсонесском склепе 62/1909 найдены и две другие серебряные пряжки. Одна из них — с большим прямоугольным щитком, украшенным вдавленным крестом, а другая, В-образная, — с язычком, начинающимся с изображения головы животного, возможно собаки (рис. 2, 8, 14). Однотипная В-образная пряжка находилась в скалистинском склепе 447 вместе с инвентарем первой половины VII в.³⁹ Из дневника видно, что в склепе 62/1909 было похоронено шесть человек — четверо на лежанках и двое на полу⁴⁰, т. е. здесь хоронили длительное время начиная с VI в., когда в склеп могла попасть пряжка второго варианта. Аналогичные пряжки известны и в Придунавье, где они датируются VI в.⁴¹

К третьему варианту отнесены пряжки из скалистинских склепов 465 и 495 (рис. 1, 7, 18, 20, 21), из склепа 1 у высоты «Сахарная головка»⁴² и из Херсонеса. Их щитки не орнаментированы. Другие аналогии этим пряжкам нам неизвестны.

Пряжка четвертого варианта хранится в коллекции А. Л. Бертье-Делагарда (рис. 2, 11). Ее щиток декорирован S-видными завитками. Подобные пряжки были распространены во второй половине V — первой половине VI в. в Придунавье, в Западной и Центральной Европе (рис. 2, 12)⁴³.

Пряжка пятого варианта происходит также из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда. На ее щитке сделано крестовидное гнездо, инкрустированное стеклом (рис. 2, 13). В той же технике орнаментированы пряжки VI — первой половины VII в. из Сицилии (рис. 2, 9)⁴⁴ и с Кавказа⁴⁵.

Пряжки типа IV — маленькие серебряные, с овальным кольцом, загнутым вниз язычком и щитком из перегнутой вокруг тыльной части кольца тонкой пластинки. Верхняя пластина щитка круглая, а нижняя — узкая прямоугольная. Она слегка выступает за край верхней. Известны только две пряжки с таким выступом: из скалистинского склепа 190 и подбойной могилы 3/13 у высоты «Сахарная головка» (рис. 1, 2, 13).

Стоит также упомянуть серебряные и бронзовые узкие наконечники поясных ремней, которые встречены только в скалистинских склепах 449 и 465 и в подбойных могилах 1/12 и 3/13, раскопанных у высоты «Сахарная головка» (рис. 1, 6, 8, 9, 14)⁴⁶. Конец ремня вставлялся в щель, пропильную в верхней части наконечника.

Остальной инвентарь из рассматриваемых в настоящей работе крымских погребений (бронзовые серьги с многогранником, лепная и стеклянная посуда; рис. 1, 3, 4) изготовлялся в Крыму в течение весьма продолжительного времени — с V по VII в., и его нельзя использовать для выяснения даты названных погребений.

Таким образом, лишь скалистинский склеп 190 и подбойную могилу 1/12 у высоты «Сахарная головка», содержащие фибулы, декорированные подточенными резцом треугольниками, можно отнести ко второй половине V в.

В херсонесском склепе 14/1914 расчищены остатки двух скелетов⁴⁷. Вещи из него можно считать закрытым комплексом. Он датируется по пряжке с кербшитными треугольниками на щитке (рис. 5, 6) и фибулам с кербшитными ромбами на ножке (рис. 3, 2) первой половиной VI в. В скалистинском склепе 465 и в подбойной могиле 3/13 у «Сахарной головки» похоронено по два человека, а в скалистинском склепе 495 — четверо взрослых и подросток⁴⁸. В погребении 3/13 у «Сахарной головки»

пряжка первого варианта типа III (рис. 1, 12) и наконечник (рис. 1, 14), распространенные в Крыму в VI в., найдены вместе с пряжкой типа IV (рис. 1, 2). Поскольку пряжки данного типа появились в Крыму во второй половине V в. и отсутствуют в комплексах второй половины VI в. и более поздних, то могилу 3/13 следует датировать первой половиной VI в. В скалистинских склепах 465 и 495 наконечники и пряжки первого варианта типа III сочетаются с пряжками третьего варианта типа III. Последние пока не встречены в комплексах с вещами, находившимися в употреблении во второй половине VI в. и позже. Видимо, оба скалистинских склепа можно отнести к первой половине VI в. Тогда же, наверное, было совершено захоронение и в склепе 1 у высоты «Сахарная головка», где обнаружена пряжка третьего варианта типа III⁴⁹.

Многие найденные в Крыму фибулы и пряжки второй половины V — первой половины VI в. привезены из Придунавья. Некоторые из них были использованы местными мастерами в качестве образцов при изготовлении собственной продукции подобного рода. Явно по придунайским прототипам сделаны пряжки первого и третьего вариантов типа III, третьего варианта типа II и пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке. Организаторами такого производства могли быть и перебравшиеся в Крым странствующие ремесленники⁵⁰.

Столь сильное придунайское влияние в Крыму во второй половине V — первой половине VI в., вероятно, объясняется этнической однородностью части населения Таврики и Придунавья⁵¹.

¹ Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв. (Рукопись докт. дис.). Архив ИА АН СССР, P-2, № 2142, с. 199, 200.

² Веймарн Е. В. Отчет о работах Баглинской экспедиции ИА АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1958—1960 гг. Архив ОАКР. Выражаю свою признательность Е. В. Веймарну за разрешение использовать в статье материалы из его раскопок в Скалистом, а также главному хранителю фондов ГЭ К. М. Скалон, сотрудникам ГИМ и ХМ Н. П. Сорокиной, Л. Г. Колесниковой, Т. И. Костромичевой и А. В. Шевченко за предоставление материалов.

³ Амброз А. К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в.— МИА, № 176, 1970, с. 70.

⁴ Werner J. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slovakai und der Karpatenukraine.— SLA, VII, 2, 1959, S. 427—431.

⁵ Salin B. Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm, 1904, Abb. 37, 40; Hampel J. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn, Bd III. Braunschweig, 1905, Taf. 10, 4; Götze A. Frühgermanische Kunst. Berlin, 1915, Abb. 125; Калмынский А. П. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России.— В кн.: Seminarium Kondakovianum, II. Прага, 1928, с. 293, табл. XXXVIII, 71; Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, Taf. 49, 5; idem. Katalog der Sammlung Diergardt, Bd 1. Die Fibeln. Berlin, 1961, S. 29, Taf. 25, 106, 107; Párducz M. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn.— ААН, 11, 1959, pl. XI, 5a, b; Csallány D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454—568 n. Z.).— АН, XXXVIII, 1961, S. 236, Taf. CCII, 10, 11; CCIII, 4, 5; Kovačević J. Arheologija i istorija varvarske kolonizacije Južnoslovenskih oblasti. Novi Sad, 1960, sl. 71, 92; Zaharia E., Zaharia N. Contribuții la cunoașterea culturii materiale din secolul al V-lea e.n. din Moldova.— AM, VI, 1969, p. 172, fig. 3, 1, 2; Vinski Z. Zikadenschmück aus Jugoslawien.— Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, Bd 4, 1957, Abb. 46, 47; Амброз А. К. [реп.] J. Werner. Katalog der Sammlung Diergardt.— СА, 1966, № 4, с. 214, рис. 1, 5, 6, 11; он же. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 104, рис. 3, 6.

⁶ Амброз А. К. Проблемы..., № 2, с. 104.

⁷ Kovačević J. Arheologija..., sl. 3.

⁸ Хойновский И. А. Археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, табл. IV, 516; Salin B. Die altgermanische Thierornamentik, Abb. 38; Götze A. Gotische Schnallen. Berlin, 1907, S. 15, Abb. 13; idem. Frühgermanische Kunst, Abb. 122; 123; 141, 2; 266; Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готтов.— ЗООИД, XXVII, 1907, рис. 132; Мацулевич Л. А. К вопросу о стадильности в готских надстрочных явлениях.— ИГАИМК, 100, 1933, табл. II, 1d; Werner J. Katalog..., S. 31—33; Taf. 31, 120, 121; 32, 122, 123, 127; 33, 124—126, 128; Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес.— МИА, № 63, 1959, с. 268, рис. 137, 5, 7; он же. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, табл. 1, г; Пудовин В. К. Три боспорские лучевые фибулы.— СА, 1962, № 2, с. 143, рис. 2, 1, 2; Зубарь В. М., Рыжов С. Г.

- Раскопки некрополя Херсонеса.— АО 1975 г. М., 1976, с. 328. Еще две подобные фибулы представлены на фотографии найденных в Крыму вещей из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда. Фотография сохранилась в архиве Крымского областного краеведческого музея (д. 2502).
- ⁹ Рыбаков Б. А. Древние русы.— СА, XVII, 1953, рис. 8, 2; Амброс А. К. Южные художественные связи..., рис. 2, 6.
- ¹⁰ Csallány D. Archäologische Denkmäler..., Taf. VIII, 10; XXVII, 9; L, 13; LXXIX, 17; CXXXIV, 2; CCLIX, 2.
- ¹¹ Михайлов С. Раннесредневековни фибули в България.— ИБАИ, XXIV, 1961, с. 48; Машов С. Раннесредневековни фибули от Августа при с. Хърлеп, Врачански окръг.— Археология, 1976, № 1, с. 38, обр. 3.
- ¹² Kovačević J. Arheologija..., sl. 26, 31, 90, 95.
- ¹³ Götze A. Gotische Schnallen..., S. 2, 3, 9, Abb. 2, 8.
- ¹⁴ Salin V. Die altgermanische Thierornamentik, S. 32.
- ¹⁵ Мацулевич Л. А. К вопросу о стадильности..., с. 593—596; он же. Погребение варварского князя в Восточной Европе.— ИГАИМК, 112, 1934, с. 108—116.
- ¹⁶ Амброс А. К. Хронология..., с. 178—181.
- ¹⁷ Salin V. Die altgermanische Thierornamentik, Abb. 49 u. a.; Fettich N. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst.— АН, XXXI, 1951, Taf. XX, 2; XXIV, 1—3; Kovačević J. Arheologija..., sl. 86; Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta.— Germania, 41, 2, 1963, Taf. 42; 44, 1; 45, 2, 3; 46, 1; 47, 9; Амброс А. К. Южные художественные связи..., с. 70, 71; László G. The Art of the Migration Period. Budapest, 1974, pl. 40, 41; Tejral J. K langobardskému od Kazu v archeologických pramenech na území Československa.— SLA, XXIII, 2, 1975, obr. 26, 15.
- ¹⁸ Баранов И. А. Раннесредневековая пряжка из Ялты.— СА, 1975, № 1, рис. 1, 2; Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde..., Taf. 48, 1; Abb. 10, 1.
- ¹⁹ Götze A. Gotische Schnallen, Abb. 2, 8; Bóna J. Die Langobarden in Ungarn.— ААН, VII, 1, 1956, Taf. XLVIII, 1, 2; LII, 5; Werner J. Katalog..., Taf. 13, 5f; 15, 60; 18, 80; 34, 129; Csallány D. Archäologische Denkmäler..., Taf. CXCXV, 9; CCVIII, 5, 6; Kovačević J. Arheologija..., sl. 26, 86; Михайлов С. Раннесредневековни фибули..., обр. 5, 6; Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde..., Taf. 41, 4a.
- ²⁰ Werner J. Katalog..., S. 31, Taf. 31, 120.
- ²¹ Ibid., S. 31, Taf. 31, 121.
- ²² Мацулевич Л. А. К вопросу о стадильности..., табл. II. 1d; Пудовин В. К. Три боспорские лучевые фибулы, рис. 2, 1, 2; Якобсон А. Л. Средневековый Крым, табл. I, г; Werner J. Katalog..., S. 31, 32, Taf. 32, 122, 123, 127; 33, 128.
- ²³ Werner J. Katalog..., S. 32, Taf. 33, 125.
- ²⁴ Репников Н. И. Некоторые могильники... (ЗООИД), с. 117, 118, рис. 132; Мацулевич Л. А. Серебряная чапа из Керчи. Л., 1926, с. 49; Якобсон А. Л. Средневековый Крым, табл. I, в; Амброс А. К. [реп.] J. Werner. Katalog..., с. 213.
- ²⁵ Csallány D. Archäologische Denkmäler..., S. 77, 266, 331, Taf. CXXXIV, 2.
- ²⁶ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес, с. 270, рис. 134, 8.
- ²⁷ Спицын А. А. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г.— ИАК, 17, 1905, рис. 31; Werner J. Beiträge..., Taf. 48, 13; 49, 4; Vinski Z. Zikadenschmück..., S. 154, 160, Abb. 3—16, 19—24, 38, 52; Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов».— СА, 1961, № 2, рис. 2; László G. The Art..., p. 38, pl. 69, 70; Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30, 1966, с. 35, табл. 15, 22, 24, 25.
- ²⁸ Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка».— Херсонесский сборник, V, 1959, с. 186, табл. VI, 6, 10.
- ²⁹ Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности Приднепровья, вып. IV. Киев, 1901, с. 23, 24, табл. IX, 380.
- ³⁰ Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde..., S. 373, Taf. 48, 2.
- ³¹ Salin V. Die altgermanische Thierornamenlik, Abb. 292.
- ³² Ibid., Abb. 354; Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, № 61, 68, 70; Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde..., S. 373, Abb. 10, 2a, 5a; Taf. 48, 1.
- ³³ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес, с. 269, рис. 134, 1; Веймарн Е. В. Отчет..., с. 17.
- ³⁴ Csallány D. Archäologische Denkmäler..., S. 227, 331, N 201, Taf. CXCXV, 10.
- ³⁵ Götze A. Gotische Schnallen, S. 30, 20, 27, 33, Taf. I, 2; XII, 1.
- ³⁶ Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов.— ИАК, 19, 1906, табл. IX, 3.
- ³⁷ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 43, табл. XXXIX, 34; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. н. э. из Цебелды в Абхазии.— КСИА, 128, 1971, с. 101—104, рис. 42, 4, 5.
- ³⁸ Веймарн Е. В. Отчет..., с. 312—314.
- ³⁹ Айбабин А. И. Антропоморфная пряжка из Эски-Керменского могильника.— СГЭ, 40, 1976, с. 43, рис. 23.
- ⁴⁰ Лепер Р. X. Дневник раскопок херсонесского некрополя.— Херсонесский сборник, II, 1927, с. 199.

- ⁴¹ *Csallány D.* Archäologische Denkmäler..., S. 329, Taf. CCXI, 10; *Iconomu C.* Noi morminte paleocrestine la Mangalia.— Pontice, II, 1969, p. 109, fig. 24; *Chelufa Georgesu N.* Complexe funerare din secolul VI e. n. La Tomis.— Pontice, 7, 1974, p. 366—374, pl. V, 7.
- ⁴² *Борисова В. В.* Могильник..., с. 185, 186, табл. IV, 1.
- ⁴³ *Salin V.* Die altgermanische Thierornamentik, Abb. 300.
- ⁴⁴ *Orsi P.* Byzantina Siciliae.— Byzantischen Zeitschrift, 21, 1912, S. 202, 203, Abb. 20.
- ⁴⁵ *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 78, 79, рис. 21, 3.
- ⁴⁶ *Борисова В. В.* Могильник..., с. 174, 176, 182, 183, табл. IV, 8, 11.
- ⁴⁷ *Лепер Р. X.* Дневник раскопок за 1914 г. Архив ХМ, д. 98, л. 3; *Федоров Н.* Дневник раскопок. Некрополь, 1914. Архив ХМ, д. 97, л. 9.
- ⁴⁸ *Борисова В. В.* Могильник..., с. 174; *Веймарн Е. В.* Отчет..., с. 321, 339—342.
- ⁴⁹ *Борисова В. В.* Могильник..., с. 185, табл. IV, 7.
- ⁵⁰ *Werner J.* Katalog..., S. 7, 8; *Амброс А. К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма.— КСИИ, 113, 1968, с. 21.
- ⁵¹ *Амброс А. К.* Дунайские элементы..., с. 20—23.

Е. В. ВЕЙМАРН

СКАЛИСТИНСКИЙ СКЛЕП 420

Обработка материалов раскопок средневекового могильника у с. Скалистое Бахчисарайского р-на Крымской обл., исследованного в 1958—1960 гг., в настоящее время завершена. Среди полностью сохранившихся комплексов особый интерес и научное значение представляет инвентарь склепа 420.

Этот земляной склеп находился в западной части могильника и в соответствии с рельефом местности был ориентирован на юг — юго-восток (рис. 1, 1). Дромос его не зачищали. Изучение камеры велось через обрушившийся потолок. Входное отверстие со стороны дромоса заложено плитой из местного известняка размерами $0,5 \times 0,66 \times 0,1$ м³. Размеры входного отверстия $0,5 \times 0,6 \times 0,25$ м; самой камеры в длину по оси — 3,0 м; в ширину со стороны входа — 3,2 м, у задней стены — 2,75 м. Пол камеры находился ниже входного отверстия на 0,8 м, или на глубине 5,0 м от современной дневной поверхности. Сохранившаяся на высоту до 1,2 м вертикальная стена напротив входа позволяет предположить наличие коробового свода, опиравшегося на более низкие боковые стены.

На разном уровне в пределах 0—30 см выше пола расчищено пять известняковых плит размерами от 20×40 до 35×45 см при толщине 5—7 см, лежавших в разном положении. Одна большая плита была между погребениями 1 и 2, другая — левее головы костяка 1, три меньшие плиты — сверху и около ног погребения 3. Можно предполагать, что эти плиты первоначально находились под колодой или деревянным постаментом погребения 2 и были подброшены и раскиданы обвалом потолка. Судя по тому, что кости скелетов сильно раздроблены и смещены, обвал произошел спустя значительное время после захоронения. В нижней части завала, на уровне от 0 до 60 см, а преимущественно в пределах 30—60 см над полом, оказалась и часть вещей из погребений. Это обломки фибулы (рис. 1, 2), восемь перстней (рис. 1, 4—11), пряжка (рис. 1, 18), накладки пояса (рис. 1, 12—17, 19, 20), коробчатый наконечник ремня (рис. 1, 23) и 17 различных бусин (среди них мелкие обломки подвески из синего стекла на уровне 60—70 см выше пола).

Поскольку кости скелетов сильно раздроблены и смещены, положение погребенных восстановлено по следам тлена на полу склепа. Все они покоились на спине, конечности вытянуты, лишь правые руки слегка согнуты в локтях и кистями положены на таз. Женский костяк 1 лежал вдоль северо-восточной стены, костяк молодого мужчины (2) — параллельно ему

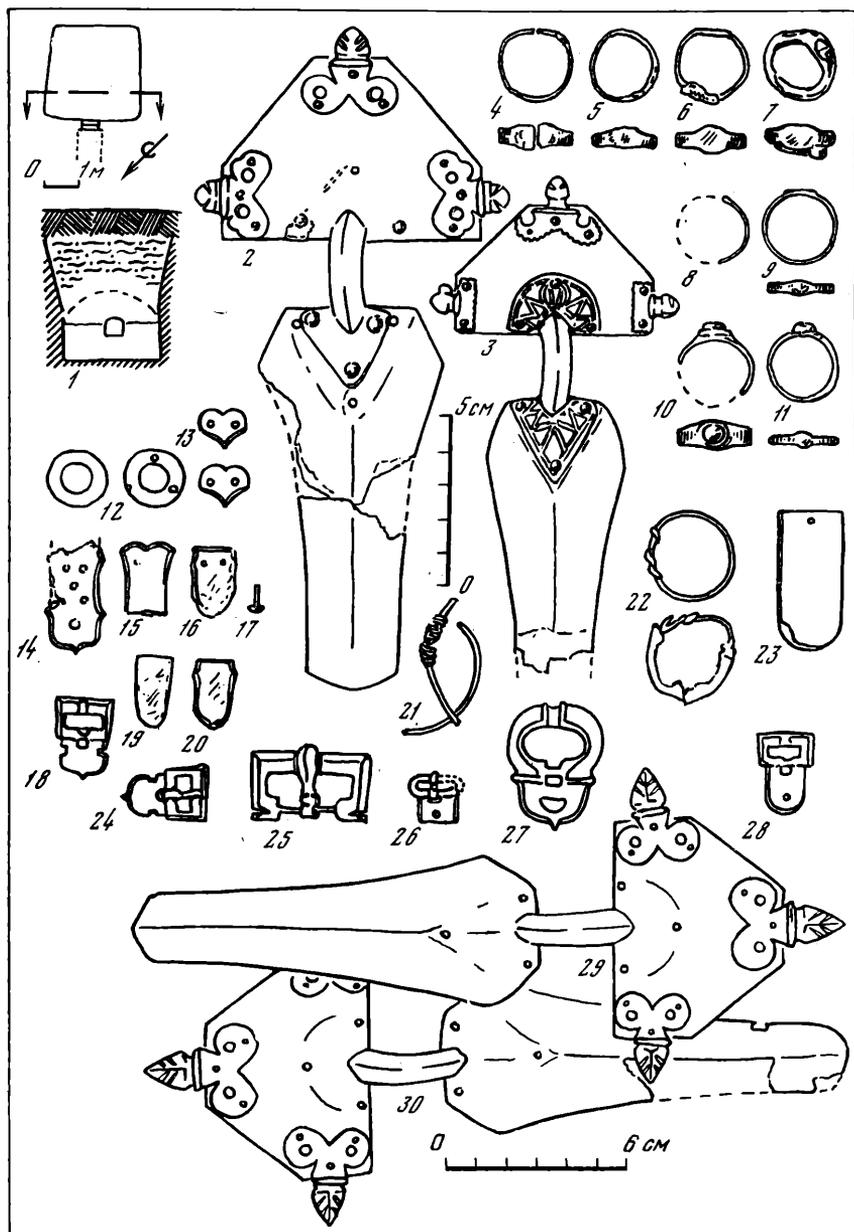

Рис. 1. План и разрез склепа 420 (1) и находки из склепа (2—30)

в центре склепа; оба — головами к юго-востоку. Женский костяк 3 лежал у них в ногах, вдоль северо-западной стены, головой к северо-востоку; его ноги находились перед входом в камеру. Западная часть склепа осталась пустой.

Погребение 1 (женщина). У левого плечевого сустава найдено скопление 73 бусин; многие среди них из янтаря. Здесь же, у предплечья, лежали бронзовые височные кольца (рис. 1, 22), у правой бедренной кости — большой железный нож, разломанный бронзовый браслет со слегка расширенными концами (рис. 1, 21) и четыре бронзовые пряжки: три — с трапециевидной рамкой и одна — В-образная (рис. 1, 24—26, 28). По местоположению к этой группе вещей можно отнести уже упомянутую пластинчатую фибулу (рис. 1, 2), найденную на 30 см выше, на уровне

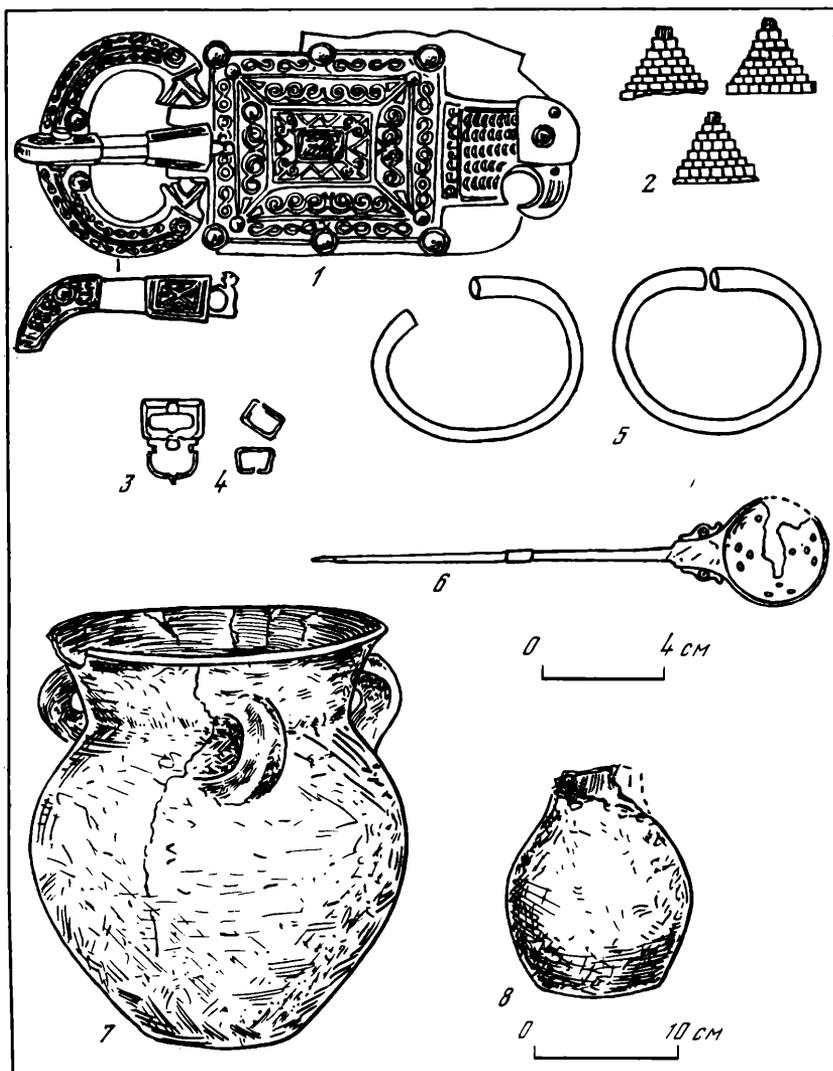

Рис. 2. Находки из склепа 420 (1—8)

плит, в центральной части склепа. Длина сохранившихся кусков фибулы 14 и 5,5 см, но, судя по размерам обеих пластин, ее общая длина была первоначально не менее 22—23 см. Сохранились пружина и приемник. Другая фибула лежала почти над самым полом, недалеко от левой плечевой кости погребенной, и сверху была перекрыта одной из каменных плит. Она меньше, сохранилась в длину на 16,5 см (рис. 1, 3). И на ней есть следы пружины и приемника. Обе фибулы сделаны из низкопробного серебра.

В отличие от фибул из Сууксу ни одна из фибул склепа 420 не имела снизу утолщающих медных подкладок. Фибулы непарны. По классификации А. К. Амброза одна из них относится к первому, другая — ко второму подварианту².

Погребение 2 (молодой мужчина). В области правого бедра — обломок железного ножа. Непосредственно над костяком, приблизительно на 30 см выше пола, найдены 12 целых и фрагментированных поясных бляшек: четыре — литые серебряные, с круглыми шпеньками на обороте (рис. 1, 12, 13 — по две каждого типа) и восемь — медные тонкие, с за-

краинками, сильно разрушенные, без шпеньков (рис. 1, 14 — одна; 1, 15 — две; 1, 16, 19, 20 — пять). Кроме них, здесь были медный наконечник ремня «коробочкой» (рис. 1, 23), серебряная пряжечка (рис. 1, 18), семь медных и бронзовых перстней (рис. 1, 4—9, 11) и один серебряный со вставкой иридизированного стекла (рис. 1, 10). Все эти вещи следует связывать с погребением 2. Пара одинаковых бронзовых пряжек (рис. 1, 27) найдена правее и немного выше правого локтя костяка. Принадлежат ли они погребению, уверенности нет.

Погребение 3 (женщина). По обе стороны головы найдены бронзовые проволочные серьги, у левого плечевого сустава — 51 бусина, в том числе много янтарных, а чуть поодаль — три большие янтарные уплощенные пронизи. У левого предплечья на груди обнаружена большая пластинчатая фибула (рис. 1, 30); другая, перекрытая небольшой каменной плитой, — около верха правой берцовой кости (рис. 1, 29). Обе сделаны из низкопробного серебра, длина каждой вместе с выступом 23 см. Есть следы пружины, приемника и иглы. Фибулы относятся к первому подварианту по А. К. Амброзу³. В области тазовых и бедренных костей лежала большая серебряная инкрустированная блеклым темно-красным стеклом (?) пряжка с орлиной головкой (рис. 2, 1). Длина ее 16,3 см, держателя кольца — 1,2 см. По последнему признаку, в соответствии с новой классификацией А. К. Амброза, эта пряжка относится к варианту 16⁴. По декору щитка она близка пряжкам из склепов 77 и 86 могильника Сууксу, из нижнего слоя керченского склепа 152, а также некоторым гепидским пряжкам из Придунавья⁵. На скалистинской пряжке сохранилась часть широкого (около 7 см) кожаного пояса, что делает находку особенно интересной. Ниже пряжки, между головками бедренных костей, лежали три золотых городка (рис. 2, 2). Неподалеку от места кости левой руки найдены два массивных серебряных браслета с расширяющимися концами (рис. 2, 5), а около плюсы правой ноги — небольшая серебряная пряжка, две бронзовые проволочные скрепки (рис. 2, 3, 4) и мелкие кусочки истлевшей кожи обуви. В восточной части камеры обнаружены два лепных сосуда: большой трехручный горшок и кувшинчик с отбитыми венчиком и ручкой (рис. 2, 7, 8).

В стороне от погребений найдена бронзовая ложечка с отверстиями — своеобразное маленькое ситечко (рис. 2, 6), принадлежность которого к какому-либо из захоронений не устанавливается.

Судя по инвентарю, наиболее ранним следует считать погребение 3. Орлиноголовая пряжка и фибулы из него датируются второй половиной VI в.⁶ Вещи из двух других погребений этого склепа, в частности бляшки поясного набора и пряжки, встречены и в других скалистинских комплексах совместно с датирующим инвентарем первой половины VII в. В склепе 420 им сопутствует материал того же времени — например, дву-пластинчатые фибулы из погребения 1⁷.

¹ Обозначения размеров даны здесь и далее в следующей последовательности: ширина, высота, толщина (или длина, например для размеров входного отверстия).

² Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв. (Рукопись докт. дисс.). Архив ИА АН СССР, P-2, № 2142, с. 207, 208.

³ Там же, с. 207.

⁴ Там же, с. 125.

⁵ Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. — ИАК, 19, 1906, табл. VIII, 4; IX, 8; Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма. — КСИА, 113, 1968, рис. 1, 1; Rusu M. Pontische Gürtelschnallen mit Adlerkopf (VI—VII J.). — Dacia, III, 1959, S. 486—496, Abb. 4—6.

⁶ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 113, 114, табл. II, 4, 8.

⁷ Там же, с. 114.

ХРОНОЛОГИЯ АЛАНСКИХ КАТАКОМБ VI—IX ВВ. НА ОСНОВАНИИ АНАЛИЗА ИХ КОНСТРУКТИВНЫХ ДЕТАЛЕЙ

В современной литературе по математической статистике незаслуженно малое внимание уделяется развитию непараметрических методов. Между тем они очень эффективны и удобны не только из-за малого объема вычислительных работ, но, очевидно, и потому, что лучше отражают природу археологических явлений, так как имеют дело не со средними, а со всем рядом наблюдений¹.

Проблеме сравнения между собой памятников (будь то слои поселения, керамические комплексы, обряды погребения, антропоморфная пластика, поясные наборы и т. д.) посвящено большое количество работ², подытоживших достижения как советских, так и зарубежных исследователей³. В этом небольшом экскурсе я остановлюсь только на том, в каких случаях и по какой причине применение различных непараметрических методов эффективнее, чем обычно используемых стандартных критериев, построенных на сравнении средних, и каким из непараметрических методов и в каких случаях следует отдать предпочтение.

Сущность непараметрических методов заключается в том, что исследователь при их использовании не исходит из предположения об определенной, в частности нормальной, форме распределения объектов⁴. Особенность их состоит в том, что они могут использовать не сами значения, а их упорядоченность; отсюда и другое название — порядковые критерии⁵. Преимущества перед иными методами (критерий Стьюдента, хи-квадрат и т. д.) — в том, что иногда они лучше используют содержащуюся в выборке информацию⁶ и часто, несмотря на очень простой и легкий способ вычислений, являются даже более мощными и эффективными⁷.

В литературе по раннему средневековью Северного Кавказа изменения конструктивных особенностей катакомб рассматривались только в самом общем виде и в основном для решения вопроса об их генезисе. Промеры же их в качестве определяющего признака для датировок не применялись. Оговорюсь заранее, что, зная очень большой размах варьирования размеров в зависимости от типа катакомбы, количества и богатства погребенных в ней лиц, кажется, что убедительных данных об изменении размеров в пределах VI—IX вв. нет. Поэтому нет основания опасаться какой-то систематической ошибки в замерах в полевых условиях, хотя, конечно, при неправильной форме катакомб и их ограблении в древности всегда остается возможность, так сказать, лабораторных ошибок замеров и округления, очевидно нормально распределяющихся для всей нашей выборки (как это доказано для распределения ошибок в подобных случаях).

Все подсчеты произведены для 26 катакомб, исследованных мной в 1969 и 1971 гг. в аланском могильнике Мокрая Балка близ Кисловодска. Датировка катакомб производится на основании анализа погребального инвентаря и подкрепляется данными горизонтальной стратиграфии могильника⁸. Для удобства будем их группировать по периодам, датируя первый VI—VII вв. (хотя в основном, очевидно, его следует датировать VII в.), второй — VIII — серединой IX в., а третий — второй половиной IX в. Первая и вторая группы уже были выделены исследователями (правда, в ряде случаев первый период искусственно расширялся до V—VII вв., а второй — суживался до VIII в.). Но памятники второй половины IX в. на этой территории не выделялись вообще. Считалось, что ис-

Распределение катакомб по типам и периодам

Тип	Подтип	Описание типа погребений	Период			Всего
			I	II	III	
1		Одиночные женские	23*, 24*	13*, 16*	20**	5
2	а	Парные. Мужчина с женщиной (или подростком)	4*, 11*, 25	15**	18, 21*	6
	б	Парные. Женщина с подростком		2**	17	2
3	а	Коллективные. Мужчина, женщина, ребенок	9, 26	1**		3
	б	Коллективные. Мужчина, две женщины		7		1
	в	Коллективные. Двое мужчин			19**	1
		Отграбленные и неясного типа	22, 27, 28	3, 6, 8, 12, 14		8
Итого:			10	11	5	26

* — неограбленные катакомбы; ** — катакомбы, содержащие золотые украшения; цифры обозначают номера катакомб.

пользование могильников в окрестностях Кисловодска прекратилось в конце VIII — начале IX в.

Мы приводим данные по могильнику в Мокрой Балке, чтобы читатель мог сам судить о рассматриваемом материале, видя в какие группы объединены исследованные катакомбы (табл.).

Вопрос, который стоит перед исследователем, заключается в том, какие конструктивные черты катакомб — длина дромоса, высота ступеньки, длина, ширина, глубина камеры — могут служить датирующим признаком.

Как уже говорилось, в археологии наиболее часто применяются различные критерии для сопоставления средних. Можно было бы пойти по этому пути, но один только взгляд на усредненные данные (рис.), так же как и размах варьирования, убеждает в том, что о значимом отличии средних можно только говорить относительно длины дромоса, и то — только для дромосов катакомб первого и второго периодов, тогда как различия этой величины у катакомб второго и третьего периодов будут незначимыми. Проверить это положение мы можем с помощью модификации критерия t , основанного на анализе размаха для варьирования в двух выборках равного размера⁹, причем в нашем случае ($n=7$) размер выборки именно такой, который Дж. Снедекор считает оптимальным. Подсчеты здесь очень просты. Для получения $t_{\bar{w}}$ мы берем отношение разности двух средних (200—170 см) к полусумме размахов их варьирования ($\bar{w}$), равное $\frac{215+140}{2} = 177,5$, т. е. $t_{\bar{w}} = \frac{\bar{x}_1 - \bar{x}_2}{\bar{w}} = \frac{30}{177,5} = 0,17$. Полученное значение мы сравниваем с данными табл. 35 и видим, что оно меньше табличного 0,600 для уровня существенности 0,01. Следовательно, принятие гипотезы о том, что средние происходят из различных совокупностей, подтверждается.

Для других замеров сравнение средних при очень большом варьировании оказывается малообнадеживающим, за исключением высоты ступеньки (разница в уровне пола дромоса и камеры). Наблюдается устойчивое увеличение ступеньки от 44 см в первом периоде до 53 см — во втором и 84 см — в третьем.

Проверкой с помощью критерия $t_{\bar{w}}$ мы убедились, что эти отличия значимы. Но собственно только об этих двух промерах (величина сту-

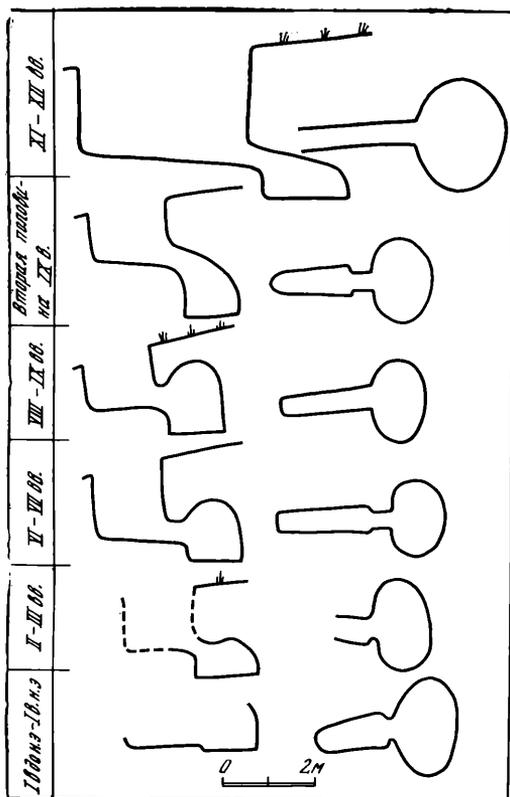

Схема развития формы аланских катакомб

катакомбы в VI—VII и IX вв., когда под каждым значением первого ряда оказалось бы превышающее его значение второго ряда и это наблюдалось бы во всех десяти случаях сравнения, то по теории вероятностей мы могли бы считать этот результат случайным только с вероятностью $\frac{1}{1204}$, т. е. он мог бы произойти в одном случае из 1204, а это настолько маловероятно, что мы с полной убежденностью говорим о существенности различий этих двух выборок. Именно этот вывод превращен в ряд точных критериев, в частности в критерий знаков или в вышеупомянутый критерий Уилкоксона (в ряде переводов он называется критерием Вилькоксона).

Если исследовать, меняется ли на протяжении времени длина камеры (по средним и медианам), то получим следующую картину:

Средние	Период			
	I	II	III	IV*
$\bar{X} (R)$	170 (95)	170 (140)	185 (105)	244 (160)
Me	174	177	200	230

* Под четвертым периодом мы вводим наши подсчеты по раскопаным в первом сезоне катакомбам XI—XII вв. Змейского могильника. См.: Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник. — В кн.: Археологические раскопки в районе ст. Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 62—134.

В целом, особенно по медианам, тенденция к увеличению размера камеры наблюдается, но если мы будем оценивать статистическую разницу в

пеньки и длина дромоса) и можно было говорить как о хронологических признаках. Что же касается длины камеры, то никакой критерий не был возможен, когда средние были равны, а вариация очень велика. А между тем, поскольку изменение в длине камер замечено у катакомб второго и третьего периодов, логично было бы предположить, что оно могло начаться и раньше. Поэтому необходим такой метод, который имеет дело не с усредненными данными, а со всем массивом информации, со всем рядом значений этого признака для сравниваемых периодов. В статистике для подобных задач может применяться несколько непараметрических методов. Мы же выбираем критерий Уилкоксона, который не только имеет дело с фактом разницы значений двух ранжированных рядов, но учитывает абсолютную величину разницы в этом случае, дополнительно ее ранжируя. Этот метод оказывается более чувствительным к выявлению тенденций в развитии.

Если, предположим, имелся бы упорядоченный ряд длины камеры

средних первого и второго периодов, то придем к отрицательным выводам: о значимости отличий (особенно в случае, когда средние равны) говорить не приходится.

Перейдем к оценке различий в тех случаях, если мы будем иметь не средние, а оба ряда значений:

Период I	135	160	160	165	170	178	180	190	200	215 (см)
Период II	140	145	160	165	172	180	185	185	190 (см)	

Поскольку этот критерий применяется для сравнения равных выборок, а в первом ряду у нас на один член больше, мы можем записать первый ряд как ряд полусумм, тогда первый член

$$\frac{135 + 160}{2} = 147,5, \text{ второй} - \frac{160 + 160}{2} = 160, \text{ третий} - \frac{160 + 165}{2} = 162,5 \text{ и т. д., т. е.:}$$

Период I	147,5	160	162,5	167,5	174	179	185	195	207,5
Период II	140	145	160	165	172	180	185	185	190
Разности	+7,5	+15,0	+2,5	+1,5	+2,0	-1,0	0,0	+10,0	+17,5

Затем мы ранжируем абсолютные значения разностей, а порядковым номерам придаем знак разности:

0	1,0	2,0	2,5	2,5	7,5	10	15	17,5
1	+2	+3	+4	+5	+6	+7	+8	+9

Затем суммируем отрицательные ранги (здесь у нас всего один -2, отбрасываем знак, получаем 2) и сравниваем полученное число в табл. 38 с тем числом 2, которое находим там. Поскольку эти числа равны, мы можем считать с уверенностью в 99% (т. е. мы можем ошибиться не больше, чем один раз на 100 наблюдений), что различия в длине между камерами VI—VII вв. и VIII—IX вв. существенны, несмотря на сходство средних. Кажущаяся парадоксальность полученных выводов заключается в том, что относительно больший размер оказывается в катакомбах VI—VII вв.

Большие семейные катакомбы I в. до н. э., содержавшие 13 погребенных, иногда положенных в несколько ярусов (выделенные М. П. Абрамовой как катакомбы первого типа)¹⁰, ко II—III вв. сменяются менее крупными катакомбами второго типа. Процесс этот продолжается до VI—VII вв., а затем начинает проявляться новая тенденция — уже не уменьшения, а увеличения катакомб, которые из преобладающих парных и одиночных опять становятся семейными усыпальницами в XI—XII вв. Проверим другие примеры: что можно сказать относительно ширины камеры?

Средние	Периоды			
	I	II	III	IV
$\bar{X} (R)$	120 (55)	120 (45)	125 (50)	205 (155)
Me	117	120	125	200

Возьмем первый ряд, тоже сведенный к девяти фактам вместо десяти:

Период I	98,5	108,5	112,5	115	117,5	120	122,5	127,5	137,5
Период II	90	100	110	120	120	120	125	130	135
	+8,5	+8,5	+2,5	+0,5	-2,5	0	-2,5	-2,5	+2,5

Упорядочим:

0	+2,5	+2,5	-2,5	-2,5	-2,5	-5,0	+8,5	+8,5
+1	+4	+4	+4	-4	-4	-7	+8	+9

Сумма отрицательных рангов 15, что уже значительно превышает цифру 2 для 0,01 уровня и 6 для 0,05 уровня, т. е. этот критерий не позволяет говорить о значимости отличий средних между VI—VII вв. и VIII—IX вв., но убедителен для VIII—IX вв. и IX в.

Если сравнить высоту камеры по критерию Уилкоксона для первого и второго периодов, то получим всего одно наблюдение с отрицательной разностью в ранжированном ряду (и то с самым малым абсолютным значением), которое позволяет с 0,5 уровнем значимости судить об увеличении высоты камеры от первого ко второму периодам и дальнейшему постепенному уменьшению до 1 м в XI—XII вв.

Еще более убедительно критерий Уилкоксона свидетельствует в пользу уменьшения глубины катакомб от первого периода ко второму и увеличения от второго — к третьему, что опять-таки продолжается в более позднее время: 250←230→270→290 см. Очень интересно, что с помощью сравнения средних и критерия Уилкоксона для многих примеров мы обнаружили перегиб между VII и VIII вв.: именно в этот момент как бы кончилась одна определенная тенденция, шедшая еще с I в. до н. э., и проявилась другая, которую можно проследить для VIII—XII вв. Дальнейшее увеличение сравнительного материала, построенного на основании очень тщательных полевых работ, позволит с большей полнотой и убедительностью оценить эти тенденции развития. Но интересно, что некоторые конструктивные элементы дают одну линию развития от рубежа нашей эры до XII в. (например, высота ступеньки, которая была равна или нулю, или 05—15 см в начале и достигала почти 1 м на поздних этапах).

На этом примере можно проследить, как вырабатывался наиболее оптимальный в плане земляных работ способ изготовления камер — примером такого совершенного решения поставленных вопросов и служит появление в IX в. (хотя отдельные катакомбы подобного типа были и раньше) катакомб, у которых наиболее высокая точка свода была над входным отверстием. Это время характеризовалось также стандартизированными размерами (34×45 см) и формой входного отверстия, когда в катакомбу, как мы проверили во время наших полевых работ, можно было проникнуть только спустившись ногами вперед и на спине одному человеку и вылезти тоже только таким образом.

На рисунке в схематическом виде изображено изменение форм катакомб на протяжении I — начала II тысячелетия. Катакомбы сарматского времени даны по работе М. П. Абрамовой (катакомбы 100 и 46)⁴¹; все более поздние реконструированы на основании усредненных данных, приведенных в нашей статье. По рисунку и по этим данным видно, что изменения далеко не так наглядны, как хотелось бы. Тем более очень важно, что они видны с помощью непараметрических методов. В этой же связи скажем, что выбор медианы (это срединный член в упорядоченном ряду всех значений признака) для сравнения более продуктивен, чем подсчет среднего арифметического, так как он меньше зависит от резко отличающихся крайних значений. И если мы сравним средние арифметические с медианами, то увидим, что медианы как определенный показатель ранжированного ряда лучше отражают то, что мы ищем в археологическом материале, — направление эволюции, тенденции развития.

В целом же благодаря применению непараметрических методов удалось оценить те тенденции в развитии во времени форм, размеров и глубины катакомбных захоронений I тысячелетия на Северном Кавказе, которые другими методами не могли быть уловлены.

- ¹ Ковалевская В. Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала.— В кн.: Археология и естественные методы. М., 1965, с. 295.
- ² Каменецкий И. С. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики.— В кн.: Археология и естественные методы. М., 1965, с. 302—307; Маршак Б. И. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов.— Там же, с. 308—317; Круг Г. К., Круг О. Ю. Математический метод классификации древней керамики.— Там же, с. 318—325; Деопик Д. В. Опыт статистического анализа керамики с поселения у с. Кирова.— В кн.: Предскифский период и скифы. Киев, 1970; Каменецкий И. С. К теории слоя.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 83—94; Распопова В. И. Керамика и слой поселения.— Там же, с. 95—99; Федоров-Давыдов Г. А. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах.— Там же, с. 123—131; Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы.— Там же, с. 145—155; Назаренко В. А. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка.— Там же, с. 180—190.
- ³ Ковалевская В. Б., Погожева А. П., Погожев И. Б. Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному соотношению массового материала.— СА, 1970, № 3; Ковалевская В. Б. Математические методы в археологии.— СА, 1974, № 2.
- ⁴ Налимов В. В. Применение математической статистики при анализе вещества. М., 1960, с. 185; Снедекор Дж. У. Статистические методы в применении к исследованиям в сельском хозяйстве и биологии. М., 1960, с. 118.
- ⁵ Вин дер Варден Б. Л. Математическая статистика. М., 1960, с. 321—325.
- ⁶ Дунин-Барковский И. В., Смирнов Н. В. Математическая статистика в приложениях к технике. М., 1960, с. 327.
- ⁷ Ван дер Варден Б. Л. Математическая статистика, с. 323.
- ⁸ Верхний холм был исключительно занят катакомбами первого периода; II, центральный, за одним исключением — катакомбами второго периода; III, южный, также за одним исключением — катакомбами IX в.
- ⁹ Снедекор Дж. У. Статистические методы..., с. 117.
- ¹⁰ Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972, с. 39; Виноградов В. Г. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, рис. 27, 28.
- ¹¹ Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник, рис. 12, 15.

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА МОКРАЯ БАЛКА

В исследовании раннесредневековой хронологии Северного Кавказа важное место занимают материалы могильника Мокрая Балка¹. Изучение связи между отдельными типами и категориями погребального инвентаря с помощью коэффициента ассоциации² позволило выделить четыре группы вещей, характеризующих четыре хронологических этапа истории могильника³.

Для первого этапа наиболее показателен погребальный инвентарь катакомбы 1А (рис. 1, 1А). В этот комплекс входят фрагменты кувшинчика с шарообразным туловом. Плечико сосуда окружает поясок из штампа в виде четырех точек. Такой же полукруглый поясок расположен над коническими бугорками. Глиняная кружка из этой катакомбы также имеет поясок на плечике и вокруг бугорков. Кроме того, здесь найдены подвязная прогнутая фибула с бронзовой дужкой и железной иглой; овально-рамчатая пряжка с хоботковым язычком, прогнутым в середине и ступенькой срезанным сзади; пара бронзовых колец и бусы.

Рядом исследованы еще две катакомбы с инвентарем, одновременным описанному выше. В одной из них (рис. 1, 3А) найдены бронзовые круглорамчатые и овальнорамчатые хоботковые пряжки и крупная серебряная овальнорамчатая пряжка с зооморфным язычком. Звериные головки на язычках похожих пряжек появились в V в.⁴ Пряжки с хоботковым язычком были обычны в IV—V вв.⁵ Время пряжек с рифленой рамкой (рис. 1,

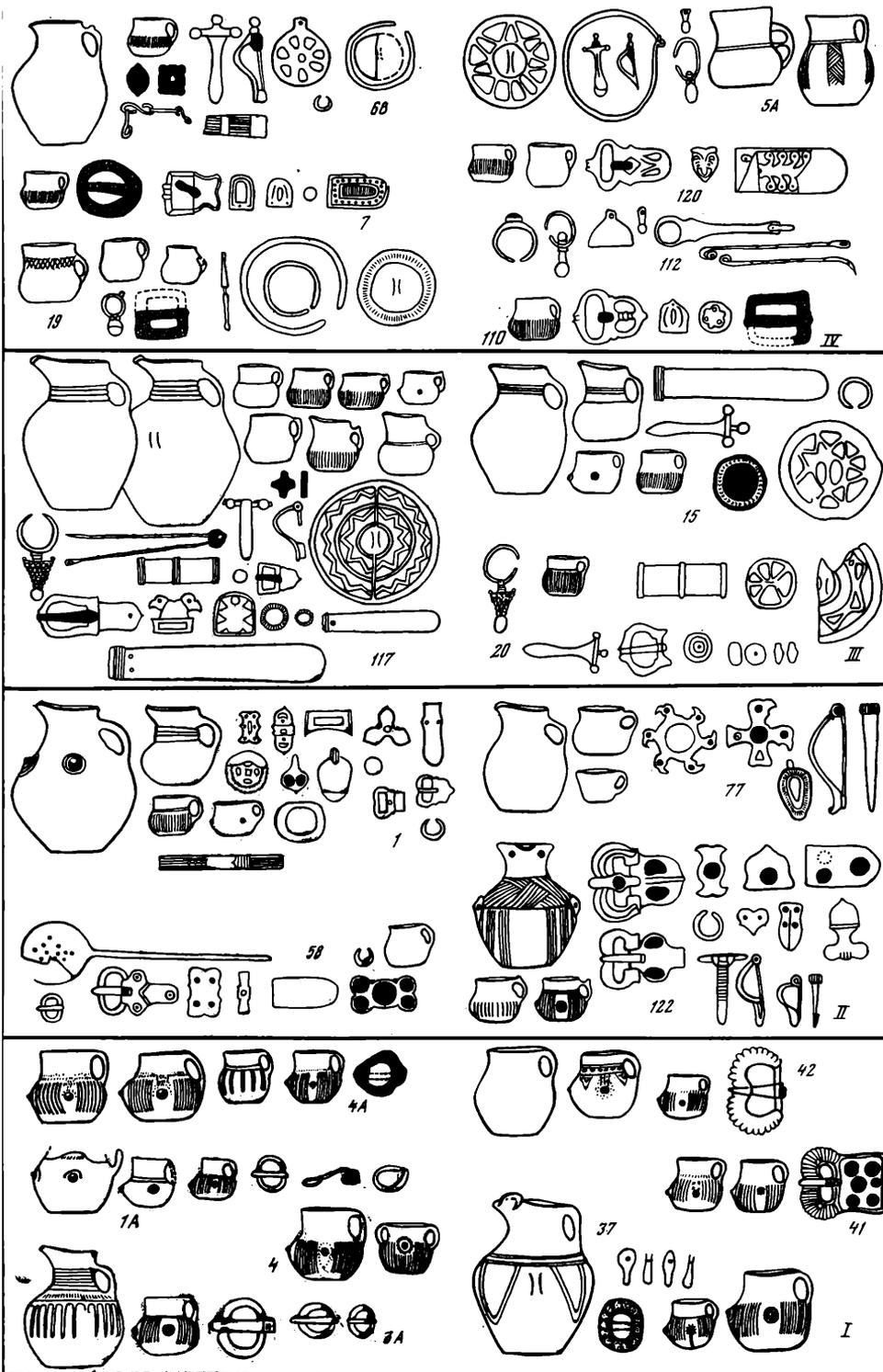

Рис. 1. Хронологические этапы могильника Мокрая Балка
 I—IV — этапы; 1, 1А, 3А, 4, 4А и т. д. — номера каталога

41, 42) укладывается в пределы V — первой половины VI в. Тем же временем М. М. Трапш и Д. Чаллань датируют пряжки с крестом на пластине, подобные найденной в интересующем нас могильнике⁶. Прогнутые подвязные фибулы (рис. 1, 1А) распространились на Северном Кавказе предположительно со второй половины IV в.⁷ Приведенные аналогии показывают, что рассмотренные предметы датируются V в. по всей территории, окружающей Северный Кавказ, а следовательно, мы не ошибемся, если определим время первого этапа второй половиной V — первой половиной VI в. (среди вещей второго этапа имеется монета Кавада I, правившего в 488—531 гг.).

Комплекс второй половины V — первой половины VI в. могильника Мокрая Балка — не исключение в круге раннесредневековых памятников Кисловодской котловины. Хоботковые пряжки найдены также в катакомбе 1 Второго Березовского могильника (вместе со стеклянным кубком)⁸; в разрушенных погребениях на Георгиевском плато⁹, в Первом и Втором могильниках у Лермонтовской скалы¹⁰. Эти комплексы явно сходны с инвентарем погребений 2—5 в Гиляче (раскопки Т. М. Минаевой в 1965 г.), где также имелись хоботковые пряжки и подвязные фибулы¹¹; с комплексами Тамгадикского могильника¹²; катакомбных погребений у хут. Октябрьский и у с. Брут¹³; с предметами из Задалиска, Рутхи¹⁴ и т. д.

Второй этап могильника Мокрая Балка (рис. 1, 1, 58, 77, 122) характеризуется поясными геральдическими наборами. Связи между их деталями определялись с помощью коэффициента ассоциации (рис. 2). Такие же таблицы мы составили и для других категорий инвентаря. Но на рис. 2 показаны только связи поясных наконечников и бляшек, а также межгрупповые связи. При отсутствии связей бляшек и наконечников отмечены связи между бляшками. Выделяются фигурные наконечники ремней (рис. 2, 33), наконечники с прорезным антропоморфным орнаментом (рис. 2, 34), с крупными стеклянными вставками (рис. 2, 35) и наконечник прямоугольной формы (рис. 2, 36). Поясные накладки представлены геральдическими щитками (рис. 2, 38), щитком с четырьмя круглыми вырезами (рис. 2, 39), Х-образными бляшками (рис. 2, 40), геральдическим щитком с кольцом (рис. 2, 41), строенными геральдическими щитками (рис. 2, 42), двучастной бляшкой в виде геральдического щитка и рыбьего хвоста (рис. 2, 43), бляшкой в виде рыбьего хвоста (рис. 2, 44), зооморфными бляшками (рис. 2, 25, 26), бляшками Т-образными (рис. 2, 27), спаренными геральдическими (рис. 2, 28), полуовальными со стеклянной вставкой (рис. 2, 29), овальными со стеклянной вставкой (рис. 2, 30), четырехугольными рельефными (рис. 2, 31), серповидными (рис. 2, 32), овальными подвесками со стеклянной вставкой и небольшим отростком внизу (рис. 2, 37). Ряд поясных накладок встречается как на втором, так и на третьем этапах. Это круглые накладки со стеклянными вставками (рис. 2, 23), круглые богато орнаментированные (рис. 2, 20), полусферические (рис. 2, 24) и накладки в виде четырех соединенных полушарий (рис. 2, 22). Несмотря на чрезвычайно низкий коэффициент ассоциации между поясными накладками второго этапа и яйцевидной подвеской (рис. 2, 19; связь отсутствует), нельзя игнорировать находку такой подвески в комплексе с геральдическими бляшками. Она указывает на время появления подобных подвесок.

Один из самых ранних геральдических наборов происходит из катакомбы 1 (рис. 1, 1). В состав погребального инвентаря входили крупный кувшин с коническими бугорками, кувшинчик с рифленой горловиной, маленькие кружки, железные трехгранные черешковые наконечники стрел, поясные бляшки (рис. 2, 19, 20, 28, 33, 37, 40, 42), бронзовая односоставная пряжка с В-образной рамкой и трапецевидным щитком, железные пряжки, односоставная серебряная прямоугольнорамчатая пряжка с геральдическим щитком, плоские бронзовые браслеты, бронзовые калачико-

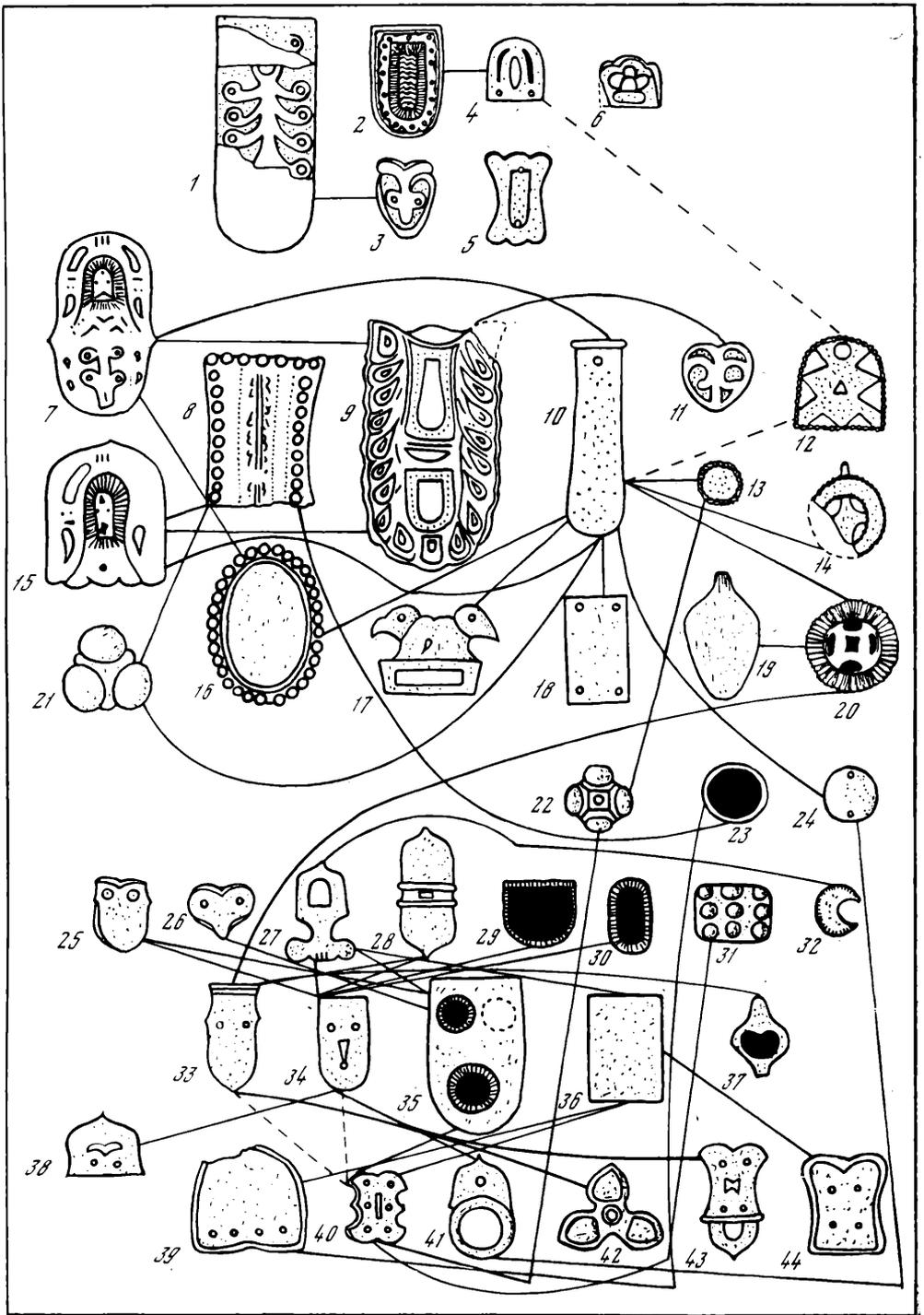

Рис. 2. Поясные украшения этапов II—IV

1—6 — этап IV; 7—18, 21 — этап III; 19, 20, 22, 24 — переход от этапа II к этапу III; 25—44 — этап II

видные височные кольца, агатовый перстень, бусы и серебряная сасанидская монета Кавада I (488—531).

Вопрос о датировке комплексов по монетам пока дискусионен. Авторы книги «Анализ археологических источников» предложили способ определения поправок к датировке по монетам, исходя из распределения подобных монет в кладах рассматриваемой территории¹⁵. Поскольку клады византийских и сасанидских монет в центральной части Северного Кавказа не найдены, мы рассчитываем поправку, исходя из распределения этих монет в кладах всей Восточной Европы и Закавказья, т. е. территории, окружающей Северный Кавказ. Суммируя промежутки времени от чеканки этих монет до чеканки самой молодой монеты клада, получаем следующие поправки: Кавад I (488—531) — 116 лет; Хосров I (531—579) — 84 года; Хормизд IV (579—590) — 39 лет; Хосров II (590—628) — 29 лет; Маврикий (582—602) — 43 года; Фока (602—610) — 28 лет; Ираклий и Ираклий Константин (613—641) — 26 лет; Констант II (641—668) — 27 лет. Разумеется, эти поправки (около 50 лет) носят относительный характер и зависят от количества выборки, так что при открытии новых кладов могут быть изменены и уточнены. Вероятно, более устойчивый характер носит средняя поправка ко всем типам монет. В дальнейшем она будет применяться к монетам, время запаздывания которых не удалось определить из рассмотрения состава кладов.

Распределение монет в комплексах выделенных хронологических этапов с учетом запаздывания монет (рис. 3) показывает, что близкие по времени монеты группируются в однородных хронологических комплексах. Причем здесь мы имеем как бы два эволюционных ряда: с одной стороны, сасанидская денежная система, с другой — византийская. Поэтому сам факт находок сасанидских и византийских монет, близких по времени чеканки, в однородных хронологических комплексах исключает вероятность большой ошибки в поправках к датировке по монетам, связанным с какой-нибудь одной денежной системой. Иными словами, показания византийских монет внутри одного хронологического этапа контролируются показаниями сасанидских, и наоборот. Это позволяет думать, что полученные таким образом монетные группы, связанные с однородными хронологическими комплексами, попадали к населению рассматриваемого района и соседних территорий в одно историческое время. Период использования монет местным населением в качестве подвесок, украшений и т. д. скорее всего был таким же, как и для всех личных вещей, положенных в могилу. Все это разрешает с доверием относиться к датировкам по монетам с учетом времени обращения каждого конкретного типа и в каждом конкретном районе.

При датировке хронологических этапов могильника Мокрая Балка мы располагаем рядом датирующих монет не только для второго, третьего и, возможно, четвертого этапов, но и для двух переходных периодов. Это делает всю предложенную систему датировок взаимообуславливающей и контролирующей.

Хронологические рамки второго этапа определяются второй половиной VI — первой четвертью VII в. Он ограничен комплексами с вещами V — первой половины VI в. С другой стороны, комплекс второго этапа (катакомба 1) включал сасанидскую монету Кавада I (488—531), попадающую с учетом поправки в первую четверть VII в. Хронологически второй этап вполне соответствует комплексу погребения 56 могильника Сууксу, где найдены детали геральдического пояса с монетой Юстиниана I (527—565), попадающей с поправкой во вторую половину VI в. (рис. 3), а также комплексу с геральдическим поясом и монетой Маврикия (582—602) из Садовско-кале¹⁶. Наконец, к этому времени относится комплекс погребения из с. Цебельда¹⁷, где найдены ременные оковки, близкие оковкам из катакомб IIIK, 107, вместе с монетами Юстиниана I (527—565).

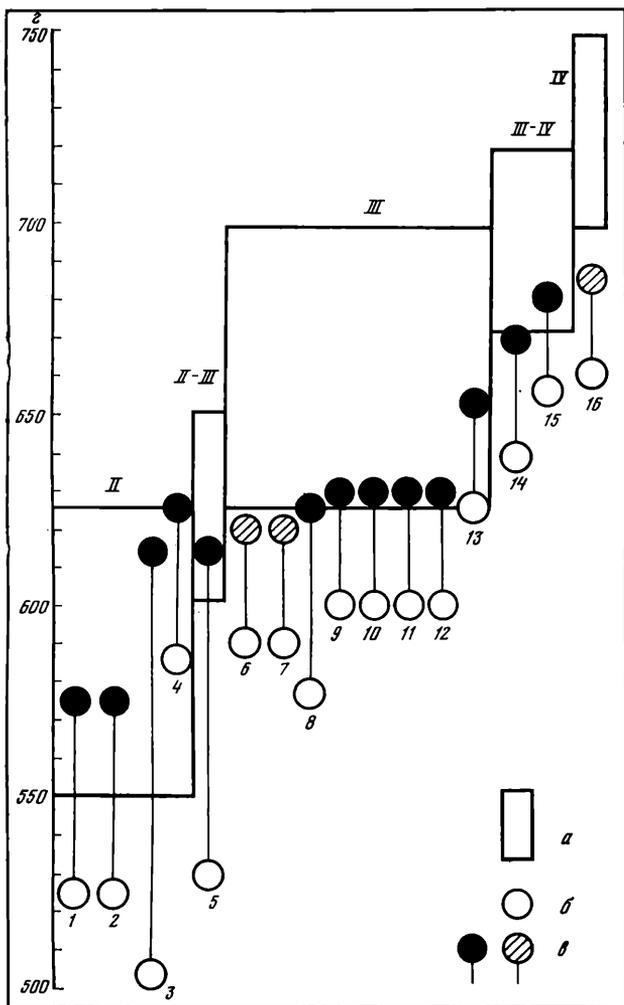

Рис. 3. Распределение монет по этапам могильника Мокрая Балка и других одновременных памятников

- 1, 2 — Юстиниан I (с 527 г.);
 3 — Кавад I (с 499 г.);
 4 — Маврикий (с 582 г.);
 5 — Хосров I (с 531 г.);
 6, 7 — Хосров II (с 590 г.);
 8 — Юстин II (с 578 г.);
 9 — 12 — Фока (с 602 г.);
 13 — Ираклий (с 623 г.);
 14 — 16 — Константин II (14 — с 641 г.);
 15 — с 654 г.;
 16 — с 659 г.;
 1 — Сууксу (погребение 56);
 2 — Цебельда;
 3, 6, 8—11, 13 — Мокрая Балка (могилы 1, 20, 114, 15, 74, 113, 117);
 4 — Садовско-кале, Болгария;
 5 — Чми, могила 12;
 7, 14 — Лермонтовская скала, Второй могильник (могилы 4 и 12);
 12 — Нижний Садон;
 15 — Перещеино;
 16 — Джага (могила 42);
 а — рамки археологического этапа;
 б — начальная дата монеты;
 в — гипотетическая средняя поправка к дате монеты

Верхняя граница второго этапа подтверждается и материалами могильника Чми, где наиболее интересны катакомбы 11, 12, 17¹⁸. Комплексы этих камер включали элементы как второго, так и третьего этапов могильника Мокрая Балка. Элементы второго этапа представлены односоставной пряжкой с В-образной рамкой и геральдическим щитком, наконечниками с прорезным антропоморфным орнаментом и Т-образными бляшками. К третьему этапу относятся наконечники с желобчатой окантовкой, поясные накладки с геометрическим орнаментом и лировидные пряжки. Такое сочетание предметов, характерных для сменяющих друг друга хронологических этапов, в одном комплексе отражает переходное время, когда вещи одних типов еще не исчезли, а других — уже появились. Исходя из предлагаемой периодизации могильника Мокрая Балка, это переходное время можно определить первой половиной VII в., что полностью подтверждается найденной в катакомбе 12 могильника Чми монетой Хосрова I Ануширвана (531—579), которая с принимаемой поправкой попадает в первую половину VII в. Таким образом, хронологические рамки второго этапа определяются второй половиной VI — первой четвертью VII в.

Третий этап могильника Мокрая Балка характеризуется бронзовыми наконечниками с желобчатой окантовкой (рис. 2, 10), серебряным наконечником с кашлевидным орнаментом по краю (рис. 2, 9), наконечником с умбовидным орнаментом по краю (рис. 2, 8). Накладки третьего

этапа представлены золотыми тисненными бляшками с погрудным изображением человеческой фигуры (рис. 2, 15) и их упрощенным серебряным вариантом, спаренными бляшками (рис. 2, 7), накладками в виде стронных полушарий (рис. 2, 21), овальной накладкой с умбовидной окантовкой (рис. 2, 16), накладкой с двумя птичьими головками (рис. 2, 17), бляшками прямоугольной (рис. 2, 18), сердцевидной (рис. 2, 11), круглой, окруженной зернью (рис. 2, 13), накладками с геометрическим орнаментом (рис. 2, 12), овальной подвеской с крестовидной фигурой в центре (рис. 2, 14), бляшками переходных форм от второго к третьему этапу.

Наконечники ремней с желобчатой окантовкой известны как на Северном Кавказе (Чми, Харачой и т. д.), так и за его пределами, в частности в Бирском могильнике и в древностях авар. Их датируют VII в.¹⁹

В аварских древностях также встречаются поясные бляшки, окантованные мелкой зернью. Они датированы И. Ковриг второй половиной VII в.²⁰ Эта деталь сближает их и бляшки с геометрическим орнаментом из могильника Мокрая Балка. Щиток от пряжки из Константинополя, украшенный тюльпановидным узором и датированный первой половиной VII в.²¹, явно близок поясным накладкам с погрудным изображением человеческой фигуры (рис. 2, 15).

Наиболее яркий комплекс третьего этапа (катакомба 113) содержал наряду с деталями поясного набора (рис. 2, 7, 8, 15, 16, 21) шесть монет и индикаций Хосрова I Ануширвана (531—579), Хосрова II Парвиза (590—628), Маврикия (582—602), Фоки (602—610)²². В семи катакомбах, содержащих предметы третьего этапа, найдены сасанидские и византийские монеты и индикации (катакомбы 15, 20, 74, 113—115, 117)²³. Они относятся ко времени правления Хосрова I Ануширвана, Юстина II и Тиберия (578), Маврикия (582—602), Хормизда IV (579—590), Фоки (602—610), Хосрова II Парвиза, Ираклия и Ираклия Константиана (613—641). Это позволяет датировать третий этап могильника Мокрая Балка второй четвертью VII — рубежом VII—VIII вв. Такую датировку подтверждают комплексы из других памятников. Так, в катакомбе, раскопанной Е. Г. Пчелиной в Нижнем Садоне, имелся сосуд, аналогичный по форме сосуду из катакомбы 31 третьего этапа Мокрой Балки. В той же нижнесадонской катакомбе найден солид Фоки (602—610)²⁴. Цилиндрические гагатовые бусы с продольным каналом, характерные для третьего этапа могильника Мокрая Балка, найдены в катакомбе 4 Второго могильника у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска вместе с серебряной сасанидской монетой²⁵. А. П. Рунич определил ее как монету Хосрова I Ануширвана. Однако она имеет все детали, характерные для чекана Хосрова II Парвиза, на основании чего комплекс относится к концу первой и ко второй четверти VII в. В Верхнечирюртовском могильнике в Дагестане пряжка, близкая пряжке из катакомбы 113, найдена вместе с согдийской тканью, которая в свою очередь датируется 643 г.²⁶

Четвертый этап могильника Мокрая Балка (рис. 1, 5А, 7, 19, 68, 110, 112, 120) характеризуется бронзовым наконечником с орнаментом в виде разветвляющегося дерева (рис. 2, 1), бронзовыми и серебряными (иногда позолоченными) наконечниками с геометрическим орнаментом в центре и окантовкой из зерни (рис. 2, 2), сердцевидной бляшкой с антропоморфным орнаментом (рис. 2, 3), бляшками с овалобразной фигурой в центре (рис. 2, 4), волнистым верхним краем (рис. 2, 6), волнистыми верхним и нижним краями (рис. 2, 5). Последние две бляшки не имеют формальной связи с другими и включены в четвертую группу на основании анализа других сопутствующих находок из комплексов.

Для четвертого этапа типичен погребальный инвентарь катакомбы 7 (рис. 1, 7). Он включал глиняную кружку, железную круглорамчатую

бесщитковую пряжку, фрагмент железного наконечника стрелы, бляшку с овалобразной фигурой (рис. 2, 4) и сферические бляшки. Последние имеют очень низкий коэффициент связи с четвертой группой.

Начальная дата четвертого этапа определяется временем конца третьего, т. е. рубежом VII—VIII вв. Это подтверждается Перещепинским кладом²⁷, в котором присутствуют элементы третьего и четвертого этапов могильника Мокрая Балка. Из элементов третьего этапа отметим лиро-рамчатую пряжку, щитки ложных пряжек, близкие поясным накладкам из катакомб 21, 113, детали орнамента пластины от ножен сабли, наконечник с расширяющейся нижней частью, овальную накладку с умбоновидной окантовкой. Наряду с этим Перещепинский клад включает предметы, которые в Мокрой Балке характеризуют четвертый хронологический этап. Это полые пуговицы и бубенчики и полусферические колокольчики. Такое сочетание вещей отражает переходное время от третьего к четвертому этапу, что соответствует самой молодой монете клада — Константа II (654 г., если учитывать поправку).

И, наконец, конец третьего этапа и начало четвертого документированы комплексом катакомбы 12 Второго могильника у Лермонтовской скалы. Он содержит вещи третьего и четвертого этапов. Ко времени третьего этапа относятся бронзовая обоймочка для кисточки, круглая инкрустированная фибула, прямоугольная поясная накладку и поясной наконечник, а также каплевидные гагатовые бусы. Четвертый этап представлен односоставной пряжкой с овальной рамкой и прорезным геральдическим щитком. Переходный характер комплекса подтверждается индикацией с солида Константа II (641—668). Датировка четвертого этапа рубежом VII—VIII — первой половиной VIII в. подтверждается комплексом камеры 42 могильника Джига. 2. Он состоял из таких характерных для того времени предметов, как перстень со стеклянной вставкой без крестовины, полусферический колокольчик. Вместе с ними находились золотые индикации Константа II и Константина (659—668).

При определении верхней границы четвертого этапа важные наблюдения позволяют сделать сравнительный анализ ведущих предметов того времени и комплексов второй половины VIII—IX в. Это сравнение выявляет их существенное различие. Прежде всего бросается в глаза полное отсутствие поясных наборов салтовского типа. Естественно возникает вопрос, является ли такое различие локальным или хронологическим признаком? Картографирование салтовских поясов на Северном Кавказе показывает, что они довольно широко известны на всей территории и встречаются в Дуба-юрте, Мартан-чу, Чми, Дзивгисе, Балте, Кобани, Эшкаконе и т. д. Единственным связующим звеном с комплексами второй половины VIII в. может быть найденный в катакомбе 120 поясной наконечник, орнаментированный разветвляющимся деревом. Учитывая наличие в этом комплексе пряжки, аналогичной верхнекамской²⁸, и поясных накладок, сходных с накладками из Вознесенки, его можно датировать первой половиной VIII в.

Отсутствуют в Мокрой Балке и другие предметы, характерные для памятников второй половины VIII—IX в. Северного Кавказа. Среди них назовем серьги с длинной подвеской из нанизанных на стерженек шариков, найденные в Агач-кале, Мартан-чу в комплексе с монетами 727/8 г.²⁹, Хархе, Лаце, Чми, Дзивгисе, Кобани, Усть-Теберде и т. д. В этих же памятниках встречаются и перстни с четырьмя лапками вокруг вставки. Для второй половины VIII—IX в. характерны кружки и и кувшинчики с двойной ручкой, широко представленные в Дмитровском могильнике и генетически связанные с керамикой Северного Кавказа³⁰. Показательно, что в Мокрой Балке найдены только один целый и два фрагмента подобных сосудов, что составляет 1,12% всей керамики, тогда как в Дмитровском могильнике такие сосуды составляют 17,27%. Следовательно, к тому времени, когда в могильнике Мокрая Балка перестали

хоронить, данный тип посуды только появился, но еще не получил широкого распространения. Видимо, это произошло в первой половине VIII в.

Изложенное выше позволяет думать, что четвертый этап могильника Мокрая Балка отражает период, когда начинают формироваться те формы материальной культуры, которые становятся специфическими во второй половине VIII—IX в. Все это дает возможность определить хронологические рамки могильника Мокрая Балка второй половиной V — первой половиной VIII в.

- ¹ *Рунич А. П.* Аланский могильник в Мокрой Балке у города Кисловодска.— МАДИСО, III, 1975, с. 132—150; *Афанасьев Г. Е.* Работы в Мокрой Балке.— АО 1973 г. М., 1974, с. 94, 95.
- ² *Лакин Г. Ф.* Биометрия. М., 1973, с. 215—217; *Зайцев Г. Н.* Методика биометрических расчетов. М., 1973, с. 121, 122.
- ³ *Афанасьев Г. Е.* Классификация и хронология некоторых категорий украшений раннесредневекового могильника Мокрая Балка.— В кн.: V Крупновские чтения (тезисы докладов). Махачкала, 1975, с. 81; *он же.* Этапы развития аланской культуры V—VIII вв.— В кн.: VI Крупновские чтения (тезисы докладов). Москва — Краснодар, 1976, с. 8—10, 53.
- ⁴ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 103, 106, рис. 2, 11—13; табл. I, 19.
- ⁵ Там же, с. 102, рис. 2, 6—8, 14—16.
- ⁶ *Minajeva T. M.* Zwei Kurgane aus der Volkerwanderungszeit bei der Station Sipovo.— ESA, IV, 1929, S. 204; *Csallány D.* Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454—568 n. Z.).— AN, XXXVIII, 1961, Taf. CCXI, 10; CCXVI, 9; *Трапш М. М.* Культура Цебельдинских некрополей.— В кн.: *Трапш М. М.* Труды, т. 3. Тбилиси, 1971, с. 166; *Рунич А. П.* Аланский могильник..., рис. 3, 25.
- ⁷ *Амброз А. К.* Проблемы..., № 2, с. 107.
- ⁸ Отчет А. П. Рунича за 1958 г. Архив ИА, № 1720; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, № 106, 1962, с. 15.
- ⁹ Отчет А. П. Рунича за 1963 г. Архив ИА, № 2694; *Рунич А. П.* Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях.— МАДИСО, II, 1969, с. 106.
- ¹⁰ *Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска.— СА, 1970, № 4, с. 222—227; *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины.— СА, 1976, № 3, рис. 3, 12—16.
- ¹¹ Отчет Т. М. Минаевой за 1965 г. Архив ИА, № 3146.
- ¹² *Алексеева Е. П.* О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, табл. II, I, 3.
- ¹³ *Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии.— СА, 1975, № 1, с. 213—233.
- ¹⁴ МАК, VIII, 1900, табл. 81, 9, 13; 103, 9, 11; 104, 4, 5, 18.
- ¹⁵ *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975, с. 93, 94.
- ¹⁶ *Амброз А. К.* Проблемы..., № 2, табл. II.
- ¹⁷ *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии.— КСИА, 128, 1971.
- ¹⁸ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908, с. 175—185.
- ¹⁹ *Амброз А. К.* Проблемы..., № 2, рис. 5, 69; № 3, табл. IV, 5; *Csallány D.* Grabfunde der Frühawarenzeit.— FA, I—II, 1939, Taf. III, 4; IV, 4, 6, 18—21.
- ²⁰ *Kovrig I.* Avar find from Csengöd.— AE, p. 345—349.
- ²¹ *Чалланы Д.* Памятники византийского металлообрабатывающего искусства.— АА, II, 1954, табл. III, 9.
- ²² *Рунич А. П.* Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины.— СА, 1977, № 1, с. 248—254.
- ²³ *Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П.* Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска.— ВВ, 32, 1971; *они же.* Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска.— ВВ, 37, 1976.
- ²⁴ *Pselina J.* Ein Katakombengrab der Völkerwanderungszeit in Nordossetien.— ESA, IV, 1929, S. 211—213.
- ²⁵ *Рунич А. П.* Могильник № 2 у Лермонтовской скалы у города Кисловодска.— АО 1973 г. М., 1974.
- ²⁶ *Иерусалимская А. А.* Западные ткани на Дальнем Востоке.— В кн.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975, с. 49.
- ²⁷ МАР, 34, 1914; *Маршак Б. И., Скалон К. М.* Перещепинский клад. Л., 1972.
- ²⁸ *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.— ВАУ, 9, 1970, табл. Б, 27.
- ²⁹ Приношу глубокую благодарность Х. Мамаеву за сведения.
- ³⁰ *Плетнева С. А.* Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 205—212.

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА РЕКЕ ДЮРСО

На р. Дюрсо близ Новороссийска был открыт частично разрушенный при строительных работах средневековый могильник¹. Исследовано 525 захоронений, которые по времени и обряду погребения делятся на две группы.

Первая группа — 352 труположения в грунтовых ямах. Погребенные лежат в вытянутой позе на спине головами преимущественно на запад или северо-запад. Встречены деформированные черепа, изредка — угольные подстилки. В погребениях найдены остатки пищи — кости коровы и овцы², яичная скорлупа, раковины съедобных морских моллюсков, сосуды, накрытые каменными плитками или перевернутыми мисками. Форму могильных ям установить удалось только в нескольких случаях. Это ямы прямоугольные глубиной от 0,4 до 1,5 м.

Погребальный инвентарь более богат и обилен в ранних погребениях. У мужчин это оружие — кинжалы с двумя вырезами у рукояти, реже — длинные мечи, наконечники копий и топоры. В двух случаях найдены трехперые наконечники стрел.

В женских захоронениях обнаружены парные двупластинчатые фибулы (рис. 1, 1, 12, 14, 17), которые обычно носили на плечах. Серьги — серебряные с граненой бусинкой (рис. 1, 10, 19), массивные калачевидные из меди, серебра и золота (рис. 1, 15), причем в одном погребении встречались серьги из разных металлов. В более поздних погребениях найдены тонкие серьги с пирамидкой из четырех шариков зерни (рис. 1, 16). Гривны — витые из серебра (рис. 1, 3) или гладкие проволочные из серебра или бронзы. Много бус из янтаря, стекла, пасты, кораллов, реже — из хрусталя, сердолика, халцедона, гагата. Найдены бронзовые пинцеты (рис. 1, 4), копоушки и ногтечистки, скрепленные одним кольцом и обычно подвешенные на бронзовой цепочке к фибуле, бронзовые зеркала (рис. 1, 5). Браслеты — бронзовые, реже — серебряные проволочные со слегка расширенными уплощенными или раздвоенными концами (рис. 1, 8).

Как в женских, так и в мужских погребениях встречены разнообразные пряжки из бронзы, серебра и железа. Среди них — мелкие обувные (рис. 1, 11, 20), женские поясные (рис. 1, 9, 18), мужские поясные и портупейные пряжки (рис. 1, 7, 21—23).

Разнообразна керамика ранних погребений: кувшины с плоской ручкой и высоким, слегка расширяющимся кверху горлом (рис. 1, 37), известные на Боспоре³; сероглиняные кувшины с витой ручкой, рифленной шейкой и отогнутым венчиком с прямым сливом (рис. 1, 38); горшочки с узким горлышком (рис. 1, 35); миски и блюда из серой глины. В более богатых погребениях встречаются краснолаковые блюда и миски (рис. 1, 33, 34) с различными изображениями на дне — кресты, розетки, звери. Интересен высокий краснолаковый кувшин (рис. 1, 36).

Сравнительно много стеклянной посуды. Это стаканы обычного для Причерноморья типа — в виде высокого усеченного конуса, одноцветные или с каплями синего стекла (рис. 1, 39)⁴. Встречены стаканы такой же формы с рисунком из синего стекла в виде волнистой линии или с комбинированным рисунком — глазки и волнистая линия (рис. 1, 40, 41). Найдены стеклянные рюмки (рис. 1, 42), вазочки (рис. 1, 43), блюдо, стаканы из более толстого стекла с косым рифлением на тулове и зауженным рюмкообразным дном.

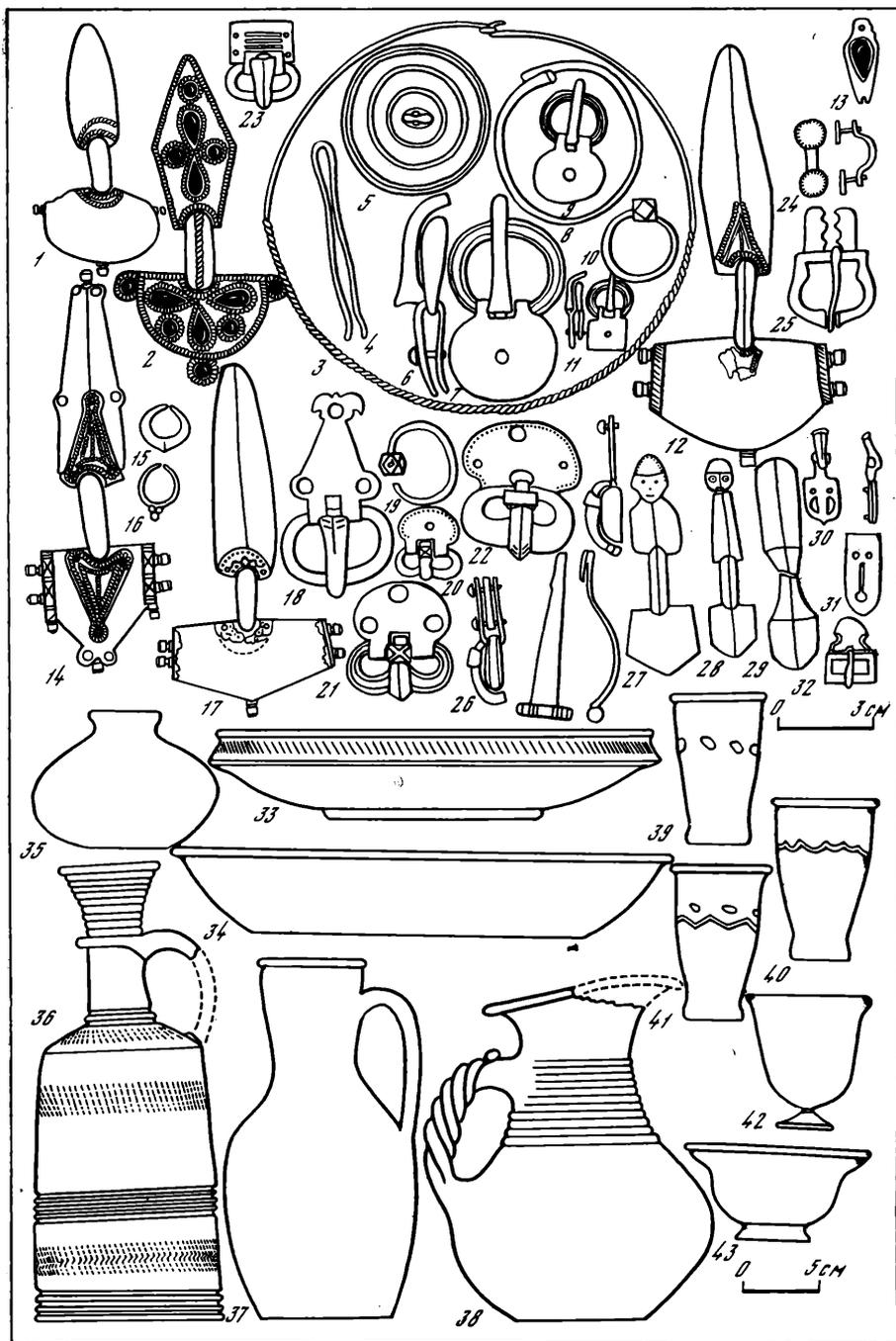

Рис. 1. Предметы из погребений первой группы (группоположения)

1 — погребение 483; 2 — 300; 3 — 12, 35 — 500; 13 — 314; 14, 33, 34, 38 — 420; 15 — 472; 16 — 303; 17—20, 43 — 259; 21—23 — 479; 24—32 — 403; 36 — 490; 37 — 510; 39 — 374; 40 — 512; 41 — 400; 42 — 492

В погребениях первой группы попало сравнительно много монет. Большую часть их составляют поздние боспорские статеры конца III — начала IV в. Другие монеты — византийские VI в. и варварские подражания римским денариям — единичны. Чаще всего монеты находились в кошельках или в руках погребенных.

Иногда в мужских погребениях встречались женские украшения (бусы, фибулы), сложенные кучкой. Их можно рассматривать как заупокойный дар близкой умершему женщины. Среди подобных предметов следует отметить бронзовую двупластинчатую фибулу, обтянутую золотым листом и украшенную вставками из желтого стекла (рис. 1, 2).

С погребениями этой группы можно связать 16 захоронений лошадей со сбруей, а иногда и с оружием (мечи, кинжал). В четырех захоронениях обнаружены парные золотые и серебряные пластины с чешуйчатым орнаментом — детали обивки твердого седла.

В более поздних погребениях встречается больше орудий труда: серпы, долота, мотыги, пряслица, иглы, рыболовные крючки и грузила.

Интересен комплекс инструментов, сырья и продукции ювелира, обнаруженный в одном из погребений. В качестве сырья использовались обломки бронзовых и железных предметов — браслетов, пряжек, фибул (рис. 1, 26, 29), ломаные гвозди, стертые боспорские монеты II—IV вв. и византийская монета VI в. очень плохой сохранности. К изделиям этого ювелира, вероятно, можно отнести две антропоморфные фибулы (рис. 1, 24, 27, 28). Фибула, являющаяся точной копией изображенной на рис. 1, 28, была найдена в 1913 г. при раскопках В. В. Саханева в Борисовском могильнике (погребение 192)⁵. К деталям поясного набора самого ювелира относятся пряжка, две серебряные накладки пояса (рис. 1, 25, 30, 31) и пряжка от кошелька (рис. 1, 32).

Из более поздних украшений следует отметить арбалетовидные фибулы, разнообразные поясные наборы, бусы из роговика.

В настоящее время ведется хронологическая обработка материалов могильника, но предварительно наиболее ранние погребения первой группы можно датировать рубежом IV—V вв., наиболее поздние — первой половиной VIII в.

Вторая группа представлена 173 трупосожжениями. Трупосожжения совершены на стороне. Измельченные жженые кости засыпали в небольшую ямку глубиной 0,3—0,6 м. Рядом складывали обгоревшие предметы, ставили сосуды. Наборы погребального инвентаря мужских захоронений довольно стандартны. Обычно это слабоизогнутая сабля, наконечник копья с узким ромбовидным пером (рис. 2, 23), до двух десятков стрел различных типов (рис. 2, 4—8, 17), топоры с молотковидными обушками, серпы (рис. 2, 13, 14, 16). Много поясных пряжек и наконечников ремней, крупных фибул (рис. 2, 19, 21), кресал, пинцетов (рис. 2, 20). Из защитных доспехов обнаружено три шлема с кольчужными бармицами, кольчуги со стальными налокотниками, детали щитов. Редкой находкой является гирька кистеня (рис. 2, 18). Сабли имеют разнообразные перекрестия — прямые, ромбовидные в плане, с дисковидными расширениями на концах (рис. 2, 22), с бронзовыми или железными шариками.

В женских погребениях сравнительно много украшений из бронзы — браслеты гладкие или рубчатые с расширенными или оформленными в виде змеиных головок концами (рис. 2, 27), перстни со щитками (рис. 2, 30) или четырьмя лапками для стеклянной вставки, различные бляшки, бубенчики, копоушки, подвески (рис. 2, 25, 28, 29, 31). Встречаются двуконьковые прикамские шумящие подвески (рис. 2, 26). Серьги — пустотелые серебряные или золотые, украшенные шариками или зернью (рис. 2, 24). В большинстве мужских и в некоторых женских погребениях найдены детали конского снаряжения (рис. 1, 9—12, 15), что говорит о большой роли коня в жизни этой группы населения.

Основным типом керамики являются красноглиняные ойнохоевидные кувшины (рис. 2, 34). Встречены красно- и сероглиняные кружки, двуручный сосуд (рис. 2, 32, 33).

Как особенность погребального обряда отметим, что чуть ли не половина сабель и часть других предметов положены в погребение умышленно.

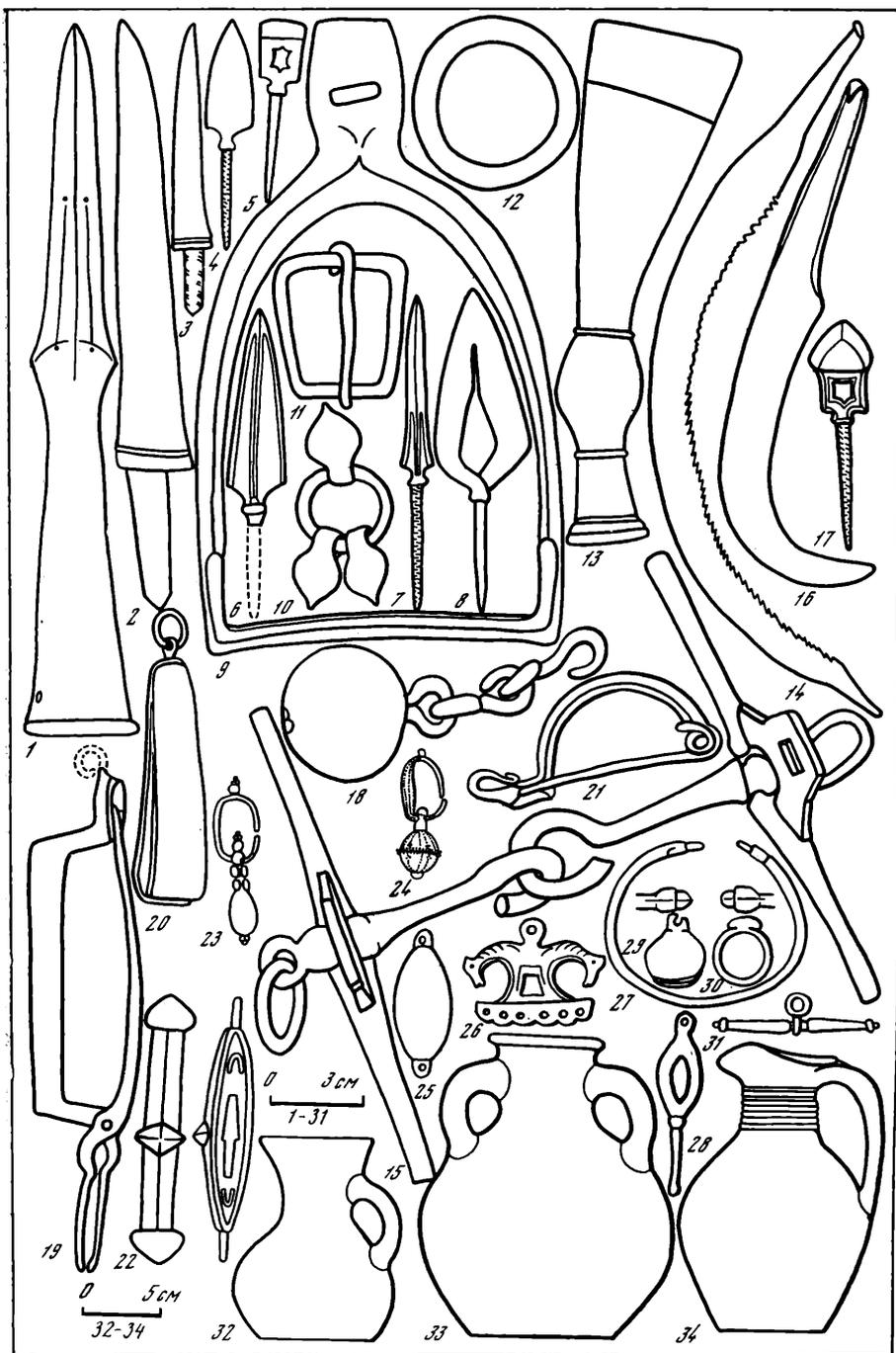

Рис. 2. Предметы из погребений второй группы (группосожжения)

1—15 — погребение 15; 16 — 9; 17 — 3; 18 — 1; 19 — 20; 20 — 49; 21 — 24; 22 — 23; 23 — 64; 24 — 89; 25—31 — 21; 32 — 33; 33 — 81; 34 — 45

но поломанными. В одном из разрушенных погребений найден золотой солид Льва III и Константина Копронима 720—741 гг.⁶

Предварительно эту группу погребений можно датировать второй половиной VIII — началом IX в.

Перехожу к общей характеристике могильника. Он оставлен не местным, а пришлым населением. Об этом говорит следующее. Типично ме-

ственным обрядом, который почти непрерывно прослеживается в этих местах с VIII в. до н. э. было погребение в каменных ящиках⁷. В могильнике Дюрсо, за редким исключением, каменные ящики отсутствовали. В 1974 г. в 1,5 км выше по той же долине были исследованы остатки грунтового меото-сарматского могильника I—III вв., имеющего много общего с подобными памятниками Прикубанья⁸, но отличавшегося от могильника Дюрсо неустойчивостью ориентировки, бедностью и несходством инвентаря. Этот могильник не мог быть предшественником могильника Дюрсо. Ранние погребения Борисовского могильника⁹, расположенного в 60 км от Дюрсо, хотя и включают те же предметы, что и погребения соответствующего времени могильника Дюрсо, но отличаются от последних ориентировкой погребенных и преимущественным использованием каменных ящиков.

Могильнику Дюрсо нет аналогий и в других памятниках Кавказа. Зато у него очень много общего с памятниками Крыма. Здесь встречены те же предметы, что и в позднеантичных могильниках Крымского Боспора¹⁰: пряжки, фибулы, серьги, гривны, зеркала, стекло, краснолаковая и простая керамика, ранее в таком количестве в этих местах не встречавшаяся. Объяснить это каким-то внезапным подъемом экономики и торговли во время повсеместного разрушения кочевниками налаженных торговых связей невозможно. И. Т. Кругликова, анализируя причины экономического упадка Горгииппии (а Дюрсо находится в 30 км по прямой от Горгииппии) в III в., приводит данные, что в самой Горгииппии и ее окрестностях отсутствуют монеты, чеканенные после 234 г., и связывает это с отторжением города от Боспора соседними племенами¹¹. То же самое можно сказать о районе Новороссийска¹². Однако в могильнике Дюрсо найдено около 30 боспорских монет IV в. Их находки в могильнике того периода, когда выпуск этих монет уже давно прекратился, можно связать только с устоявшейся привычкой населения к денежному обращению, основанному на данной монете, и какими-то запасами самой монеты. И в погребальном обряде Дюрсо имеется сходство с крымскими могильниками¹³. Все это позволяет предположить, что могильник Дюрсо оставлен племенами, переселившимися с Крымского полуострова.

В перипле Безымянного автора V в. говорится: «Итак, от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся Керкеты или Тореты, а ныне живут так называемые Евдусиане, говорящие на готском или таврском языке»¹⁴. Могильник Дюрсо как раз находится в указанном районе. Если сопоставить сообщение Безымянного автора с рассказом Прокопия Кесарийского о вытеснении гуннами с Керченского полуострова готов-тетракситов¹⁵ и увязать это с археологическими материалами, то можно предположить, что могильник Дюрсо оставлен крымскими готами, возможно готами-тетракситами Прокопия Кесарийского¹⁶. Можно предположить также, что до середины VIII в. этнический состав населения в этом районе не изменялся.

Трупосожжения типа погребений второй группы могильника Дюрсо известны в разных местах СССР. Подобные захоронения на юге Восточной Европы связывают с тюркоязычными племенами, входившими в состав Хазарского каганата¹⁷. Они имеют сходство и с памятниками Минусинской котловины¹⁸.

В районе Новороссийска в разных пунктах подобные трупосожжения встречены неоднократно, что говорит о массовом проникновении сюда тюркоязычных племен. В труположениях совершенно отсутствуют вещи из погребений второй группы. Полная смена культур говорит о внезапности вторжения и, вероятно, о вытеснении или уничтожении прежнего населения.

По характеру погребений второй группы можно судить, что эта часть могильника существовала недолго.

Внезапная смена культур на одном памятнике позволит четко разграничить хронологические рамки инвентаря и даст возможность внести уточнение в датировку целого ряда предметов.

- ¹ *Дмигриев А. В.* Охранные раскопки в районе г. Новороссийска.— АО 1974 г. М., 1975, с. 106; *он же.* Раннесредневековый могильник на р. Дюрсо близ Новороссийска.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Киев, 1975, с. 109.
- ² Предварительное определение.
- ³ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки 1935—1940 гг.— МИА, № 25, 1952, с. 112, рис. 137.
- ⁴ *Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья.— СА, 1971, № 4, с. 85, рис. 1, 8.
- ⁵ Хранится в Геленджикском историко-краеведческом музее (ГКМ 3919/12). За сообщение об этой фибуле приношу благодарность А. К. Амброзу.
- ⁶ *Толстой И. И.* Византийские монеты, VIII. Пг., 1914, табл. 63, 65.
- ⁷ *Дмигриев А. В.* Новые материалы VIII—V вв. до н. э. из района Новороссийска.— В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения (тезисы докладов). Москва — Краснодар, 1976, с. 19, 20.
- ⁸ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, № 23, 1951, с. 192.
- ⁹ *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг.— ИАК, 56, 1914, с. 123.
- ¹⁰ *Корпусова В. М.* Сільске населення пізньоантичного Боспору.— Археологія, 8, 1973, с. 27.
- ¹¹ *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 40.
- ¹² *Онайко Н. А.* Раскопки поселения на Малой Земле.— КСИА, 124, 1970, с. 74; *она же.* Новые данные о поселении на Малой Земле.— КСИА, 133, 1973, с. 96.
- ¹³ *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея.— МИА, № 19, 1951, с. 84.
- ¹⁴ *Латышев В. В.* Свидетельства древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1893, с. 279.
- ¹⁵ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950, с. 387.
- ¹⁶ В этой работе не затрагиваются вопросы этнической принадлежности крымских готов. Некоторые исследователи считают их одним из сарматских племен.
- ¹⁷ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 100—102.
- ¹⁸ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 577, 578.

Н. П. СОРОКИНА

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ IV—V ВВ. И ХРОНОЛОГИЯ ЦЕБЕЛЬДИНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Источником для освещения истории Юго-Восточного Причерноморья уже не раз служил разнообразный и богатый материал из могильников долины Цебельды. Найденным там стеклянным сосудам, которых накопилось к настоящему времени уже более 50, отвели целые разделы в своих исследованиях М. М. Трапш¹ и Г. К. Шамба², а Ю. Н. Воронов посвятил им специальную статью³. Такое количество стекла в могильниках, расположенных в отдалении от античных центров,— явление не столь обычное, и оно обращает на себя внимание. Но значение цебельдинского стекла определяется не только его численностью. Эти находки важны для истории стеклоделия и для исследования историко-культурных проблем как Восточного Причерноморья, так и широкой территории античного мира.

У исследователей нет разногласий по поводу начальной даты возникновения могильников Цебельды. Это II—III вв. Конечную же дату М. М. Трапш, Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронов определяли V и VI вв.⁴; А. К. Амброз, а вслед за ним теперь Ю. Н. Воронов доводят ее до конца VII в.⁵ Таким образом, стекло Цебельды по новой хронологии могильников, в основу которой положена типология фибул и пряжек и

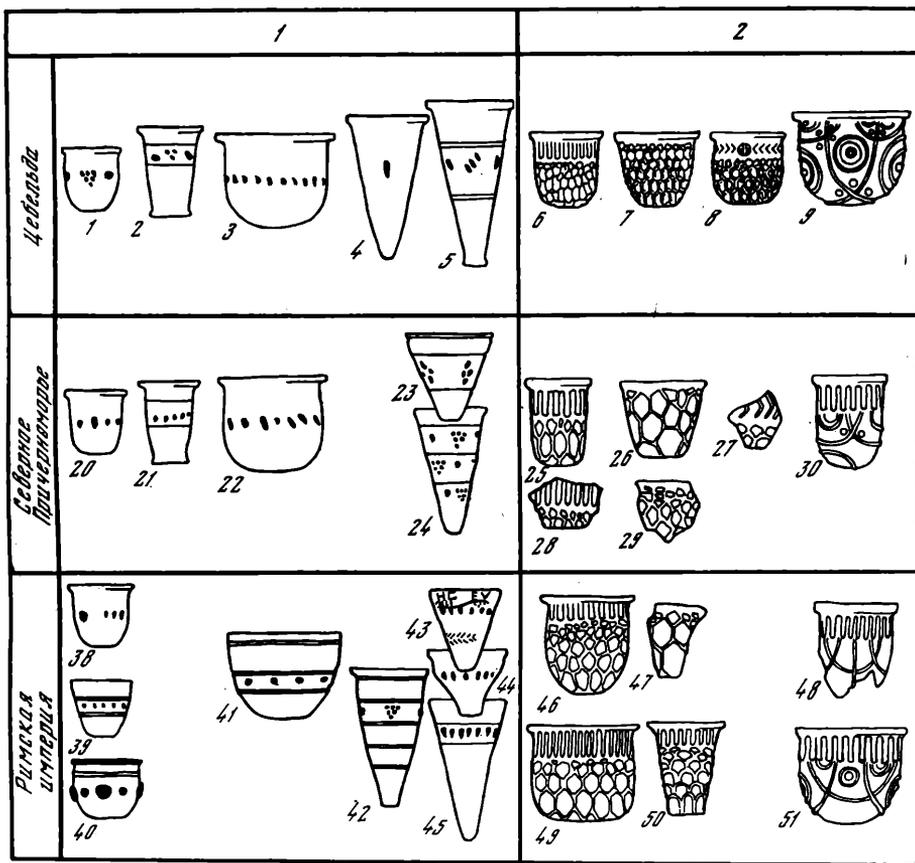
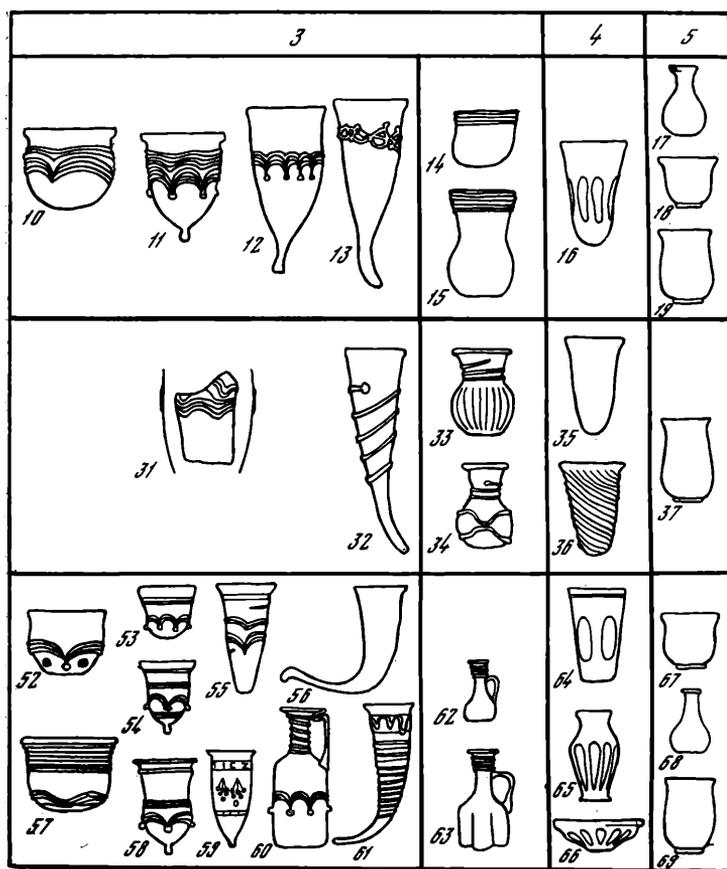

Рис. 1. Сравнительная таблица стеклянных сосудов из Цебельды, Северного Причерноморья и Римской империи

1 — 5 — группы; 1—19 — *Воронов Ю. Н.* К истории экономических связей..., рис. 1—3; 20—22 — *Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах..., рис. 1; 23, 24 — *Fremersdorf F.* Die Römische Gläser mit aufgelegten Nuppen..., Taf. 104, 106; 25, 27—30 — *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакса, рис. 2, 10, 13—17; 26 — *Griechische Altertümer Südrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn A. Vogell*; Taf. XI, 14; 31 — Фанагория, раскопки ГМИИ 1964 г.; 32 — могильник «Совхоз 10», раскопки С. Ф. Стржелецкого 1966 г., склеп 7, ГХМ; 33, 34 — *Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах..., рис. 4, 2; 5, 1; 35, 36 — могильник «Совхоз 10», раскопки С. Ф. Стржелецкого 1962 г., могила 168а, 1966 г., могила 254, ГХМ; 37 — *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакса, рис. 2, 4—9; 38, 39 — *Barłóczy L.* Spätromische Glasbecher..., Abb. 1, 3; 5, 1 (с библиографией); 40 — *Fremersdorf F.* Die Römische Gläser mit aufgelegten Nuppen..., Taf. 60; 41 — *Barłóczy L.* Spätromische Glasbecher..., Abb. 3, 1; 42 — *Harden D. B. Karanis.* Ann Arbor, 1936, pl. XVI, 457, 460; 43—45 — *Barłóczy L.* Spätromische Glasbecher..., Abb. 4, 1—3; 46 — *Petru S.* Späetantike Glass in Slowenien.— В кн.: Зборник радова са међународны саветовања одржано од 22 до 24 априла 1974 у Београду. Београд, 1975, s. 8, рис. 1 (конец IV — начало V в.); 47, 48 — *Barłóczy L.* Plastisch verzierte spätromische Glasfunde, Abb. 9,3 (с библиографией); 49 — *Dusenbery E. B.* Ancient Collection of Wheaton College.— JGS, 1971, fig. 12, p. 15 ff. (IV в.) (с библиографией); 50 *Barłóczy L.* Plastisch verzierte spätromische Glasfunde..., Abb. 5; 51 — *Eisen G. Glass.* v. I. N. Y., 1927, pl. 72, p. 287; 52 — *Fremersdorf F.* Die Römische Gläser mit aufgelegten Nuppen..., Taf. 82; 53—55 — *Pfeffer W. von.* Zur Typologie..., Abb. 3, 5, 7, 8 (V в.); 55 — *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, Taf. 57, 8; S. 49, 125 (конец V в.); 56 — *Evison V. J.* Anglo-Saxon Finds..., type 1 (fig. 8, 1); 57 — *Vanderhoeven M.* Verres Romains tardifs mérovingiens du Musée Curtius. Liège, 1958, N 57, p. 56 (V в.); 58 — *Pfeffer W. von.* Die Fränkischen Gläser... Abb. 1,1 (V в.); 59 — *Eisen G. Glass.* v. II. N. Y., 1927, pl. 101; 60 — *Saldern A. von, Noete B., La Baume P., Haevernick Th. E.* Gläser der Antike. Hamburg, 1974, S. 246, N 716 (Северная Африка IV—V вв.); 61 — *Pirling R.* Das Römisch fränkische Gräberfeld von Krefeld-Gellep, I. Berlin, 1966, Typentafel 18, N 223, S. 112 (в могиле первой половины IV в.) 62, 63 — *Saldern A. von u. a.* Gläser der Antike, N 717, 719 (IV — V вв.); 64 — *Pirling R.* Neue Funde Römischer Gläser aus Krefeld-Gellep.— Kölner Jahrbuch, Bd 9, 1967/1968, Abb. 6, 2; S. 37 (середина IV в.); 65 — *Isings C.* Roman Glass..., form 114, p. 142 (IV в.); 66 — *Ibid.*, form 117, p. 147 (IV — ранний V в.); 67 — *Ibid.*, form 108, p. 134 (типичный IV в.); 68 — *Thomas E.* Die Gläser... Taf. XXVI, 7, 8, S. 102 (вторая половина III — начало V в.); 69 — *Harden D. B.* Tomb-groups of Glass of Roman date from Syria and Palestine.— Iraq, II, 1949, fig. 1, 6 (литературу полностью см. в примечаниях)

в полную временную зависимость от которой поставлены стеклянные изделия, должно относиться ко II—VII вв. С таких позиций и рассматривает стекло Ю. Н. Воронов, видя в нем импортную продукцию восточного стеклоделия VI—VII вв. Эта концепция содержит в себе ряд противоречий.

Теперь становится ясным, что стеклоделие было одним из развитых ремесел первых веков нашей эры. Экономические соображения заставляли мастерские оперативно откликаться на запросы рынков, определявшиеся колебаниями вкусов и моды. Изделия из стекла с их часто меняющимися формами и приемами украшения позволяют судить о закономерностях развития стеклодельческого искусства⁶.

Стекло II—III вв. в Цебельде пока не открыто. Все стекло здесь относится ко времени не ранее, чем IV в., когда стеклоделие переживало этап с чертами, порожденными ходом истории Рима, клонившегося к упадку. В Причерноморье это положение усугублялось еще бурными событиями 40-х годов III в., последовавшими вслед за вторжением в Северное Причерноморье союза племен во главе с готами.

В IV в. активность стеклодельческого производства оставалась очень высокой. Как и прежде, мода на сосуды определенных форм и способы их украшения распространились по всей территории империи очень быстро благодаря торговым связям. В локальных мастерских подражали привозным образцам. Но мастера IV в. не были экспериментаторами, как их предшественники в I—II и даже в III в. Стеклоделы IV в. часто пользовались прошлым наследием, возрождая время от времени некоторые формы сосудов и приемы орнаментации. Искусство стеклоделия, за редким исключением, превращалось в ремесло с довольно ограниченным

репертуаром сосудов. Поэтому группы сосудов позднеантичного времени, объединенные по схожести форм или украшений, легко обозримы.

Для стеклоделия V век был переходным этапом: еще доживали формы сосудов и способы их обработки, сложившиеся во II—IV вв., и происходил отбор тех элементов, которые стали ведущими в VI—VII вв. Ассортимент сосудов этого времени стал еще более ограниченным⁷.

Для того чтобы определить место цебельдинского стекла в поэтапном развитии стеклоделия от IV до VII в., необходимо вновь проанализировать находки Цебельды. Оставляя в стороне классификацию сосудов, разработанную уже Г. К. Шамба и Ю. Н. Вороновым на основе типологии форм⁸, мы сгруппируем стеклянные изделия по принципу их орнаментации. Это позволит отчетливее выявить своеобразие всего набора и отдельных групп стекла и по возможности уточнить датировку каждой из них.

Среди цебельдинского стекла выделяется пять групп. В первую входят сосуды, украшенные каплями синего стекла (рис. 1, 1—5). Во вторую — сосуды с рельефной поверхностью. Сюда относятся стаканы и чаши с двумя видами орнаментов: 1 — в виде сот (рис. 1, 6—8); 2 — перекрещивающиеся окружности с вписанными в них кругами и точками (рис. 1, 9). Третья группа характеризуется применением стеклянной нити, которая обвивает сосуд (рис. 1, 10—15). Сосуды четвертой группы орнаментированы вдавлениями (рис. 1, 16). Наконец, пятая группа объединяет гладкостенные сосуды (рис. 1, 17—19)⁹.

Чтобы нагляднее показать связь всех групп цебельдинского стекла со стеклом античного мира, мы приводим сравнительную таблицу (рис. 1), позволяющую судить о распространенности сосудов и их хронологии.

Две первые группы являются для цебельдинского стекла ведущими. Первая группа (рис. 1, 1—5) очень тесно примыкает к северопричерноморским сосудам с каплями синего стекла (рис. 1, 20—24), повторяя три их типа¹⁰. Но надо отметить в ней значительно большее количество остродонных кубков (рис. 1, 4, 5), что только и составляет ее отличие. Некоторые из этих кубков (рис. 1, 5) близки египетским (рис. 1, 42), и они, по-видимому, были импортными.

Как северопричерноморская, так и цебельдинская группы включают стаканы с каплями синего стекла II типа рис. 1, 2, 21, которые не встречаются среди сосудов с каплями синего стекла, широко распространенных на западных и восточных территориях Римской империи. Эти сосуды придают своеобразие всей припонтийской группе.

На сосудах второй группы из Цебельды (рис. 1, 6—9) представлены все виды рельефных орнаментов, хорошо известных также на стаканах из Северного Причерноморья (рис. 1, 25—30) и из провинций Римской империи (рис. 1, 46—51). Но при всей общности украшений и самих сосудов из всех этих районов обращают на себя внимание некоторые детали цебельдинских экземпляров. Например, чаша, орнаментированная рельефными пересекающимися концентрическими линиями со вписанными кругами и точками (рис. 1, 9), лишена стандартного завершения в виде каннелюр, и, кроме того, сама форма сосуда бывает обычно несколько иная — в виде стаканов небольших размеров. На двух цебельдинских стаканах (рис. 1, 8) привычный орнамент из каннелюр заменен елочным, включающим круг со схематическим изображением креста. Нам известен только один обломок стакана с подобным орнаментом из Херсонеса (рис. 1, 27)¹¹. Сосуды с рельефными орнаментами из Цебельды и Северного Причерноморья хотя и входят в круг подобного стекла Римской империи, но имеют все же некоторое отличие.

Двум первым группам, как самым ярким, отразившим наиболее полно моду и вкусы позднеантичной эпохи, отведено особенно большое место в литературе. Что касается сосудов с каплями синего стекла (рис. 1, 20—24, 38—45), то выяснены истоки сложения и развития такой орна-

ментации, их ареал, выделены локальные группы и суммированы данные по хронологии.

Проблема датировки таких сосудов особенно веско аргументирована Л. Баркоци на основании детального изучения 43 сосудов в погребальных комплексах десяти могильников Паннонии¹². Ему удалось установить, что появление в этой провинции сосудов с каплями синего стекла, которые он подразделяет на три группы, относится примерно к 350-м годам, исчезают они в начале V в., а их интенсивное распространение приходится на третью четверть IV в.

В Северном Причерноморье сосуды с каплями синего стекла типологически и хронологически очень близки паннонийским, только появляются они с немного более раннего времени¹³.

Находки сосудов второй группы (с рельефным орнаментом) в некоторых погребальных комплексах Северного Причерноморья (рис. 1, 25—30) и западных провинций Римской империи (рис. 1, 46—51) позволили установить, что такие сосуды изготовлялись от начала IV до первой половины V в.¹⁴ Завершают развитие этой группы сосуды, имеющие орнаменты в виде сет, но лишенные каннелюр (рис. 1, 29, 47). Отметим один из сосудов Цебельды (рис. 1, 9), который хотя и не имеет каннелюр, но вряд ли относится к первой половине V в. Его вернее датировать концом IV или рубежом IV—V вв. Мы это предполагаем потому, что орнамент на сосуде, состоящий из перекрещивающихся концентрических линий и переданный техникой дутья, был заимствован с узоров, которые часто выполнялись шлифовкой на сосудах IV в.¹⁵

Таким образом, хронологические рамки первой и второй групп очерчены достаточно четко: это IV — первая половина V в. Такая сравнительно узкая хронология распространения обеих сосуществующих групп сосудов в истории римского стеклоделия не единственна¹⁶.

Сосуды третьей группы объединены по принципу украшения их стеклянной нитью (рис. 1, 10—15). Одни из них густо перевиты у венчика нитью синего стекла (рис. 1, 14, 15), у других нитью образованы фестоны (рис. 1, 10—12). Характерно, что стеклянная нить в последнем случае не синяя, а цвета стекла самого сосуда. Сосуды с узором обоих видов стоят среди причерноморского стекла особняком¹⁷. Для сосудов с орнаментом второго вида в качестве аналогии мы можем привести только один обломок сосуда из Фанагории (рис. 1, 31). В целом же сосуды, перевитые и украшенные таким способом, не характерны для Северного Причерноморья, но первые (т. е. с синими нитями) ближе стоят к восточным образцам (рис. 1, 62, 63), а вторые хорошо представлены в стекле Западной Европы (рис. 1, 52—55). На Востоке этот способ украшения встречается, но на сосудах другой формы (рис. 1, 60).

Один из цебельдинских сосудов третьей группы (рис. 1, 13) выделяется особым рисунком, выложенным нитью цвета стекла сосуда. Этот узор не находит аналогий ни среди северопричерноморских, ни среди римскопровинциальных орнаментов на стекле IV—V вв.¹⁸ По форме же цебельдинский сосуд близок сосуду из могильника «Совхоз 10» близ Херсонеса (рис. 1, 32). Они оба своей формой предвосхищают ритоны, которые получили развитие в средневековом стекле Западной Европы (рис. 1, 56, 61)¹⁹.

Круглодонный цебельдинский кубок с вдавлениями (рис. 1, 16), выделенный в четвертую группу, тоже чужд северопричерноморскому стеклу, но близок сосудам Западной Европы (рис. 1, 64—66).

Гладкостенные стаканы, образующие пятую группу (рис. 1, 18, 19), находят аналогии среди сосудов из могильников Таврики, отчасти — Боспора, а также вне территорий Понта (рис. 1, 67, 69).

Установить хронологию третьей — пятой групп сложнее, чем первой и второй: каждая из них характеризуется чертами, свойственными переходному этапу от позднеантичного к раннесредневековому стеклоделию.

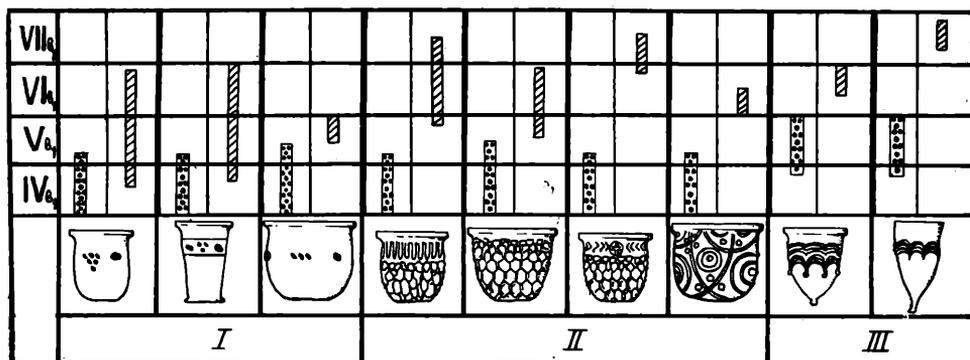

Рис. 2. Хронология цебельдинских стеклянных сосудов

Слева над каждым сосудом — по данным распространения аналогичных сосудов в Северном Причерноморье и Римской империи; справа — по А. К. Амброзу — Ю. Н. Воронову; I—III — группы

Кубок с вдавлениями находит аналогии среди нижнерейнского стекла еще IV в. (рис. 1, 64); гладкостенные сосуды (флаконы и стаканы) — среди сосудов IV и V вв. (рис. 1, 37, 67—69)²⁰; только третья группа на фоне стекла переходного времени отличается определенными признаками, позволяющими датировать ее в рамках V в., но не позднее. Опорные данные для этого могут быть почерпнуты из эволюции франкского стекла V—VIII вв. Западной Европы. Именно с франкскими сосудами раннего этапа их развития, который падает на V в.²¹, находят параллель сосуды из Цебельды. Их сближает рисунок орнамента в виде фестонов из стеклянной нити (рис. 1, 52—55), общие очертания сосудов, вплоть до характерного оформления дна на некоторых из них (рис. 1, 54, 58, 59). Но в то же время цебельдинские сосуды отличаются от франкских некоторыми деталями: нити цвета стекла сосуда (у франкских они опаковые белого или желтого цветов)²², иной профиль края сосуда, его необработанность (у франкских сосудов V в. он оплавлен)²³ и отчасти профиль тулова сосуда, который в целом очень близок профилю стаканов с каплями синего стекла (рис. 1, 1, 20, 38). Есть все основания считать, что и сама идея украшения сосудов нитью, образующей фестоны, зародилась в период, когда широко использовались для той же цели капли синего стекла²⁴. Примером могут служить сосуды, на которых сочетаются тот и другой виды орнамента (рис. 1, 52). В целом же третья группа производит впечатление продукции побочной ветви ремесла, прекратившей существование к концу V в. Формирование основного направления этой линии развития стеклоделия завершилось в VI—VIII вв. в Западной Европе, в частности во франкском стекле.

Суммируя все сказанное, можно дать такую характеристику стеклу Цебельды. По особенностям первой, второй и пятой группы оно примыкает к стеклу Северного Причерноморья²⁵, причем с Боспором оно особенно тесно связано через посредство первой группы. Пятая группа обнаруживает большую близость с Херсонесом. Вторая группа лучше всего представлена именно в Цебельде. В Северном Причерноморье сосудов этой группы меньше, и их находки не концентрируются, как в Юго-Восточном Причерноморье, ни в одном из районов. Сосуды третьей группы выделяют цебельдинское стекло из всего причерноморского, выявляя какие-то особые связи Восточного Причерноморья, которые не прослеживаются на северном побережье Понта. Цебельдинское стекло обладает и некоторыми особенностями, но в целом оно полностью находит себе место среди продукции римского стеклоделия. Закономерности развития римского стеклоделия позволяют датировать стеклянные сосуды из Це-

бельды следующим образом: первая группа — IV — начало V в.; вторая — IV — первая половина V в.; третья — конец IV—V в.; четвертая — IV в.; пятая IV—V вв.

Такая датировка стекла Цебельды в общих чертах совпадает с хронологией могильников, разработанной М. М. Трапшем, в которой получили соответствующее распределение рассмотренные выше стеклянные сосуды²⁶. Насколько оказываются оторванными от развития римского стеклоделия те же памятники по новой хронологии А. К. Амброза — Ю. Н. Воронова, мы показали на рис. 2.

Хронология стекла ни в коей мере не противоречит датировке последнего этапа могильников Цебельды VIII в., что согласуется с письменными источниками по истории Аписилии. Но анализ стеклянных сосудов позволяет сделать выводы, что в основном они попадали в район Цебельды в IV — первой половине V в. К концу V в. их становилось все меньше. Из-за того, что в VI в. стекла было очень мало или из-за каких-то других причин, но в могилы стеклянные сосуды уже не ставили. Впрочем, мы допускаем, что к VI в. могут относиться отдельные рюмки²⁷, которые, как показывают аналогичные сосуды, особенно из восточных районов Средиземноморья, бытовали еще долго. Четкой хронологии они не имеют.

Примерно такая же картина создается при исследовании стекла из могильников Северного Причерноморья. Исключение представляет только Пантикапей: со второй половины V в. в его некрополе заметно меняется набор стекла, которое представлено с этого времени в основном однотипными узкогорлытыми бутылками или колбообразными сосудами. С ними ни разу не встречены сосуды, характерные для начала V в., т. е. стаканы с каплями синего стекла²⁸. Раннесредневековые могильники Таврики вообще не содержат стеклянных сосудов (например, могильник Сукусу), за исключением рюмок (склепы Чуфут-кале)²⁹ или очень однотипных сосудов, имеющих мало сходства с позднеантичным стеклом (могильники Скалистинский, у высоты «Сахарная головка»).

Таким образом, в стекле из могильников Причерноморья отражен какой-то единый исторический процесс, в котором, возможно, играло немаловажную роль распространение христианства, сильно изменившего погребальный обряд³⁰.

Встает вопрос о причине концентрации сравнительно большого числа стеклянных сосудов IV—V вв. в Восточном Причерноморье, имея в виду не только целые сосуды из Цебельдинских могильников, но и обломки стекла из культурных слоев Пятиунта и Севастополиса.

Этот вопрос нельзя решать однозначно, объясняя концентрацию стеклянных сосудов только экономическими связями. Нам кажется, что в данном случае сыграли роль три взаимосвязанных обстоятельства.

Первое из этих обстоятельств, по нашему мнению, заключается в организации Понтийского лимеса на восточном причерноморском побережье³¹. Нет особой необходимости доказывать, что дислокация римских войск по Кавказскому побережью в первых веках нашей эры несла с собой все элементы римской культуры: от монументальной оборонительной архитектуры, планировки укреплений, строительной техники³² до организации общественного и личного обслуживания³³, появления предметов обихода, к которым, например, следует отнести краснолаковую и стеклянную посуду. Непосредственные контакты обитателей Цебельды — апсильев — с носителями римской культуры происходили не только в центрах концентрации римских военных частей — в Пятиунте и Севастополисе³⁴, но и, вероятно, на месте строительных работ оборонного значения (сооружение крепостей, прокладка дорог)³⁵ в долине Цебельды, которая была стратегически важным районом на подступах к перевалам, связывающим побережье Понта с Северным Кавказом. Другим источником контактов могло быть наемничество, типичное для погра-

ничных войск позднеантичного периода. Поэтому элементы чисто внешней романизации, проявляющиеся в употреблении бытовых римских вещей, в том числе и стеклянной посуды, населением Восточного Причерноморья и в частности Цебельдинской долины, вполне объяснимы.

Второе обстоятельство, с которым можно соотнести значительную концентрацию стеклянных сосудов в Восточном Причерноморье, заключается в развитии экономических связей. Стационарные крупные и мелкие опорные пункты Понтийского лимеса, в которых сосредоточивались римские солдаты и гражданское население (канабы Питиунта, Фасиса)³⁶, с одной стороны, требовали постоянного притока всевозможных товаров, а с другой — давали гарантию безопасности на морских и сухопутных путях. Это способствовало сложению экономических связей, при которых купцы могли рассчитывать на выгодные товарообороты в Себастополисе и Питиунте. Их рынки, особенно Себастополиса, играли немаловажную роль не только во внутренней, но и в транзитной торговле³⁷. В принципе нельзя не согласиться с Ю. Н. Вороновым, который видит в стеклянных сосудах из Цебельды импортную продукцию³⁸. Однако его положение можно принять далеко не полностью. Во-первых, если стеклянные сосуды Цебельды и были привозными, то все же не столь позднего времени. Нам неизвестен ни один центр Средиземноморья или Западной Европы, который в VI—VII вв. производил и экспортировал сосуды с каплями синего стекла и рельефным орнаментом в виде сот, подобные тем, что открыты в Цебельдинских могильниках³⁹. А во-вторых, не все цебельдинское стекло, как нам представляется, было привозным. Это мы покажем ниже, а теперь проследим, какое место могла занимать стеклянная посуда среди импортных транзитных товаров.

Прежде всего отметим, что если стекло и транспортировалось через Цебельду, то это могли быть только сосуды первой группы. Сосуды с каплями синего стекла для Восточной Грузии, например, не характерны⁴⁰, так же как и для наборов стекла Кавказской Албании⁴¹. Они типичны для Северного Кавказа⁴², территория которого была занята аланскими племенами. Следовательно, эти сосуды отражают какие-то связи аланов либо с Боспором, либо с Понтийским лимесом, что более вероятно. Как известно, аланы находились в сложных отношениях с Римской империей, выступая в качестве то военных союзников, то противников. Поэтому такие сосуды могли появиться не только в результате торговых операций, но и как подарки или трофеи⁴³.

Наконец, третьим обстоятельством, которое могло способствовать сосредоточению стеклянных сосудов в Восточном Причерноморье, мы склонны считать локальное стеклоделие. Открытие в культурных слоях IV—V вв. Питиунта значительного количества обломков стекла с каплями синего стекла, образующими в отдельных случаях оригинальные рисунки, не находящие аналогии на сосудах той же группы античного мира, заставляет думать об их местном производстве. Это предположение не лишено основания, поскольку в Питиунте были обнаружены остатки стеклодельческого производства того же времени⁴⁴. Обращает на себя внимание, что в Цебельдинских могильниках стекло II—III вв. пока не открыто, а все оно относится к периоду IV—V вв., т. е. ко времени функционирования питиунтской стекольной мастерской. Набор стеклянных сосудов Цебельды включает всего несколько несложных, повторяющихся форм (стаканы, кубки, банки), что может указывать на существование одного стеклодельческого центра, освоившего выпуск определенного вида ремесленной посуды и не стремившегося расширить ассортимент своей продукции.

Вполне вероятно, что в питиунтской мастерской изготавливали не только сосуды, но и другую продукцию. В частности, она могла поставлять для изготовления фибул крупные и мелкие синие стекла, которые исполь-

зовались как раз в IV—V вв. в качестве инкрустации металлических застежек⁴⁵.

Предполагая возможность местного стеклоделия Восточного Причерноморья, хотелось бы представить себе, чьими силами оно могло быть налажено. Во-первых, стеклоделием в период мирной жизни могли заниматься римские солдаты наряду с производством строительной керамики и посуды⁴⁶. Теперь мы располагаем сведениями о трудовой деятельности, которая связана именно с производством стекла на стоянках воинских подразделений⁴⁷. Во-вторых, не исключена возможность, что отдельные ремесленники могли попасть в Припонтийские области в качестве пленников во время восточных походов союза племен Северного Причерноморья и военных столкновений конца III в., многие из которых происходили у Кавказского побережья⁴⁸. Наконец, питиунтские выдувальщики стеклянной посуды могли быть и свободными переселенцами из любой восточной провинции Римской империи, живя и работая при канабах крупных римских крепостей, снабжая изделиями своего ремесла внутренние рынки. Существует мнение, что на европейской территории Римской империи производство сосудов с каплями синего стекла и сосудов с рельефным орнаментом в виде сот возникло в подражание вывезенным с Востока образцам или что оно было налажено мастерами Востока, как, например, в Придунайских провинциях⁴⁹. Поэтому сходство между сосудами Цебельды и западно-провинциальными может быть объяснено не только различными направлениями экспорта стекла из одного центра Востока, но и подражанием «модным» первоисточникам стеклоделами Юго-Восточного Причерноморья, Паннонии, прирейнских и боспорских мастерских.

Обслуживание внутреннего рынка юго-восточного района Понта стеклом местной мастерской не исключает, конечно, импорт стеклянной посуды. Дело только в том, какой процент она могла составлять от локального и когда была завезена.

По концентрации памятников античной культуры Цебельдинские могильники занимают по отношению к прибрежным центрам Юго-Восточного Причерноморья примерно такое же положение, как некрополи юго-западного Крыма — к Херсонесу. Те и другие отражают процесс освоения периферийным населением античной культуры. В частности, это относится и к употреблению стеклянной посуды, которая связана с закономерностями развития ремесла античного общества и является важным источником общеисторического порядка. При разработке эволюции археологического материала периферийных могильников не учитывать этих памятников с достаточно хорошо разработанной хронологией уже нельзя.

¹ *Трапиш М. М.* Культура Цебельдинских некрополей.— В кн.: *Трапиш М. М.* Труды, т. 3. Тбилиси, 1971, с. 139 сл.

² *Шамба Г. К.* Ахачхарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, с. 32 сл.

³ *Воронов Ю. Н.* К истории экономических связей Аписилии в IV—VII вв. н. э. (привозная стеклянная посуда из Цебельды).— КСИА, 138, 1973, с. 74 сл.

⁴ *Трапиш М. М.* Культура..., с. 212; *Шамба Г. К.* Ахачхарху..., с. 69; *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 76.

⁵ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 106 сл.; *Воронов Ю. Н.* К истории экономических связей..., с. 74 сл.; *он же.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

⁶ *Doppelfeld O.* Römisches und Fränkisches Glas in Köln. Köln, 1966, S. 16 ff.; *Isings C.* Roman Glass from dated Finds. Djakarta, 1957, p. 1 ff.; *Harden D. B.* Ancient Glass, II: Roman.— The Archaeological Journal, CXXVI, 1970, p. 44 ff.; *idem.* Ancient Glass, III: Post Roman.— The Archaeological Journal, CXXVIII, 1972, p. 78 ff.

⁷ Например, во франкском стекле (V—VII вв.) выделяется всего 11 форм сосудов (*Pfeffer W.*, von. Die Fränkische Gläser im Museum Speyer.— Mitteilungen des Historischen Vereins der Pfalz, Bd 58, Speyer, 1960, S. 112.

- ⁸ Шамба Г. К. Ахаччарху..., с. 32; Воронов Ю. Н. К истории экономических связей..., с. 75 сл. Г. К. Шамба выделяет пять, а Ю. Н. Воронов — девять типов сосудов с вариантами для первых четырех. В целом мы принимаем эту классификацию.
- ⁹ Мы не останавливаемся специально на технике производства сосудов, изготовленных свободным дутьем (группы I, III—IV) и дутьем в форму (группа II). Для нашей задачи она мало что дает.
- ¹⁰ Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья.— СА, 1971, № 4, рис. 1. Но мы воздерживаемся от суждения о вариантах форм цебельдинских стаканов типа 1 (там же, рис. 1, 1—7) из-за опасения некоторой неточности рисунков на таблице Ю. Н. Воронова (*Воронов Ю. Н. К истории экономических связей...*, рис. 1—3). Эти рисунки не совпадают со сделанными нами при работе над материалом в хранилищах АГМ и АИЯЛИ. Кроме того, отметим, что рисунки в таблицах Ю. Н. Воронова не всегда выдержаны в одном масштабе (например, рис. 2, 1; 3, 4), а это искажает общее представление о сосудах.
- ¹¹ Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакса.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, рис. 2, 15.
- ¹² *Barkóczy L. Spätromische Glasbecher mit aufgelegten Nuppen aus Pannonien.*— FA, XXIII, 1973, S. 69 ff.
- ¹³ Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах..., с. 97 сл.
- ¹⁴ Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакса, с. 186; *Fremersdorf F. Römisches geformtes Glas in Köln*, Bd 6. Köln, 1961, Taf. 113; *Doppelfeld O. Römisches und Fränkisches Glas...*, N 56; *Barkóczy L. Plastisch verzierte spätromische Glasfunde aus Pannonien.*— FA, XXII, 1971, S. 71 ff.; *Isings C. Roman Glass...*, form 107, p. 133. Ее свodka по сосудам этой формы теперь стала неполной.
- ¹⁵ *Fremersdorf F. Die Römische Gläser mit Schilfe, Bemalung und Goldauftragung aus Köln.* Köln, 1967, Taf. 45, 116, 117; *Morin-Jean.* La verrerie en Gaule. Paris, 1913, fig. 318.
- ¹⁶ *Pfeffer W., von. Haevernick Th. E. Zarte Rippenschalen.*— Saalburg-Jahrbuch, XVII, 1958, S. 87 ff.; *Berger L. Römische Gläser aus Vindonissa.* Basel, 1960, S. 18.
- ¹⁷ Это не значит, что в Северном Причерноморье вообще неизвестны позднеантичные сосуды, украшенные стеклянной нитью. Их довольно много, но они другого типа (*Сорокина Н. П. Позднеантичное стекло из Ольвии.*— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 199 сл.).
- ¹⁸ В качестве не очень близкой аналогии можно указать на нитяные орнаменты сосудов других форм типа 191 стадии C1 по X. Эггерсу (*Eggers H. J. Der Römische Import im Freien Germanien*, Bd II. Hamburg, 1951, Taf. 14, S. 178).
- ¹⁹ *Evison V. J. Anglo-Saxon Finds near Raiham, Essex, with a Study of Glass Drinkhorns.*— *Archaeologica*, XCVI, 1955, p. 159 ff.
- ²⁰ Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакса, рис. 2, 4—8; *Pfeffer W., von. Die Fränkische Gläser...*, S. 116, Abb. 1, 15; *Thomas E. Die Gläser des Espelmaurfelds.*— In: *Forschungen in Lauriacum*, Bd 8. Linz, 1962, S. 107, Taf. XXXVI, 6; XXXVII, 5.
- ²¹ *Pfeffer W., von. Die Fränkische Gläser...*, S. 110 ff.; *Haberey W. Das Glas im Rheinland zur Frankenzeit (5 bis 8. Jahrh. n. Chr.)*.— *Annales du 1-er Congrès des «Journées internationales du Verre»*. Liège 20—24 août 1958. Liège, 1959, S. 63 ff.
- ²² Этот признак характерен именно для позднеримского стекла (*Pfeffer W., von. Zur Typologie merovingerzeitlicher Gläser mit Fadenverzierung.*— In: *Festschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Mainz zur Feier seines hundertjährigen Bestehens*, 1952. Mainz, 1953, S. 153).
- ²³ *Haberey W. Das Glas im Rheinland...* S. 65; *Pfeffer W., von. Zur Typologie...*, S. 112.
- ²⁴ *Fremersdorf F. Die Römischen Gläser mit aufgelegten Nuppen in Köln.* Köln, 1962, S. 13, Taf. 82.
- ²⁵ Достоин внимания, что близость Восточного и Северного Причерноморья в данный период прослеживается и по другим материалам (*Лекинадзе В. А. Богатое погребение конца IV в. из Уреки.*— СА, 1975, № 4, с. 193 сл.).
- ²⁶ *Трапи М. М. Культура...*, табл. LIV.
- ²⁷ Так, действительно, в одном погребении с монетами Юстиниана I была открыта рюмка (*Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. из с. Цебельда в Абхазии.*— КСИА, 128, 1971, с. 100, рис. 41, 9).
- ²⁸ *Засецкая И. П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья.*— СА, 1968, № 2, с. 55; *Скалон К. М. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора.*— СГЭ, XXXVII, 1973, с. 50 сл.
- ²⁹ Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища.— В кн.: *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. М., 1969, с. 153, рис. 9.
- ³⁰ *Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка».*— Херсонесский сборник, V, 1959, с. 190.
- ³¹ *Лекинадзе В. А. Понтийский лимес.*— ВДИ, 1969, № 2, с. 75 сл.
- ³² *Лекинадзе В. А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости.*— ВВ, XX, 1961, с. 225 сл.; *Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины*, с. 39.

- ³³ *Закария П. П., Лекинадзе В. А. Шухутская баня.*— ВВ, XXVIII, 1967, с. 225 сл.; *Апакидзе А. М. Развитие археологической науки в Советской Грузии.*— СА, 1967, № 4, с. 22.
- ³⁴ *Трапш М. М. Древний Сухуми.*— В кн.: *Трапш М. М. Труды*, т. 2. Сухуми, 1969, с. 331.
- ³⁵ *Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины*, с. 39, 46; *Шамба Г. К. Ахаччарху...*, с. 76.
- ³⁶ *Лекинадзе В. А. Понтийский лимес*, с. 79.
- ³⁷ *Трапш М. М. Древний Сухуми*, с. 361.
- ³⁸ *Воронов Ю. Н. К истории экономических связей...*, с. 74 сл.
- ³⁹ Сосуды с каплями синего стекла, более поздние, чем цебельдинские, североприморские, восточно- и западноримские, известны, но они не могут быть объединены с ними в одну хронологическую группу. В качестве примера укажем на стакан из Двина IV—VI вв. (*Джанполадян Р. М. Средневековое стекло Двина. Ереван, 1974, № 35, с. 60*). Из этой широкой даты следует исключить IV—V вв. Интересно отметить, что в двинском стакане средневекового времени возрождаются форма и принцип орнамента изделия III в. н. э. (*Fremersdorf F. Die Römischen Gläser mit aufgelegten Nuppen...*, Taf. 1, 3—6). Такой процесс цикличности форм стеклянных сосудов и их орнаментации встречается не впервые, причем в стеклоделии не только античного (*Doppelfeld O. Römisches und Fränkisches Glas...*, S. 16 ff.), но и средневекового времени (см. сосуды с каплями цветного стекла и стаканы с рельефной поверхностью в работе: *Джанполадян Р. М. Средневековое стекло Двина, № 59, 71, 95, 101, 102 и 68, табл. X, 7—9*).
- ⁴⁰ Один стакан из могильника Самтавро, датируемого IV в., опубликован Н. Н. Угрелидзе (*Угрелидзе Н. Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Грузии. Тбилиси, 1967, с. 26 сл.*). Другие сосуды нам неизвестны.
- ⁴¹ *Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах...*, с. 93, примеч. 58.
- ⁴² Три сосуда из могильника Гиляч были любезно предоставлены нам для публикации Т. М. Минаевой (*Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах...*, рис. 4, 6). Сосуды из Пятигорска опубликованы А. П. Руничем (*Рунич А. П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины.*— СА, 1976, № 3, рис. 12—16, с. 256 сл.). Сосуды из-под Новороссийска не опубликованы. В данном районе они могли быть связаны с материальной культурой других племен Кавказского побережья.
- ⁴³ На возможность такой интерпретации изделий античного ремесла у варварских племен, в частности германских, указывает Х. Эггерс (*Eggers H. J. Der Römische Import im Freien Germanien*, Bd I. Hamburg, 1951, S. 72 ff.). Это положение находит отклик и у советских исследователей (*Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, с. 76; Шилов В. П. Очерки по истории племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 154 сл.*).
- ⁴⁴ *Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, с. 258.*
- ⁴⁵ *Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины*, с. 121.
- ⁴⁶ *Bónis E. B. Die Militärtöpferin aus Brigetio. Rei cretariae Romanae favtorum. Acta XVII—XVIII, 1977, S. 192 ff.; Ettlinger E. Legionary Pottery from Vindonissa.*— *Journal of Roman Studies*, XLI, 1951, p. 106 ff.
- ⁴⁷ *Висотська Т. М. Про виробництво скла в пізньоантичному Криму.*— *Археологія*, XVI, 1964, с. 7 сл.
- ⁴⁸ В военной добыче готов ремесленники занимали видное место (*Корсунский А. Р. О социальном строе вестготов в IV в. н. э.*— ВДИ, 1965, № 3, с. 61, примеч. 57); о пленных ремесленниках у гуннов см.: *Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, с. 21, 22; Пигулевская Н. В. Сирийские источники VI в. о народах Кавказа.*— ВДИ, 1939, № 1, с. 107—115.
- ⁴⁹ *Barkóczy L. Spätromische Glasbecher mit aufgelegten Nuppen...*, S. 87; *idem. Ethnische Zusammensetzung der pannonischen Bevölkerung am Ende des II und in der ersten Hälfte des III Jahrhunderts.*— AA, VII, fasc. 1—3, 1959, p. 167 ff.; *Thomus E. Die Gläser des Espelmayrfelds*, S. 104 ff.

Ю. Н. ВОРОНОВ, О. Х. БГАЖБА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ VII В. ИЗ МОГИЛЬНИКОВ АБХАЗИИ

Спор о дате заключительного этапа Цебельдинских могильников Абхазии — V или VII в. — еще продолжается, но неуклонно растет количество находок с неоспоримо поздними датами. Это прежде всего монеты Юстиниана I (527—565) из Шапкинского могильника¹. Общепризнанна

дата в пределах второй половины VI—VII в. поясных наборов с бляшками в геральдическом стиле и с характерными пряжками, часто полыми снизу, В-образными или сделанными из одного куска металла². Вместе с типичными вещами последнего этапа Цебельдинских могильников (фибулами, «пламевидными» наконечниками копий типа рис. 1, 18, 20, топором) они дважды найдены в самой Абхазии — в Шапкинском могильнике (могила 47 на участке Абгидзраху и могила 1 на III участке Юстинианова холма, где с ними были упоминавшиеся уже монеты) и на юге Сочинского р-на в с. Веселое³. Эти находки и определили новую позднюю дату могильников в пределах VII в. вместо прежней даты — V в.⁴

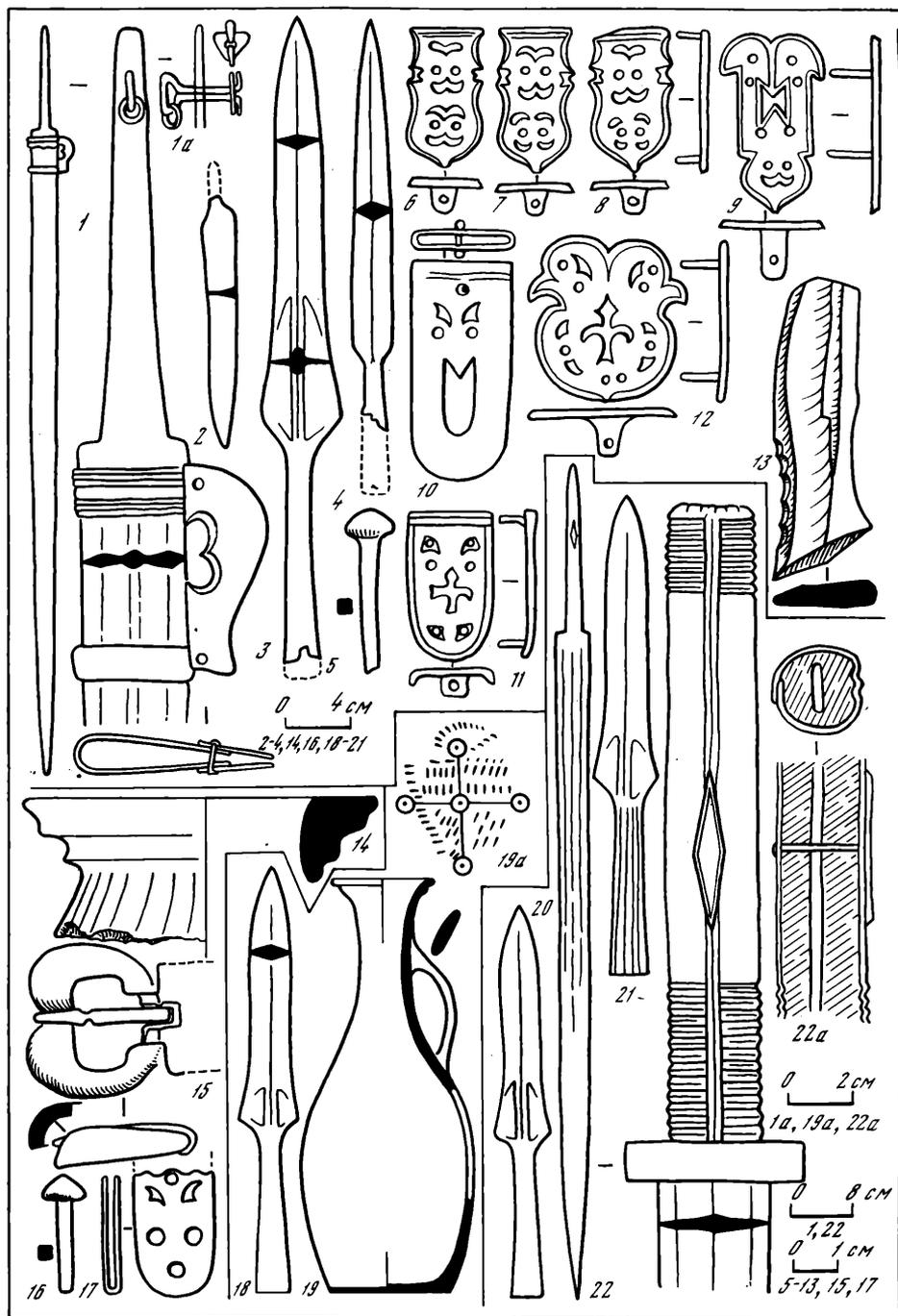
Теперь прибавились еще две находки. В урочище Пышта (с. Верхняя Эшера) типичный поясной набор из семи прорезных бронзовых бляшек найден в могиле вместе с двумя копьями, четырьмя ножами, железным гвоздиком, осколком кремня и длинным мечом (рис., 1—13)⁵. По форме копий комплекс относится к заключительному периоду Цебельдинских могильников, возможно к началу этого периода. Ведь «пламевидное» копьё из Пышты более вытянуто и более постепенно суживается к концу, чем остальные экземпляры того же варианта. Такие признаки оно сохранило от предшествующей стадии развития цебельдинских копий и типологически является самым ранним образцом «пламевидных» наконечников. Тем интереснее факт его находки с поздними предметами.

Длинный постепенно суживающийся клинок меча гораздо легче других мечей цебельдинской культуры, напоминая весом саблю. Откован он из пакетного металла, качествоковки и сварки хорошее (феррит мелкозернистый, швы чистые и тонкие). О цементации части края лезвия, прилегающей к острому концу, свидетельствует постепенное убывание микротвердости стали в цементированной зоне. Признак закалки в холдной среде — структура мелкоигльчатого мартенсита с трооститом по краю лезвия (микротвердость 624 кг/мм²). Середина клинка осталась чисто железной, как и вся полоса у рукояти. Такая технология обеспечивала мечу сочетание крепкости и гибкости.

Острия копий откованы из малоуглеродистой (0,3%) стали хорошего качества, два ножа — из чистого железа, рабочий край одного из них носит следы цементации (рис., 2).

Р-образные обложенные серебром выступы (обычно их два, в Пыште сохранился один) служили для подвешивания меча в наклонном положении — обычай, введенный степными всадниками VI—VII вв.⁶ Рукоять имеет пробой с колючком для привязывания шнура (аналогии VII—VIII вв. у авар и на Востоке)⁷. Мечи, подобные пыштинскому, найдены в разных районах Евразии и датированы в пределах второй половины VI, всего VII и отчасти VIII в.⁸ Назовем находки мечей или Р-образных оковок в Кишзомборе (Венгрия) с монетой 602—610 гг., Малом Перещепине с монетами 641—668 гг., Уч-Тепе, Верхнем Чми, Арцыбашеве, Мартыновке, Глодосах. Известны также изображения подобных мечей в живописи начала VIII в. из Пенджикента. Экземпляры второй половины VI в. крайне редки, основная масса относится к VII в. Так же следует датировать и меч из Пышты.

Пояс из Пышты имел один наконечник «коробочкой» на основном ремне (рис., 10) и не менее четырех подвесных ремешков с меньшими односторонними наконечниками (рис., 6—8, 11). Украшающий их набор прорезей обычен для второй половины VI—VII в.⁹ Некоторые детали позволяют сузить эту дату. Таковы фигурные наконечники с боковыми выемками (рис., 6—8), обычные в пределах VII в.: Арцыбашево, могилы XI и XVI в Верхнем Чми, Мартыновка, Хапки; без выемок — в Малом Перещепине с монетами 641—668 гг., нередко — уже вместе с «псевдопряжками»¹⁰. С ними часто встречаются такие же, как в Пыште, мечи

Новые находки из погребений в Абхазии 157

1-13 — урочище Пышта у с. Верхняя Эшера; 14-17 — погребение 9/1977 г. у крепости Циблиум; 18-19, 20 — Шапкинский могильник; 21, 22 — Гудаута; 1, 1а, 22, 22а — железо с серебряной обкладкой; 2-5, 16, 18, 20, 21 — железо; 6-12, 15, 17 — бронза; 13 — кремнь; 14, 19 — глина

с выступами. Двурогие бляшки (рис., 9) найдены в Верхнем Чми, Борисове, Верхнем Чир-юрте, в могиле 67 в Сууксу¹¹.

Не вдаваясь здесь в детали споров о хронологии Сууксу, нельзя не согласиться с А. К. Амброзом в том, что опорное значение имеет могила 77, в которой типичные для этого могильника женские украшения найдены вместе с монетой, чеканенной в 597—602 гг.¹² Естественно считать, что местные вещи, типологически более поздние, чем предметы из могилы 77, попали в землю после 597 г., т. е. уже в VII в. Ко времени до 597 г. в Сууксу относятся поясные наборы из могил 54 (с монетой 527—565 гг.) и 56, имеющие датированные аналогии в Болгарии и Италии¹³.

Пояс из Пышты совсем не похож на них. Сходный с ним по форме двурогой бляшки пояс из могилы 67 в Сууксу, судя по сопровождающему инвентарю, датируется более поздним временем, чем 597 г. На том же основании к VII в. относятся бляшки с двузубой прорезью, как на рис., 10 (ср. могилу 162 в Сууксу), широкие граненые спереди В-образные пряжки с узкой щелью для пропускания ремня, как в могиле 47 в Абгидзраху (ср. могилу 67 в Сууксу)¹⁴. Этих деталей еще нет на поясах второй половины VI в. На поясах VII в. распространен мотив трилистника (рис., 11, 12): клад в Акалане (Турция) с монетами Ираклия (613—641) и могила 97 в Линце-Цицлау (Австрия) — тоже VII в.¹⁵ По классификации поясов, разработанной А. К. Амброзом, аналогии пыштинскому поясу относятся преимущественно ко второй половине VII в.¹⁶

В 1977 г. в Цибилуумском могильнике раскопано погребение 9 с полкой В-образной пряжкой, прорезным наконечником пояса, близким пыштинскому (обе вещи из бронзы), с железными гвоздями и обломками пифоса (рис., 14—17). По форме венчика последний аналогичен пифосу из могилы 21 в Ахьацараху¹⁷: «Пламевидные» наконечники копий найдены в гудаутском погребении с мечом, по форме клинка подобным пыштинскому, с обложенной серебром рукоятью (рис., 21—22а). Такие же наконечники встречены с набором позднецебельдинских вещей в урочище Лар¹⁸. Мечи из Гудауты и Лара имеют сходные ромбические накладки на рукоятях.

В Шапкинском могильнике копье встречено с лощеным кувшинчиком характерной вытянутой формы, орнаментированным поверх лощения (рис., 18, 19а). Так устанавливается связь «пламевидных» копий и поясных наборов VII в. с большой группой позднецебельдинских женских могил, где были найдены эти кувшинчики¹⁹. В Ларе и Веселом эту связь подтверждают фибулы. Хорошую проверку дают раскопки 1977 г. в башне 2 и помещении 1 крепости Цибилуум. Там кувшинчики того же варианта и с орнаментом поверх лощения залежали выше слоя, содержавшего иранскую монету Кавада I (488—531).

С этими выразительными материалами VII в. нельзя не считаться при датировании цебельдинской культуры в целом.²⁰

¹ Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии.— КСИА, 128, 1971.

² Пудовин В. К. Датировка нижнего слоя могильника Сууксу.— СА, 1961, № 1, с. 180, 181, 184, рис. 1; Голдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Капе.— ВАНУ, 9, 1970, с. 89 сл.; Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, рис. 8; Werner J. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden.— In: Problemi attuali di scienza e di cultura, quaderno N 189. Atti del convegno internazionale sul tema: La civiltà dei langobardi in Europa. Roma, 1974, S. 121—129; Vinski Z. Kasnoantički starosjedoci u Salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata.— Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, LXIX, 1974, s. 30, 31, tab. XXI—XXII.

³ Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей.— В кн.: Трапш М. М. Труды, т. 3. Тбилиси, 1971, табл. XXV; Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 110, примеч. 26.

- ⁴ Эта новая датировка не противоречит хронологии, разработанной М. М. Трапшем. Датируя V в. пряжку из могилы 47 в Абгидэрахе, он отмечал, что одна аналогия (из Иловатки) относится к «IV — началу V в.», прочие три («Сахарная Головка» и Сууксу) — к VI—VII вв. (*Трапш М. М. Культура...*, с. 168 и примеч. 136—138). В свете новых исследований дата пряжки из Иловатки также исправлена на VI—VII вв. (*Засецкая И. П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья.*—СА, 1968, № 2, с. 59 сл.). Таким образом, заключительный этап периодизации, предложенной М. М. Трапшем, естественно получает теперь более позднюю дату.
- ⁵ *Бгажба О. Х. Интересные находки.*—Советская Абхазия, 1977, 28 сент.
- ⁶ *Распопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.*—КСИА, 122, 1970, с. 87 сл.
- ⁷ *Kovrig I. Deux tombes avares de Törökbalint.*—FA, IX, 1958, fig. 25, 26, pl. XXI.
- ⁸ *Бобринский А. А. Перещепинский клад.*—МАР, № 34, 1914, табл. XII (вверху); *Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе.*—МИА, № 125, 1965, с. 176—180, рис. 25, 26; *Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв.*—СА, 1965, № 4, рис. 5, 3; 7; *Kovrig I. Deux tombes...*, p. 126, 127, 130—133.
- ⁹ *Ковалевская В. Б. К изучению орнамента наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы.*—В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 144, рис. 1, 1, 10, 15, 16; 4, 24, 33—35.
- ¹⁰ *Рыбаков Б. А. Древние русы.*—СА, XVII, 1953, рис. 7а и 17; *Монгайт А. Л. Археологические заметки.*—КСИИМК, XLI, 1951, рис. 45, 13; *Маршак Б. И., Скалон К. М. Перещепинский клад.* Л., 1972, с. 6 (илл.).
- ¹¹ *Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов.*—ИАК, 19, 1906, рис. 75.
- ¹² *Амброз А. К. Проблемы...*, № 2, с. 114—116.
- ¹³ *Репников Н. И. Некоторые могильники...* (ИАК), с. 14—16, табл. V, 10—15, 17—20; *Амброз А. К. [Рец.] J. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Newolino.*—СА, 1973, N 2, рис. 1, 1, 13—15, 23, 30, 31, 41—43, 64, 65; *Werner J. Nomadische Gürtel...*, S. 125, Abb. 10, Taf. X.
- ¹⁴ *Репников Н. И. Некоторые могильники...* (ИАК), табл. X, 1, 11; *он же. Некоторые могильники области крымских готов.*—ЗООИД, XXVII, 1907, с. 119 сл., табл. XV, 14—16.
- ¹⁵ *Werner J. Nomadische Gürtel...*, S. 121, Abb. 12. 1a; Taf. VII, 1—6; *Stein F. Awarisch-merowingische Beziehungen.*—SZ AUSA V, 16, 1968, S. 235, 236.
- ¹⁶ *Амброз А. К. [Рец.]*, рис. 1, 19—23, 66, 70, 71, 77.
- ¹⁷ *Трапш М. М. Труды*, т. 4. Сухуми, 1975, табл. XIV, 1.
- ¹⁸ *Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины.* М., 1975, рис. 22, 4, 6, 8, 13.
- ¹⁹ *Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии.*—СА, 1973, № 1, с. 186, рис. 8, 2; 10, 4, 5; 12, 4; 13, 4; 14, 2.
- ²⁰ С учетом материалов VII в. надо искать и ответ на вопрос о времени попадания в могилы стеклянных сосудов, выполненных в позднеантичных традициях (*Воронов Ю. Н. К истории экономических связей Аспилии в IV—VII вв. н.э. (привозная стеклянная посуда из Цебельды).*—КСИА, 138, 1973, с. 74 сл.; см. также статью Н. П. Сорокиной в настоящем сборнике).

С. В. ОШИБКИНА

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД АЗЕЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ТЮМ-ТЮМ

Могильник Тюм-тюм находится на высоком правом берегу Вятки, в ее среднем течении, т. е. в центре территории, занятой в первой половине I тысячелетия н. э. азелинским населением. Памятник открыт в 1929 г. О. Н. Бадером во время разведки по Вятке¹. В 1956 г. Марийская археологическая экспедиция раскопала здесь 11 погребений XVII—XVIII вв. Основные исследования могильника проводились в 1970—1974 гг. Вятской экспедицией Института археологии АН СССР².

В могильнике Тюм-тюм два хронологических пласта. Один из них состоит из марийских погребений XVII—XVIII вв. Погребения этого времени имеют глубину 50—80 см, связаны с верхним пахотным слоем,

а если могильная яма углублена в подстилающую красную глину, то в засышке погребений смешаны серая пахотная почва и красная глина. Поздние погребения прослеживаются в профиле и плане.

Азелинские могилы расположены на глубине 100—150 см, очень редко — до 160—180 см, и только в исключительных случаях глубина составляет менее 100 см. Ранний могильник не поврежден поздними погребениями. В отличие от марийских, азелинские погребения не прослеживались в профиле и были плохо видны в плане, а глина, в которой они залежали, выглядит совершенно однородной, без следов перекопов. Очертания могильных ям, как правило, удавалось зафиксировать почти на уровне погребения или в 10—15 см над ним.

Для Тюм-тюма, как и вообще для азелинских могильников, характерны грунтовые могилы. Ширина могильной ямы у дна 60—80 см, а длина 170—200 см. В некоторых погребениях (118) длина ямы достигает 200 см, а в двойном погребении 94 ширина ямы около 240 см. Размеры могильной ямы зависели от возраста погребенного, а также от количества сопровождающих вещей и места, где их складывали. Мужские погребения, особенно с многочисленным инвентарем, имеют наибольшую глубину 170 (погребение 44) или 180 (погребения 39, 41) см. Средняя глубина женских погребений 100—120 см, а безусловно детских — 50 (погребение 49), 80 (погребение 103), 90 (погребение 105) см.

В связи с плохой сохранностью костного материала пол погребенных устанавливался по составу сопровождающего инвентаря, в основном по деталям костюма. Для женских погребений характерны нагрудники, бусы или ожерелья, арочные шумящие подвески, эполетовидные застёжки. В мужских погребениях — оружие и орудия труда, костюм имеет меньше украшений. Когда из-за малого количества вещей определение пола было затруднено, предположительно можно было решить вопрос по расположению вещей в погребении или его глубине. Детские погребения определены в трех безусловных случаях по размеру могильного пятна (погребения 49, 104) и по размеру скелета, очертания которого удалось проследить по костной крошке (погребение 105). Судя по инвентарю погребения 105, где похоронена девочка 10—12 лет, в детские погребения помещали вещи, соответствующие полу погребенного. В погребении 105 найдены типичные женские украшения — нагрудник, арочная подвеска, эполетовидная застёжка, но все — уменьшенного размера (рис. 1, 5—7). Можно предположить, что среди погребений взрослых есть некоторое количество погребений подростков. В погребении 49, принадлежавшем маленькому ребенку, сопровождающие вещи лежали в беспорядке: очевидно, они были рассыпаны поверх погребенного.

Основная ориентировка погребенных — головой на северо-запад. Отклонение от основного направления на запад отмечено неоднократно и составляет обычно 10—15°. В отдельных случаях наблюдалось такое же отклонение к северу. Исключение представляют погребения 60 (костяк ориентирован черепом на юго-запад) и 92 (на юго-восток). По составу инвентаря они не отличаются от прочих.

В азелинских могильниках Суворовском и Азелинском все погребенные ориентированы на север³, в Мари-Луговском — господствует северная ориентировка, но в шести погребениях покойные обращены головой на юг, причем пять из них — женщины, имеющие ориентировку, противоположную принятой даже в совместных погребениях⁴. В Вичмарском могильнике все погребенные лежат головой на юг или юго-запад⁵; в Воробьевском — два из четырех погребенных ориентированы на север, два — на юг⁶. По количеству погребения с северо-западной ориентировкой занимают среди азелинских могил второе место. В целом можно сказать, что азелинское население, совершая погребальный обряд, придерживалось в каждом отдельном могильнике определенной ориентировки, но для всей культуры эта деталь погребального обряда не была постоян-

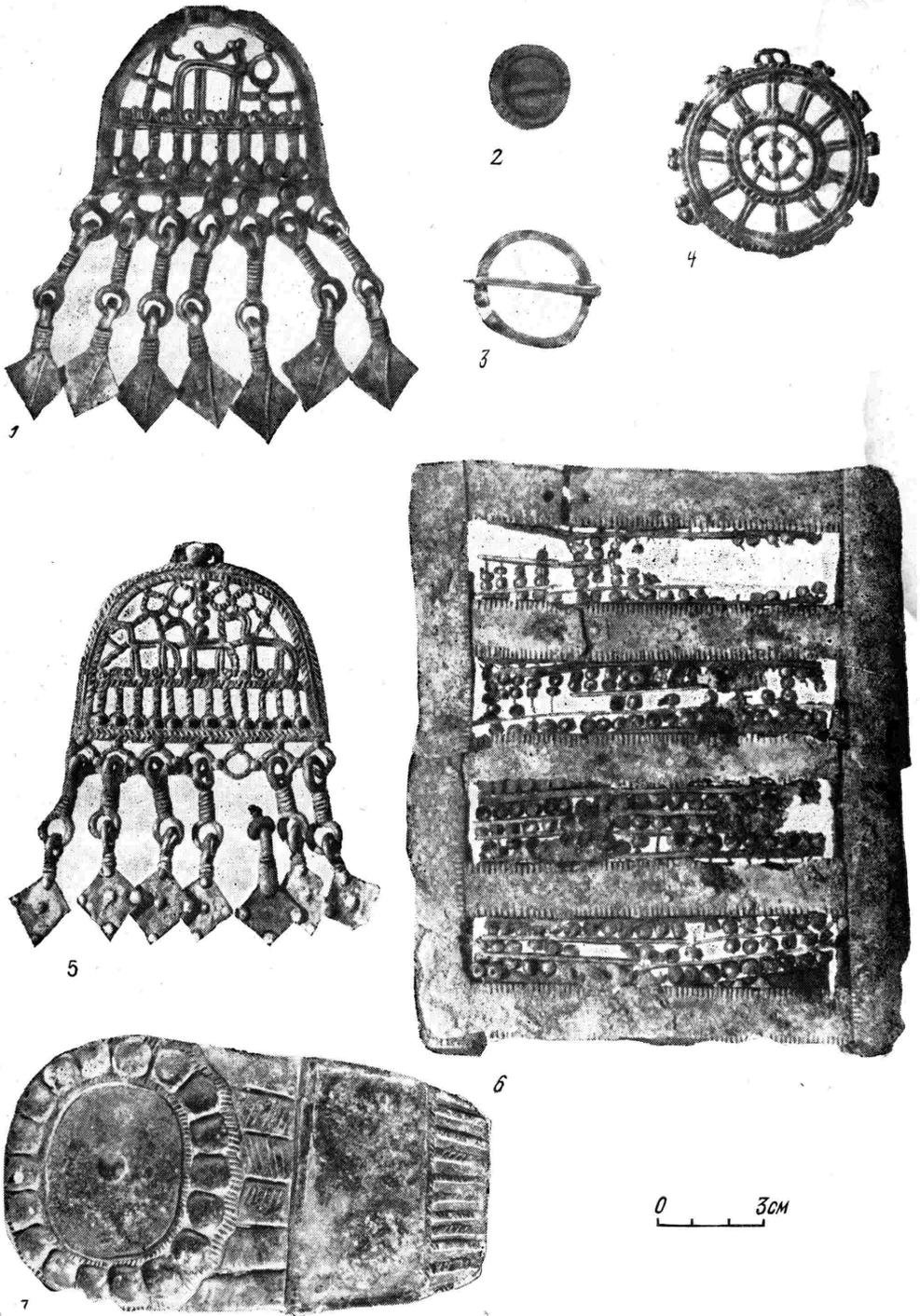

Рис. 1. Украшения из погребений 79 (1—4) и 105 (5—7)

ной (хотя чаще встречается северная или северо-западная ориентировка). Эта особенность погребального обряда отмечена исследователями также для мазунинской⁷ и бахмутинской⁸ культур и, видимо, характерна для всего Прикамья в раннем железном веке.

Представляют интерес как раз те случаи, когда погребенные имеют ориентировку, резко отличную от принятой в данном могильнике. В боль-

шинстве случаев это женщины — и в Тюм-тюме и в Мари-Луговском могильниках. Возможно, погребальный обряд каждого рода имел свои особенности, которые сохранялись при переходе в другой род, например при замужестве.

Устройство погребений в азелинских могильниках также отличалось некоторым своеобразием. Только в Суворовском и Азелинском могильниках зафиксированы остатки гробов прямоугольной формы⁹. В Мари-Луговском могильнике ямы имели овальную или четырехугольную форму и не сохранили следов каких-либо сооружений¹⁰, в Вичмарском — то же¹¹. В могильнике Тюм-тюм, как можно судить по форме ямы и пятну глена, умершего заворачивали в рогожу крупного плетения, луб или ткань, а в парном погребении 94 вся могильная яма была покрыта мягким покрывалом, вероятно кожаным. В нескольких случаях под погребенным сохранились остатки мягкой подстилки, в погребении 41 зафиксированы остатки деревянного ложа, а в погребении 36 найдены деревянное изголовье в виде бруса со срезанным ребром и остатки ложа. Поскольку в могильнике Тюм-тюм дерево часто сохраняется на рукоятках, ножнах и других изделиях, а погребальные сооружения из дерева, даже в разрушенном виде, не встречены ни разу, можно сделать вывод о полном отсутствии там гробов или колод, что представляется характерным для большинства азелинских могильников.

В заполнении ряда погребений могильника Тюм-тюм, иногда под костяком встречены мелкие угли, но нет следов хотя бы частичного трупосожжения. Угли найдены в девяти погребениях, из которых только два принадлежали женщинам. Дерево под погребенным также было только в мужских погребениях. Уголь в засыпке погребений обнаружен и в других азелинских могильниках. Е. И. Горюнова отметила, что в засыпке четырех из вскрытых ею десяти погребений Вичмарского могильника были мелкие угли, а в погребении 10, кроме углей, — зола и пережженная земля, но во всех случаях скелеты сохранились¹². В Мари-Луговском могильнике в насыпи некоторых погребений были угли, в двух случаях — следы кострищ, но костяки сохранились¹³.

Предшествующей пьяноборской культуре, так же как и мазунинской, такая особенность погребального обряда не свойственна. Аналогии имеются в ранних памятниках бахмутинской культуры. В Бахмутинском могильнике на дне могильных ям и в их заполнении содержались мелкие угли. По мнению Н. А. Мажитова, это остатки жертвенного костра, высыпанные в могильную яму¹⁴. Наблюдается сходство в таких деталях погребального обряда, как обертывание умершего лубом¹⁵. В Каратамакском могильнике как будто обнаружены следы деревянных настилов год костяками¹⁶. В. Ф. Генинг считает, что угли в засыпке могил наряду с глубокими могильными ямами, восточной ориентировкой, жертвенными комплексами и сосудами в погребении являются специфическими чертами бахмутинской культуры¹⁷. Кроме ориентировки погребенных, остальные черты этого погребального обряда отмечаются и в могильнике Тюм-тюм, а также в других могильниках азелинской культуры, хотя только для части погребений. По-видимому, это явление можно отнести за счет взаимных связей культур. Аналогии с бахмутинскими могильниками, которые исследователи единогласно датируют III—V вв.¹⁸, позволяют распространить эту дату и на могильник Тюм-тюм.

В размещении погребений могильника Тюм-тюм наблюдается определенный порядок — они расположены рядами и только в одном случае (погребения 40 и 41) задевают друг друга. Могильник можно разделить на три части. Особенно длинные и четкие ряды находятся в центральной части. В северной части рядность соблюдается, но погребения расположены разреженно. Наибольшая плотность погребений — в южной части, но ряды здесь короткие и нарушенные, скорее группы. В одном ряду обычно встречаются богатые и бедные погребения, поэтому нет ос-

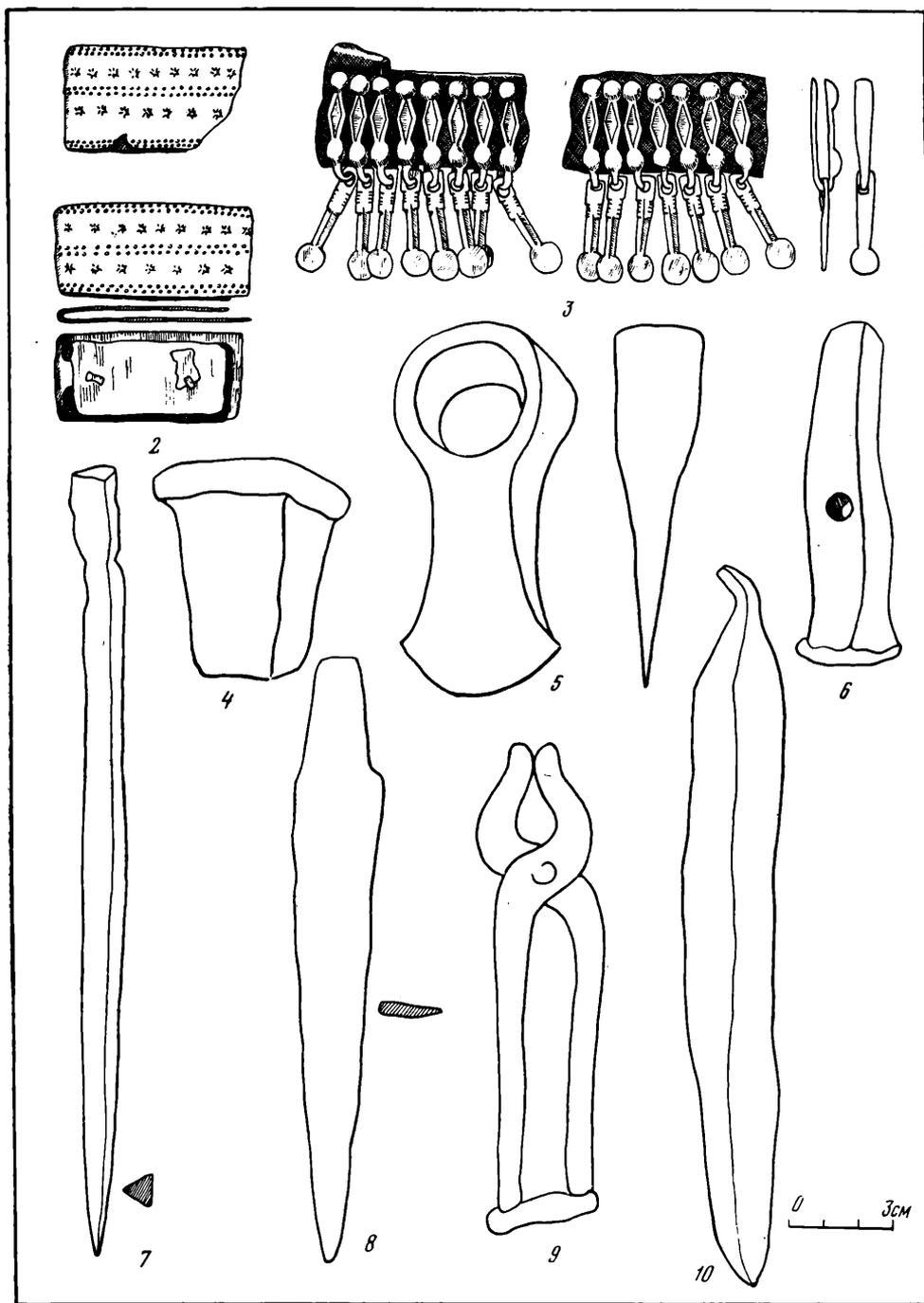

Рис. 2. Погребение 45

1-3 — детали поясного набора; 4-10 — железные орудия

нований считать, что погребения каждого ряда принадлежали одной семье, как это прослежено в Азелинском и Суворовском могильниках¹⁹.

Для погребений азелинских могильников характерно большое количество вещей, в том числе орудий труда, оружия, украшений из стекла и халцедона, художественной бронзы. В этом отношении могильник Тюм-

твом можно считать самым богатым памятником. Мы не будем останавливаться на анализе вещевого материала и ограничимся рассмотрением только жертвенных комплексов и посуды, которые представляют интерес как наиболее заметные черты погребального обряда.

Жертвенные комплексы обнаружены в пяти погребениях, причем в одном из них (погребение 94) было три таких комплекса. Расположены они в ногах или справа от погребенного.

В погребении 33 костный материал сохранился плохо, расположение находок относительно покойного определено приблизительно. В ногах найден маленький глиняный сосуд, а в области колен — перевернутая эполетовидная застежка, наполненная вещами. В данном случае застежка служила емкостью, в которую были сложены дары умершему. В ней оказались четыре круглые нагрудные бляхи из тонкого бронзового листа, две поясные пряжки, крупный диск из полированного халцедона, стеклянные бусы, бисерные низки и подвесные кольца с тремя перехватами и петлей, бронзовая палочка неясного назначения, пружинки и фигурка лошади с тремя подвесками в виде колокольчиков. Остальные вещи — гривна, подвесные «уточки» (три экз.) — встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Остатки бисерных низок у головы позволяют предположить, что здесь была погребена женщина.

В погребении 45 у ног справа лежали вещи, сложенные в кучку. Сверху — железные орудия: топорик с поперечным лезвием, наковальня, молоток, клещи, напильник, нож и скобель — всего семь предметов, все миниатюрного размера (рис. 2). Под орудиями найдена коробка из бересты, отделанная мехом и деталями из волокнистого растения, прошитыми тонким ремешком. В коробке оказались низки бисера, ожерелье из золоченых бусин и бронзовых подвесных колец с петлей и тремя напаянными шариками, детали кожаного пояса с накладками и подвесками, крестовидное украшение, планка для скрепления ремешков в сложных украшениях и 16 «уточек», из которых три лежали в маленьком (диаметр 4 см) блюдечке из бронзы (рис. 3).

В погребении 79 (рис. 1, 1—4) около правого бедра лежала берестяная коробочка, в которой найдены крупная умбоновидная бляшка, «уточка», пронизка и ажурная бляха плохой сохранности. На груди погребенного — завернутая в мех женская арочная подвеска (с одной фигурой лошади вместо обычных трех) с шумящими подвесками в виде утиных лапок. Погребение принадлежало мужчине, так как у левого бедра лежало копые, справа — нож и топор. Нож прикреплялся к поясу при помощи застежки-сьюльгамы. На правом бедре найдена маленькая ажурная бляшка, на левом колене — большая ажурная подвеска со сломанными петлями, заключенная в меховой чехол. На груди — небольшой подвесной колокольчик.

В парном погребении 94 в ногах погребенных лежал общий сверток с оружием, завернутым в луб, возможно чехол из луба, а поверх него — два бронзовых котла. Второй жертвенный комплекс помещался между погребенными, но относился, по-видимому, к погребенному А, находясь, как обычно, справа от него. В этом комплексе емкостью служил прямоугольник, сложенный из 11 узких боевых топоров. Внутри него найдены пояс с накладками, бисер и бусы, орудия труда. Поверх прямоугольника из топоров лежали конская сбруя и бронзовый котел. Третий жертвенный комплекс располагался справа от погребенного Б и состоял из женского головного убора, фигурки лошади и трех разбитых халцедоновых дисков. Еще два разбитых диска лежали на покрывале, которым было покрыто погребение, и один — в свертке с оружием в ногах. Оба погребенных — мужчины, около каждого найдено большое количество личного оружия.

В погребении 102 жертвенный комплекс представлял собой сверток с оружием и орудиями труда. Внутри него оказались также бусы, бисер,

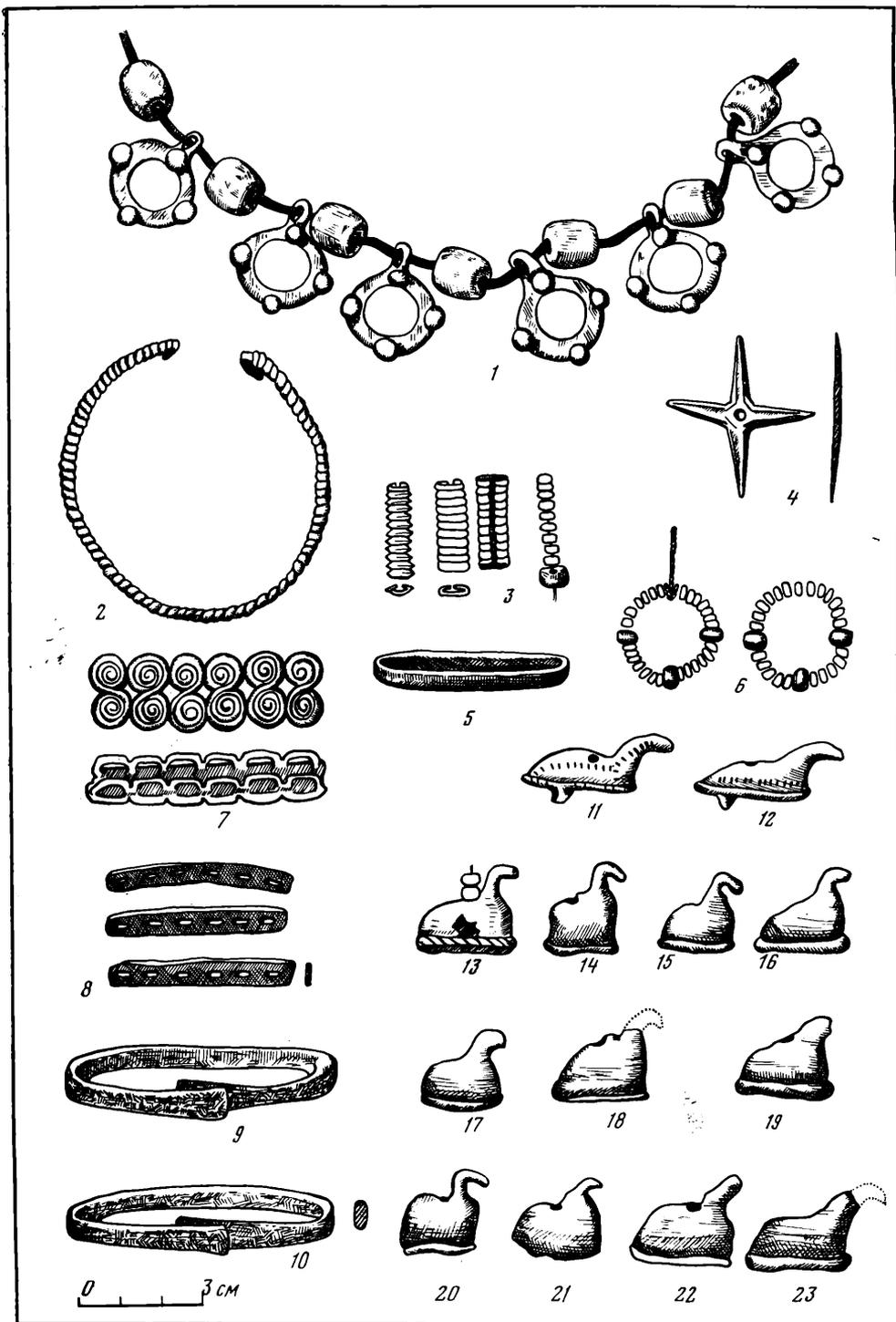

Рис. 3. Погребение 45

1 — ожерелье из золоченого стекла и бронзовых подвесок; 2 — браслет, бронза; 3 — детали подвесных украшений; 4 — украшения, бронза; 5 — плоский сосуд (блюще), бронза; 6 — височные кольца; 7, 8 — составные части украшения, бронза, кожа; 9, 10 — браслеты, железо; 11—23 — уточки, бронза

два халцедоновых диска, кольчуга и др. Сверху лежали конская сбруя и бронзовый котел, обернутый берестой.

Таким образом, в двух случаях жертвенный комплекс найден в берестяной коробке, в одном — в эполетовидной застёжке, в трех — это свертки или чехлы из луба, рогожи или меха. Очевидно, емкость, в которую помещали дары умершему, могла быть различной, это не имело существенного значения. Принятый археологами термин «жертвенный комплекс» представляется не совсем удачным, поскольку эти вещи, положенные с умершим, не носили характер жертвоприношения. Скорее это были дары, и размеры их зависели от положения погребенного в обществе и его состояния. В могильнике Тюм-тюм в большинстве случаев такие комплексы находились в мужских погребениях с многочисленным инвентарем.

В некоторых случаях сопровождающий инвентарь и вещи, принесенные в дар умершему, трудно разграничить, так как их немного. Например, в погребении 87 у колена лежали халцедоновый диск и умбоновидная бляшка, в погребении 118 в ногах — халцедоновый диск и бронзовый колокольчик, в погребении 123 у левого колена — скобель, круглая застёжка и удила, в погребении 117 в ногах — остатки пояса и железная обкладка венчика сосуда, в погребении 1 справа от покойного — второй пояс.

Посуда из глины и металла найдена в пяти погребениях (всего семь экз.). Из четырех котлов (погребения 94 и 102) два сосуда из тонкой бронзы оказались раздавленными, так же как сосуд из погребения 117. Два котла из погребения 94 частично сохранились. По форме, орнаменту и оформлению ручек они могут быть сопоставлены с сибирскими котлами тагарского времени. Один из них — небольшой, с поддоном, литые ручки завершаются шишечками, или отростками, как их называют. Другой котел — вытянутой формы, с круглым дном и литыми ручками, концы которых выведены на внешнюю поверхность и дополняют орнамент. Верхняя часть сосуда украшена волнистой полосой и кольцами в углублениях над ней, ниже расположена витая полоса. Все выполнено в технике литья. Стенки котла сравнительно тонкие (3 мм), дно усилено массивной (до 8 мм) пластиной, круглой по форме дна и припаянной к нему. В центре пластины с внешней стороны прикреплена прямоугольная пластина металла, концы которой выведены внутрь и укреплены на дополнительной круглой пластинке. В Прикамье известны котлы из случайных находок. Например, из-под Соликамска происходит котел, по форме сходный с большим котлом из могильника Тюм-тюм²⁰. Но в азелинских могильниках котлы до сих пор не встречались.

Керамические сосуды из погребений — маленькие, круглодонные, с прямыми стенками и венчиком, тесто светлое, пористое с выгоревшей органической примесью, орнамента нет. По форме, составу теста и цвету им идентична керамика городища с небольшим культурным слоем, расположенного рядом с могильником, выше по берегу Вятки. На сосудах с городища встречается орнамент из оттисков веревочки²¹. Керамика известна и в материалах из других азелинских могильников. В Вичмарском могильнике маленькие круглодонные сосуды найдены в двух погребениях при раскопках М. Г. Худякова²² и еще два — при раскопках Е. И. Горюновой²³. В погребении 38 Мари-Луговского могильника найден небольшой круглодонный сосуд вытянутой формы с примесью раковины в тесте, выгоревшей при обжиге²⁴.

По всем показателям керамика азелинской культуры обнаруживает сходство с пьяноборской керамикой, и традиция редко ставить посуду в могилы также идет, возможно, от пьяноборского времени. Сохранение обычая помещать в погребение жертвенный комплекс и только изредка — керамику говорит о некоторой консервативности погребального обряда азелинской культуры. В соседних культурах такие черты погребального обряда относятся к раннему времени, к III—V вв. Позже, в бах-

мутинских могильниках, исчезают жертвенные комплексы и распространяется обычай ставить в погребение посуду, что связывают с притоком нового населения с юга²⁵.

Своеобразие азелинского вещевого комплекса наряду с консервативностью погребального обряда подтверждает его датировку III — началом VI в., а также свидетельствует о самостоятельном развитии культуры и отсутствии внешних влияний, которые в бассейне Вятки ограничивались нерегулярными связями.

- ¹ *Талицкая И. А.* Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья.— МИА, № 27, 1952, с. 21, № 65.
- ² *Ошибкина С. В.* Материальная культура населения бассейна Вятки в раннем железном веке.— В кн.: Вопросы советского финноугроведения (тезисы). Петрозаводск, 1974. См. также отчеты Вятской экспедиции 1970—1974 гг. в архиве ИА.
- ³ *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III—V вв.— ВАНУ, 5, 1963, с. 83.
- ⁴ *Халиков А. Х.* Очерки населения Марийского края в эпоху железа.— В кн.: Труды Марийской археологической экспедиции, т. II. Йошкар-Ола, 1962, с. 177.
- ⁵ *Худяков М. Г.* Воробьевский и Вичмарский могильники.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXXIV, вып. 3-4, 1929.
- ⁶ *Горюнова Е. И.* Вичмарский могильник.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1937. № 9-10, с. 185; *Худяков М. Г.* Воробьевский и Вичмарский могильники.
- ⁷ *Генинг В. Ф.* Памятники мазунинской культуры.— ВАНУ, 7, 1967, с. 14.
- ⁸ *Васюткин С. М.* К дискуссии по бахмутинской культуре.— СА, 1971, № 3, с. 93.
- ⁹ *Генинг В. Ф.* Азелинская культура..., с. 83.
- ¹⁰ *Халиков А. Х.* Очерки..., с. 176.
- ¹¹ *Горюнова Е. И.* Вичмарский могильник, с. 185.
- ¹² Там же, с. 182.
- ¹³ *Халиков А. Х.* Очерки..., с. 168, 173.
- ¹⁴ *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М., 1968, с. 22.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, с. 19.
- ¹⁷ *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 243.
- ¹⁸ *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура, с. 21—25; *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье..., с. 244.
- ¹⁹ *Генинг В. Ф.* Азелинская культура..., с. 63.
- ²⁰ *Прокошев Н. А.* Из материалов по изучению апаньинской эпохи в Прикамье.— СА, X, 1948, рис. 15, 4, 5.
- ²¹ Отчет о работе Вятской археологической экспедиции 1974 г. Архив ИА, № 5408.
- ²² ГЭ, колл. № 625.
- ²³ *Горюнова Е. И.* Вичмарский могильник, с. 182, рис. 4, 2.
- ²⁴ *Халиков А. Х.* Очерки..., с. 177, 179, табл. XXXVII, 8.
- ²⁵ *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье..., с. 243.

Р. Д. ГОЛДИНА

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ

Верхнекамский археологический материал представляет собой богатейшую основу для хронологических построений, так как здесь прослеживается непрерывная, генетически связанная линия развития местной культуры, выраженная многочисленными, хорошо документированными комплексами. Поэтому построение самостоятельной хронологической шкалы средневековых могильников Верхнего Прикамья вполне обоснованно и целесообразно.

Не имея возможности остановиться здесь на историографии вопроса, отмечу лишь, что в моих работах были установлены хронологические рубежи ломоватовской культуры в пределах конца IV—IX в. и выделены четыре последовательных этапа: I — харинский (конец IV—VI в.); II — агафоновский (конец VI — первая половина VII в.); III — деменковский (неволинский, вторая половина VII — первая половина VIII в.); IV — урьинский (переходный, вторая половина VIII—IX в.)¹. Возражая по ряду пунктов, А. К. Амброз датирует харинскую стадию концом V—VII в.², а агафоновский и деменковский (неволинский) этапы считает одновременными и относит к VIII в.³ Я не разделяю мнения А. К. Амброза, остаюсь на своих прежних позициях и постараюсь объяснить причины.

Если к началу 70-х годов XX в. по раннему средневековью Верхнекамского региона было накоплено 632 погребальных комплекса, происходящих из 21 могильника, то за последние шесть лет этот материал увеличился почти в два раза. Уральской, а затем Камско-Вятской экспедицией Удмуртского университета исследовано 377 погребений в Агафоновском I могильнике и 139 — в Аверинском II. Общее количество комплексов достигло 1148. Именно этот новый материал с привлечением данных предшествующих исследований и составляет основной стержень предлагаемой схемы. Кроме того, использованы комплексы близкого территориально и типологически Неволинского могильника из раскопок А. В. Шмидта и В. Ф. Генинга⁴ и Р. Д. Голдиной⁵. Для хронологических построений взяты в данном случае только металлические украшения. Такая же работа по хронологизации проведена с предметами вооружения, бусами и керамикой, и в недалеком будущем мы, очевидно, сможем представить общую картину развития материальной культуры средневековья в Верхнем Прикамье.

Наша задача решена традиционными методами. Первоначально была разработана дробная типология материала. О том, насколько детально эта типология, свидетельствуют такие цифры: категория накладок была поделена более чем на 60 типов и вариантов, категория подвесок — около 80, категория пряжек — около 50. Затем на основе дробной типологии была составлена корреляционная таблица. Учтено 241 погребение, в которых содержалось в разных наборах 319 вариантов и типов вещей. Получено восемь групп встречающихся вещей: четыре из них имеют самостоятельную хронологическую оценку и четыре — смежные.

Первая харинская группа представлена 41 погребением (рис. 1) из восьми могильников: Бурковского, Митинского, Нюр-Медер (Харинского, Бурдаковского I, Пыштайн⁶, Агафоновского I и Аверинского II. Группа делится на две подгруппы. Ранняя характеризуется трехсоставными пряжками мелких и средних размеров с пластинами различных форм; наконечниками ремней в виде обойм, украшенных полугорошинами; кольцевидной подвеской и конической пронизкой (рис. 1, 1--19). В нее входят следующие погребения: Бурково 2/2; 5/3; 6/1; 13/2 и 3; 6, 16, 18, 21, 56, 72; Митино 10, 18, 20, 24; Харино 19/1 и 53/1; Агафоново I, 1/2 (типы предметов: рис. 1, 9, 19, 46, 50). Позднюю харинскую подгруппу составляют височные подвески с напускной бусиной и калачевидные; крупные трехсоставные пряжки, иногда с В-образным кольцом; цельнолитые пряжки ранних типов; привозные пряжки, украшенные зернью и вставками; трехгранные в сечении гривны; браслеты с утолщениями и орнаментацией на концах; плоские и объемные зооморфные изображения (коньки, медведи, уточки); ранние формы шумящих подвесок (рис. 1, 20—44). Они найдены в погребениях: Бурково 3, 54; Митино 1, 4, 9, 11, 21, 28, 36, 39, 40; Харино 2/1; Нюр-Медер 1/1; Бурдаково 2/1; Пыштайн 8 (типы предметов: рис. 1, 24, 25, 246); Агафоново I 3/1 (рис. 1, 21, 37, 248), 28 (рис. 1, 25, 43), 31 (рис. 1, 44, 240, 248), 78 (рис. 1, 21, 49, 63, 247, 248); Аверино 135 (рис. 1, 19, 21, 49, 54, 63, 74, 79, 102,

110, 237, 238, 247). На протяжении всей харинской стадии бытуют пряжки некоторых типов, прямоугольные накладки, деревянные ножны, обложенные бронзовым листом и украшенные полусферическими головками заклепок (рис. 1, 45—52; рис. 1 и 2 см. вклейки).

Вторая группа (агафоновская) представлена 52 погребениями из трех могильников: Агафоновского I (35 могил), Аверинского II (9 погребений) и Неволинского (8 комплексов). За последние годы именно эта группа сильно выросла количественно. Предметы, встречающиеся в могилах этой группы, весьма выразительны: височные подвески со свободно вращающимися, чаще всего литыми привесками различных форм; первые варианты цельнолитых и рамчатых пряжек, часто с фигурным кольцом; трапециевидные с утолщениями по кольцу; круглопроволочные и пластинчатые браслеты, иногда с орнаментированными концами; витые гривны (рис. 1; 2; 3, 53, 110). Особенно выразительны поясные накладки якорьковидных и сердцевидных (геральдических) форм, многочисленны вытянутые прямоугольные накладки без прорезей. В это время бытуют кольцевидные с утолщениями подвески; каплевидные привески; простой формы арочные подвески; скульптурные изображения медведей и коньков; простейшие конические трубчатые пронизки различных типов без прорезей.

Третья группа (деменковская, или неволинская) наиболее многочисленна — 103 комплекса из семи могильников: Агафоновского I (19 могил), Аверинского II (9 погребений), Деменковского (19 комплексов), Плесинского (7 могил), Каневского (2 погребения), Урьинского (1 погребение) и Неволинского (46 комплексов). Составляющие ее предметы своеобразны: височные подвески с привесками в виде одного или двух полых шариков, часто с дополнительными украшениями или с каплевидной привеской; крупные цельнолитые пряжки с несколько сжатым, овальным кольцом, иногда с орнаментированными пластинами; пряжки с фигурным кольцом и боковыми выступами: перстни с крупными вставками или шумящей частью; браслеты с каменными вставками на концах; различные варианты наконечников ремней, украшенных преимущественно растительными узорами; разнообразных типов прямоугольные, полуовальные, Ж-образные, прямоугольные с прорезями накладки, тройчатки (рис. 1, 124—214; 2). Для этой группы характерны многочисленные типы колесовидных, трапециевидных подвесок, появляются подвески ранние коньковые, прямоугольные, арочные шумящие, костыльки ранних типов. В это время бытуют рожковые полусферические пронизки различных типов. Наиболее популярны пронизки со вздутиями и прорезями. На протяжении двух стадий — агафоновской и неволинской — распространены цельнолитые пряжки с В-образным кольцом, круглые накладки, ложновитые гривны, крестовидные подвески с прорезями в лопастях, круглые рамчатые пряжки, рожковые и конические пронизки простых типов, птицевидные пронизки со звериной головой с четко проработанным орнаментом на крыльях (рис. 1, 111—123а; 2).

Четвертую группу (урьинскую, или переходную) составляют 45 комплексов из семи могильников: Урьинского (4 погребения), Каневского (10 погребений), Агафоновского I (4 погребения), Плесинского (9 могил), Аверинского II (12 погребений), Телячьего Брода (1 погребение) и Деменковского (5 погребений). Материал этой группы представлен височными подвесками с полыми привесками, украшенными зернью; литыми подвесками с гроздевидными привесками; мелкими цельнолитыми пряжками, иногда трехсоставными с шарнирным соединением; восьмеркообразными и прямоугольными рамчатыми пряжками; незначительным числом наконечников ремней; накладками салтовского типа; различными вариантами шумящих подвесок — арочных, коньковых, коробочек, с головой медведя и др.; флакончатыми пронизками; колокольчиками; различными вариантами объемных подвесок (рис. 1, 250—308).

Деменковскую и урынскую группы соединяют смежные типы вещей, распространенных на протяжении обеих этих стадий: височных подвесок; плоских и граненых браслетов, иногда украшенных кружковым орнаментом; наглазников; небольших подвесок-ложек; крупных колокольчиков; арочных шумящих подвесок; восьмеркообразных пряжек с расширенным кольцом; мелких трубчатых и простейших рожковых пронизок (рис. 1, 215—232). На протяжении от агафоновской до урынской стадии бытуют височные подвески с полыми привесками без дополнительных деталей, круглопроволочные браслеты, простых типов цельнолитые пряжки с приостренным концом пластины, простые типов и сердцевидные накладки, трубчатые, полусферические и птицевидные пронизки (рис. 1, 233—245). Еще более широкий хронологический диапазон (от харинской до урынской стадии) имеют спиральновитые, трубчатые с утолщениями на обоих концах, бутыльчатые пронизки и простые проволочные височные кольца (рис. 1, 246—249).

Выделенные группы взаимосвязаны, так как во многих случаях четко прослеживается типологическая линия развития отдельных категорий вещей. В частности, шумящие подвески, представляющие собой, несомненно, местный тип, известны с харинского времени — лишь один вариант подвески с треугольной основой (рис. 1, 26); на агафоновской стадии существует все тот же упрощенный, но несколько видоизмененный тип (рис. 1, 91); в деменковское время появляется уже несколько вариантов шумящих подвесок (рис. 1, 144, 145, 156, 165, 166, 170, 176), а расцвет этой категории украшений наступает в урынский период, когда распространено до десятка самых разнообразных типов шумящих подвесок (рис. 1, 257, 264, 265, 269, 271, 273, 276, 299, 301, 304). В последующее время — в X в. — эта категория вещей в Прикамье приходит в упадок. Другой весьма выразительный тип вещей ломоватовской культуры — колесовидные и кольцевидные подвески. В харинское время известен лишь один вариант этих украшений (рис. 1, 27); на агафоновской стадии их уже по меньшей мере два (рис. 1, 55, 74); в деменковское время наступает расцвет этой категории украшений, отмечается большое разнообразие типов и вариантов (рис. 1, 130, 155, 178, 182, 183, 185, 208), которые количественно преобладают над другими типами подвесок. На урынской стадии количество этих предметов резко сокращается — известно лишь три варианта таких украшений (рис. 1, 256, 263, 275), что связано, очевидно, с изменением моды и увеличением спроса на подвески шумящих типов. Связь выделенных хронологических самостоятельных групп взаимодействующих вещей подтверждается также и существованием смежных групп предметов, бытующих более длительное время, чем одна хронологическая стадия.

Не вызывает особых сомнений у исследователей абсолютная дата деменковской стадии Верхнего Прикамья или неволинской — Сылвенского бассейна. Опубликованные материалы этой стадии наиболее ярко представлены комплексами ранней части Деменковского и Неволинского могильников. Неволинский могильник (не считая восьми более ранних погребений) можно датировать тем же временем, что и деменковскую стадию. В. Б. Ковалевская датирует Неволинский могильник последней четвертью VII — третьей четвертью VIII в., выделяя в качестве основного времени его использования первую половину VIII в.⁷ Ю. А. Краснов относит могильник к VIII в.⁸, А. К. Амброз — к концу VII — первой половине VIII в.⁹ В Пенджикенте детали поясов тюрко-сибирского типа, близкие неволинским, убедительно датируются монетами концом VII — 70-ми годами VIII в.¹⁰

В моей первой работе по хронологии комплексов Верхнего Прикамья деменковская группа датирована второй половиной VII — первой половиной VIII в.¹¹ Учитывая новые материалы и прежде всего данные Пенджикента, эта дата может быть несколько уточнена и установлена в

пределах конца VII (последняя четверть) — VIII в. (возможно, без его последней четверти).

Последующая, урьинская, стадия, одновременная в основном салтовскому периоду и мыдланьшайскому этапу полоумской культуры, датирована В. Ф. Генингом второй половиной VIII — первой половиной IX в.¹², а мной — второй половиной VIII—IX в.¹³ Эти даты не вызывают сомнений у других исследователей. Учитывая, что в Средней Азии смена поясов, подобных неволинским, салтовским, произошла скорее всего на рубеже третьей и четвертой четверти VIII в., можно предполагать, что этот процесс и в Прикамье происходил не раньше, и, таким образом, урьинский период должен датироваться последней четвертью VIII—IX в. Эта дата косвенно подтверждается монетами могильника Мыдлань-шай: 19 куфических монет, чеканенных преимущественно в первой — третьей четвертях VIII в.¹⁴ Давая поправку на проникновение и бытование монет приблизительно в 50 лет, мы получаем дату — в основном конец VIII—IX в. На территории собственно Верхнего Прикамья в урьинском комплексе (погребение 18) Аверинского II могильника обнаружено пять непробитых омейядских и аббасидских дирхемов, чеканенных в 745/46, 777/78, 801, 802 гг. Таким образом, на основании внешних аналогий и находок монет урьинская стадия датируется концом VIII—IX в.

А. К. Амброс считает, что комплексы агафононской стадии одновременны деменковской. Он основывается, во-первых, на отсутствии случаев взаимоперекрывания агафононских могил неволинскими; во-вторых, на отсутствии на Верхней Каме памятников с материалами типа Неволино; в-третьих, на типологическом различии поясных накладок (неволинские детали поясов, по его мнению, не могли развиваться из агафононских; в-четвертых, на близости отдельных форм предметов агафононской и неволинской стадий, например ложечек. А. К. Амброс убежден, что агафононская и неволинская (деменковская) группы представляют собой локальные варианты: агафононская — верхнекамский, а неволинская — сызвенский¹⁵.

Обратимся к аргументам. Отсутствие случаев взаимоперекрывания могил не является основанием для хронологического объединения агафононской и неволинской групп в одну, так как бескурганые могильники Верхнего Прикамья отличаются редкими случаями нарушения могильных ям, очевидно, потому, что на поверхности памятников были какие-то, исчезнувшие к настоящему времени, отметки могил. Например, в Агафононовском I могильнике, где вскрыто 377 погребений, зафиксировано лишь 17 случаев взаимонарушений могильных ям, что составляет 4,5% от общего числа могил. Поэтому речь должна идти скорее не о случаях взаимоперекрывания погребений, а об их планиграфическом распределении на памятниках. А планиграфия дает нам следующее: в Агафононовском I могильнике четко выделяются две группы погребений: могилы агафононской стадии располагаются в западной части рядом с ранними, харинскими; деменковские (неволинские) локализуются либо на южной окраине, либо, в большинстве, — в северо-восточной части (рис. 3).

Эти две группы могил — агафононская и деменковская — различаются сопровождающим инвентарем, составом монет и деталями погребального обряда. Наиболее показательны различия в составе бронзовых украшений, уже охарактеризованные выше (рис. 3, 5—7).

Планиграфическое размещение могил с инвентарем определенных стадий хорошо сочетается с планиграфией монет. Все погребения с инвентарем агафононовского облика сопровождаются сасанидскими монетами Кавада I, Пероза, Хосрова I¹⁶ и располагаются в западной части памятника. Наиболее выразительны комплексы из погребений 81 (рис. 4), где найдены три монеты Кавада I (521, 524, 527 гг.) и одна — Хосрова I (570 г.); 91 (рис. 5) — монета Пероза (457—484 гг.); 42 — монета Пе-

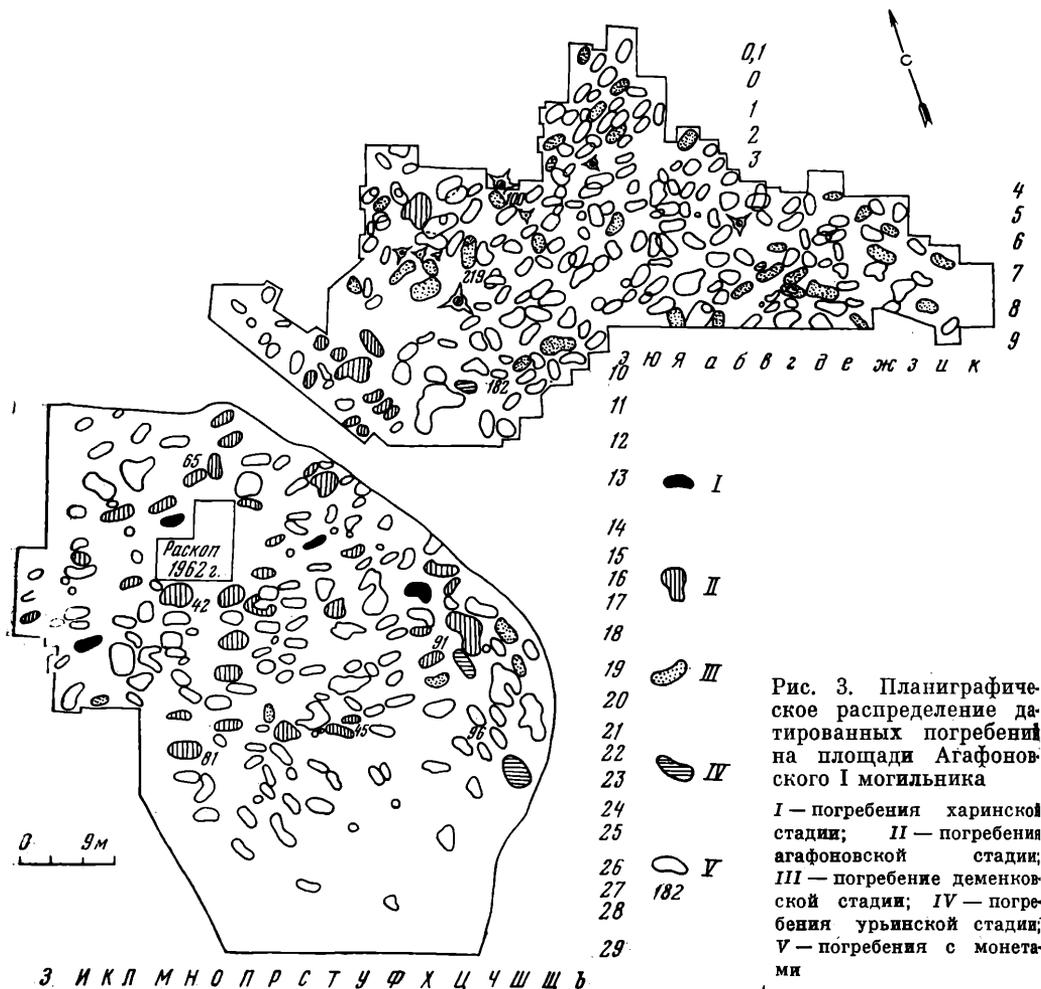

Рис. 3. Планиграфическое распределение датированных погребений на площади Агафоновского I могильника

I — погребения харинской стадии; II — погребения агафоновской стадии; III — погребение деменковской стадии; IV — погребения урьинской стадии; V — погребения с монетами

роза с вещами типа рис. 1, 73, 92; 4, 24; 5, 2, 13, 18; 45 — монета Хосрова I (551 г.) с птицевидной пронизкой типа рис. 1, 9 и обломком пряжки. Две монеты: одна из них — Хосрова I (557 г.); другая — Сасанидов (более точно не определена) — с височной подвеской и фрагментами керамики, бронзовых и железных вещей происходят из погребения 65, располагавшегося также в ранней части могильника.

В могилах деменковской стадии (восточная группа) монет Кавада I, Пероза, Хосрова I нет, но встречены монеты Хосрова II (590—628). Они обнаружены в могиле 100 с подвеской-ложечкой типа рис. 1, 184 и пронизкой типа рис. 4, 23, а также в могиле 219 с фрагментами железной вещи и керамики. Весьма затруднительно отнести к определенной стадии могилы 96 и 182. В могиле 96 вместе с височными подвесками типа рис. 1, 217 и бусами найдена монета — бухарское подражание аббасидского времени «гитфриды» VIII—XI вв. драхам правителей Бухары V—VII вв. Из погребения 182 происходят многочастная бусина, фрагменты керамики и монета, чеканенная в Средней Азии (?) по типу монет сасанидского царя Варакхана V. Судя по размещению этих погребений в поздней части могильника и характеру бус, возможно, эти две могилы также следует отнести к послеагафоновскому времени.

Агафоновский I могильник существовал длительное время и наглядно показывает эволюцию погребальных обычаев от VI до IX в. Ранняя часть его представлена курганными насыпями (раскопки В. Л. Борисова) ¹⁷, расположенными на западной окраине памятника. Возможно, не-

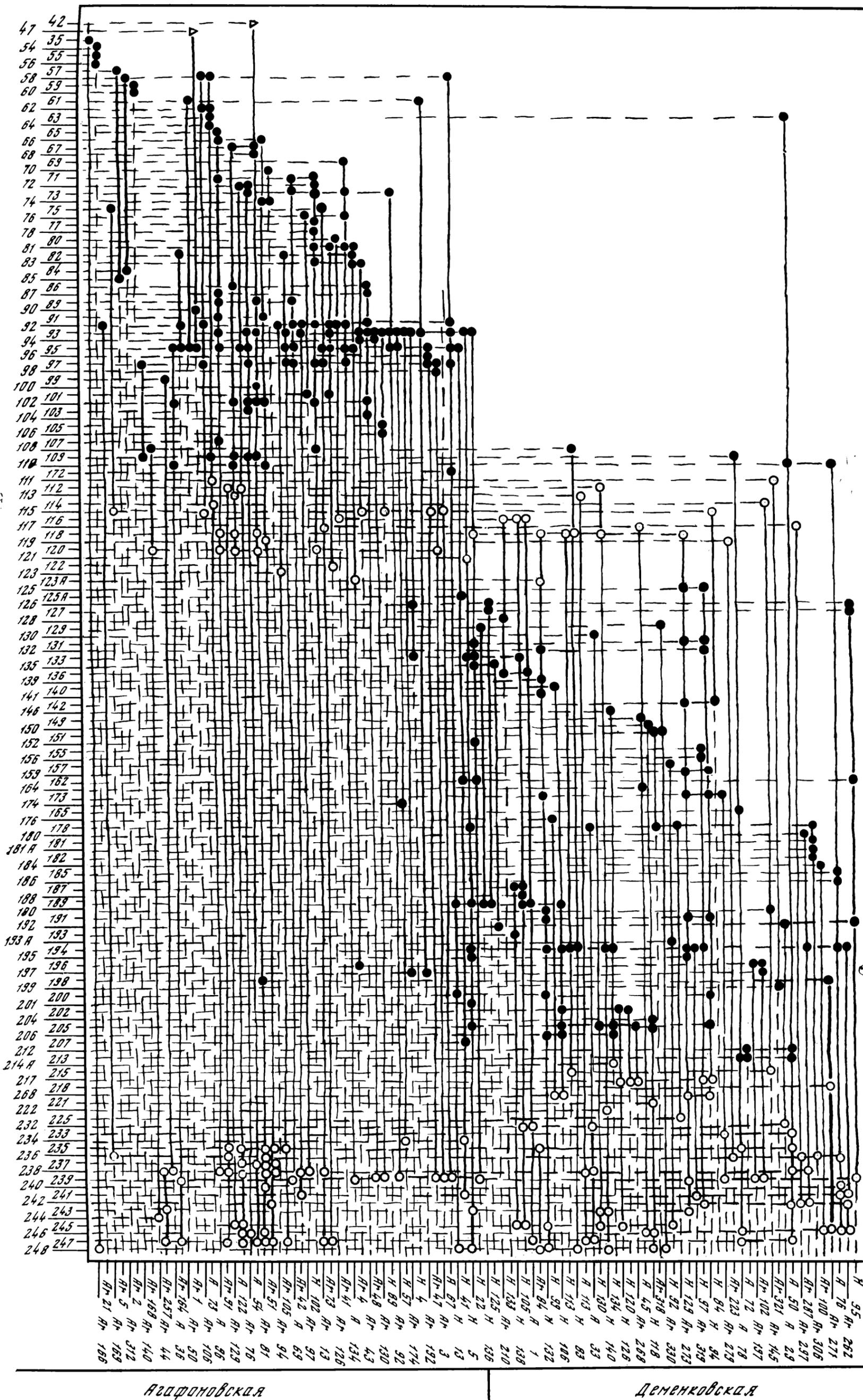

Рис. 2. Встречаемость вещей погребальных комплексов агафоновской и неволинской стадий

По вертикали нанесены номера погребений, по горизонтали — номера типов вещей на рис. 1. Черными кружками обозначены вещи, характерные для отдельных этапов; белыми — одинаково встречающиеся в двух и более этапах (см. рис. 1, внизу); треугольники — единичные предметы харинских типов; Аз — Агафоново I; А — Аверино; Н — Неволино. К деменковскому этапу относятся также следующие опубликованные ранее погребения: Неволино, 2, 6, 8, 17, 20, 24, 28, 31, 48, 51, 53, 65—69, 71, 73, 74, 76, 77, 79, 81, 95; Деменки, 7—9, 13, 13а, 17—19, 26, 34, 37, 55, 57, 62, 63, 70, 93, 112, 118; Плес, 22, 38, 40, 44, 45, 47, 49; Канево, 17, 26; Урья, 29

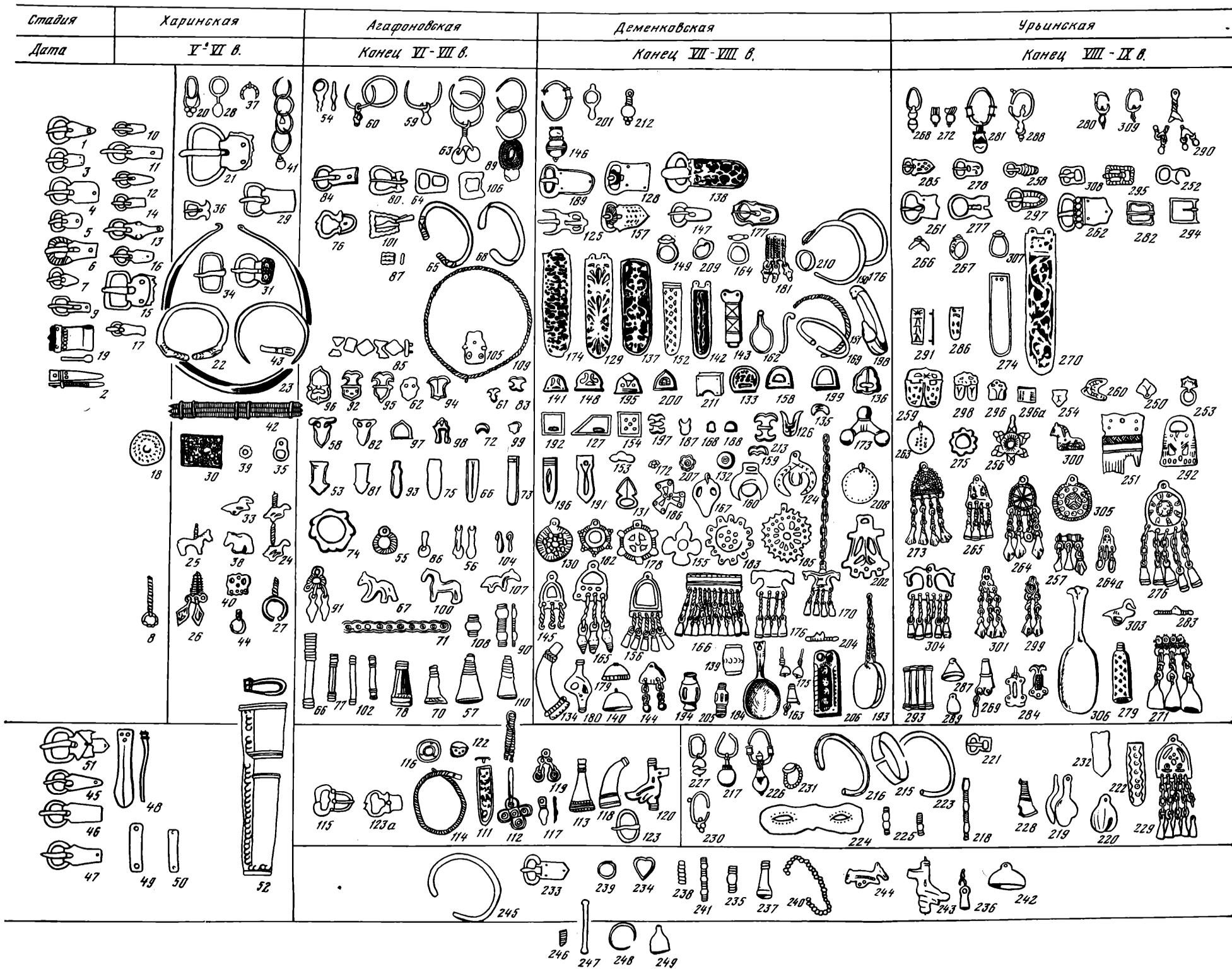

Рис. 1. Распределение погребального инвентаря верхнекамских могильников V—IX вв. по хронологическим группам.

Приведены наиболее характерные типы вещей

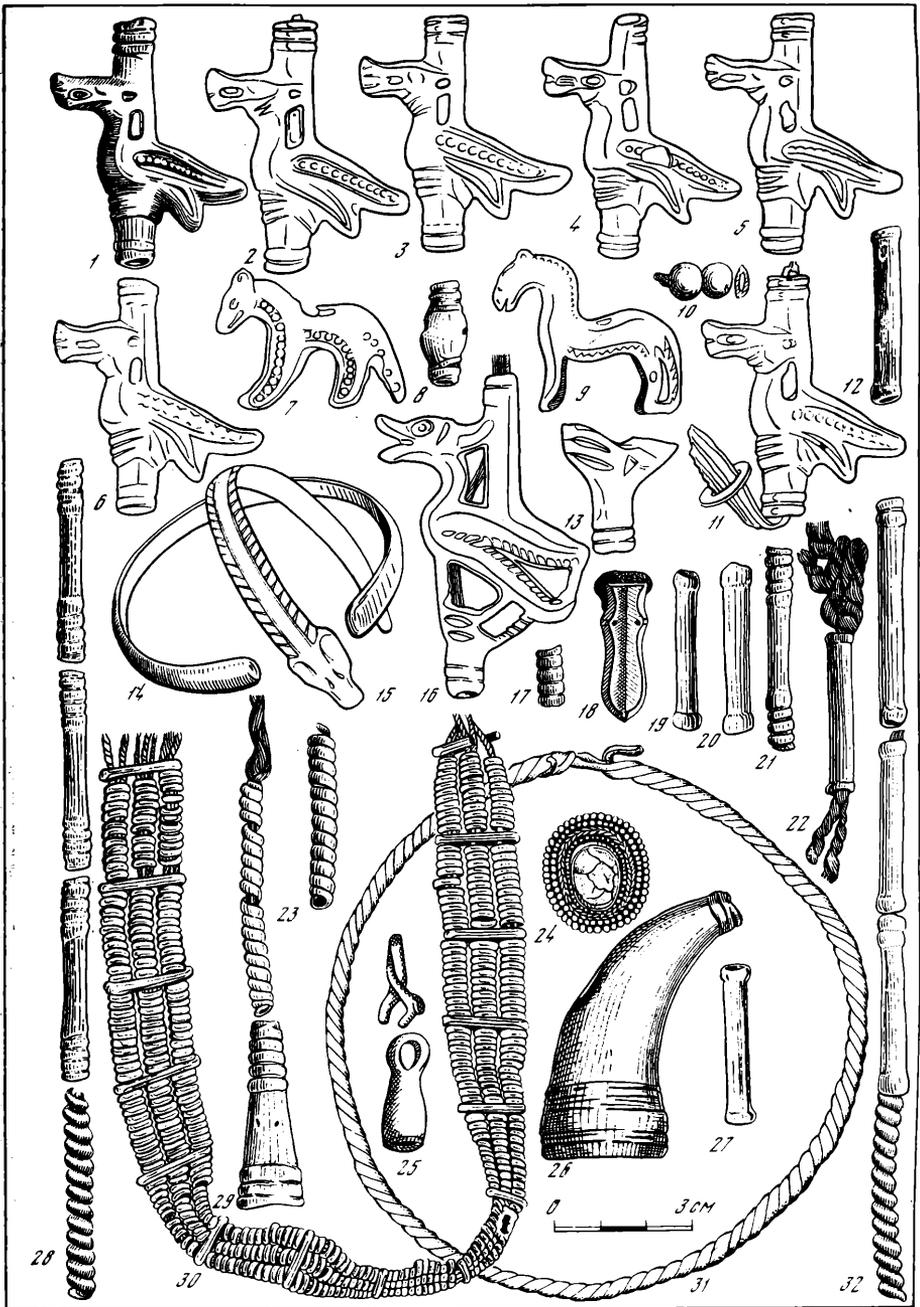

Рис. 4. Вещи из цогребения 81 Агафоновского I могильника — агафоновская стадия (1—32)

большие курганы существовали в древности и над харинскими могилами, выявленными нашими раскопами, но зафиксировать их не удалось. В основной массе захоронения бескурганные. Они размещены нечеткими рядами, ориентированными в направлении север — юг или северо-запад — юго-восток. Могильные ямы прямоугольной (66,85%), реже — овальной (14,58%), неправильной (13,79%), квадратной (3,45%) и треугольной (1,33%) форм имеют длину 151—300 см, ширину 61—140 см и глубину 21—80 см. Для могил характерна широтная или промежуточная ориентировка.

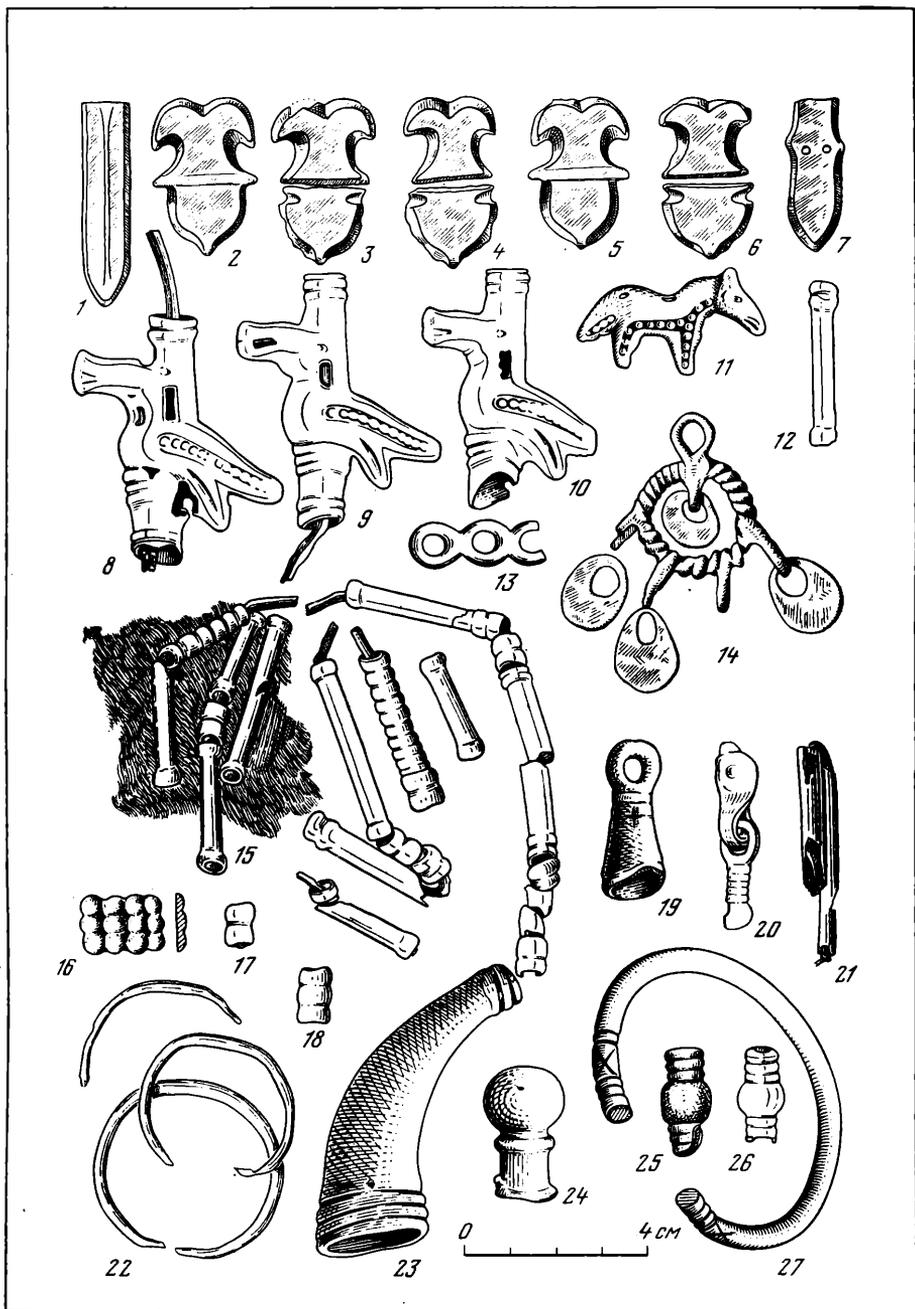

Рис. 5. Вещи из погребения 91 Агафоновского I могильника — агафоновская стадия (1—27)

Способ погребения определен в 247 случаях. Большинство погребений (76,52%) совершено по способу трупосожжения, меньше (10, 12%) — по способу частичной кремации и 13,3% — по способу трупоположения. Возможно, что трупоположений значительно больше, но остатки костей сохранились плохо вследствие песчаного грунта и близости грунтовых вод (с юго-западной стороны к площадке могильника примыкает болото). В тех случаях, когда вещей в погребениях нет, зафиксировать трупоположение практически невозможно.

При обряде трупосожжения вещи располагались в беспорядке по всей могиле на разной глубине. Скорее всего умершего сжигали на стороне без верхней одежды и украшений, так как большинство вещей не имеет следов обожженности. Кальцинированные кости вместе с погребальным инвентарем сыпали в яму по мере ее заполнения, лишь в двух случаях они сложены на дне кучкой. В могилах с труположениями сопровождающие предметы располагались на дне: украшения — в порядке использования в costume; ножи, деревообрабатывающие инструменты, топоры — в области пояса; оружие (копья, стрелы) — сбоку, вдоль стенок могилы.

В верхней части заполнения многих (28,42%) могил обнаружены углистые пятна — остатки погребального костра. В 55 погребениях встречены зубы или, реже, кости конечностей лошади, располагавшиеся чаще всего в засыпи ямы. В 37 погребениях найдены глиняные сосуды, которые были поставлены в одном из концов или в середине ямы. В 222 погребениях (58,89%) в засыпи и на дне встречаются разрозненные фрагменты керамики.

Перечисленные черты присущи погребениям обеих основных стадий — агафоновской и деменковской. Это позволяет говорить о том, что могильник оставлен одной группой населения, использовавшей его длительное время. Анализ отдельных деталей показывает, что можно наметить определенную линию эволюционного развития погребальных обычаев по стадиям. В данном случае остановимся лишь на различиях агафоновской и деменковской стадий.

Прежде всего различия отмечаются в ориентировке. На агафоновской стадии ряды могильных ям вытянуты в направлении север — юг, на деменковской — преимущественно северо-запад — юго-восток. Если в агафоновской группе погребения в рядах сравнительно разрежены (рис. 3), почти не касаются друг друга и расположены на значительном расстоянии, то в деменковское время они размещены плотнее и даже встречаются случаи взаимонарушений (характерных именно для данной группы). Это объясняется, очевидно, постепенным сокращением площадки могильника, которая с северо-восточной и восточной сторон, куда рос памятник, была ограничена краем террасы. К рубежу VIII—IX вв. она была полностью использована. В IX в. в 400 м к юго-западу возникает новый могильник — Агафоновский II, несомненно связанный с первым, оставленный тем же населением и использовавшийся до XII в.

Для могил агафоновской стадии характерны в основном крупные (длинной от 150 до 350 см и даже более) ямы. Ямы длиной 150—200 см составляют лишь 24,5%. В деменковское время могилы стали намного меньше, причем длина 150—200 см встречается уже у 50% ям. Еще более показательны изменения ширины могил. Если у могил агафоновской стадии ширина колеблется от 40 до 280 см, то у деменковских — лишь в пределах от 60 до 200 см, причем большинство (86,8%) могил имеет ширину 61—140 см.

На агафоновской стадии довольно много ям овальных (15,68%)¹⁸ и неправильных (13,3%) форм с округлым (51,1%) или неровным (8,9%) дном. На деменковской стадии доля овальных могил уменьшается до 10,5%, а могил с округлым дном — до 34,2%, и возрастает количество ям прямоугольной формы (71,1%) с плоским дном (50,0%). В более позднее время в Агафоновском II могильнике подобные ямы абсолютно преобладают (94,09%). Увеличение на деменковской стадии числа могильных ям прямоугольных очертаний с плоским дном, определенная стандартизация их размеров связаны, очевидно, с появлением погребальных конструкций типа гробовиц, остатки которых не выявлены в Агафоновском I, но хорошо прослежены в Агафоновском II могильнике.

Для могил агафоновской стадии характерна преимущественно ориентировка по линии восток — запад (33,3%) и восток — северо-восток — за-

пад — юго-запад (44,4%); в деменковское время первая уменьшается до 10,5%, вторая — до 18,4%, но возрастает доля могил, ориентированных в направлении северо-восток — юго-запад (21,1%) и северо-запад — юго-восток (26,3%). Именно эти направления ориентировки преобладают в более позднем Агафоновском II могильнике: северо-восток — юго-запад (38,6%), северо-запад — юго-восток (17,32%) — наряду с направлением север — юг (44,08%). Явно, что в целом ориентировка обоих могильников эволюционирует от широтной к меридиональной. Погребения деменковской группы и по этому признаку занимают промежуточное положение между могилами более ранней, агафоновской, стадии (VII в.) и более поздними — IX—XII вв.

Кости животных в погребениях характерны в основном для могил агафоновской стадии (20%). В деменковских могилах кости животных встречены в 5,26% погребений, в могилах IX в. — в 7,69% погребений. В могилах X—XII вв. отмечен единственный случай остатков такого рода.

Итак, по деталям погребального обряда, инвентарю и монетам погребения деменковской стадии отделяются от могил агафоновского периода и относятся к более позднему времени. Подобное соотношение могил этих двух стадий выявлено также в Аверинском II могильнике, где случаи смешения вещей агафоновского и деменковского типов в одних комплексах редки, планиграфически они также четко вычлениваются, а могилы деменковского облика сопровождаются монетами Хосрова II, например погребение 78 (рис. 6, 36—43).

Памятников, абсолютно тождественных Неволинскому могильнику, в Верхнем Прикамье быть не может, так как этот могильник относится не к ломоватовской (верхнекамской), а к неволинской (сылвенской) культуре. Стремясь объяснить распространение на Верхней Каме вещей неволинского (деменковского) типа, А. К. Амброз высказывает предположение о проникновении в Верхнее Прикамье неволинского населения¹⁹. Однако тогда было бы трудно объяснить массовое распространение неволинских вещей в Верхнем Прикамье на территории всей ломоватовской культуры, от устья Обвы и до верховьев Камы. Кроме того, при этом сылвенские могилы должны были бы относиться ко времени более раннему, чем верхнекамские. Но на обеих этих территориях в погребениях с инвентарем неволинско-деменковского облика встречаются в качестве позднейших монеты Хосрова II: семь случаев — в Неволинском (погребения 34, 53²⁰; 65, 81²¹, 83(1), 101(9), 106(24)²²) и семь — в верхнекамских могильниках (погребения 8, 63, 64 Деменковского²³; 100, 219 Агафоновского I; 78, 102 Аверинского II могильников). Известен лишь единственный случай смешения накладок агафоновского и деменковского (неволинского) типов в одной могиле (погребение 13 Неволинского могильника) с монетой Хосрова II. Здесь присутствие агафоновских накладок можно объяснить либо их запаздыванием, либо неточностями документации. И, наконец, многосторонний анализ материальной культуры Агафоновских могильников (погребальный обряд, керамика, металлические украшения) позволяет говорить о плавной, непрерывной линии развития местной культуры на протяжении с V по XII в. Это заставляет отвергнуть вывод А. К. Амброза о возможности включения в состав ломоватовского населения на рубеже VII—VIII вв. новой крупной этнической группы сылвенского происхождения. Таким образом, агафоновская и деменковская группы — это явления не локального, а хронологического порядка.

Типологические различия агафоновских и деменковских (неволинских) накладок не должны удивлять, если учесть, что бляшки разных стадий в Верхнем Прикамье редко имеют какую-либо преемственность. Очевидно, типологическую близость следует искать не в поясных накладках (элемента в большинстве случаев явно инородной культуры), а среди

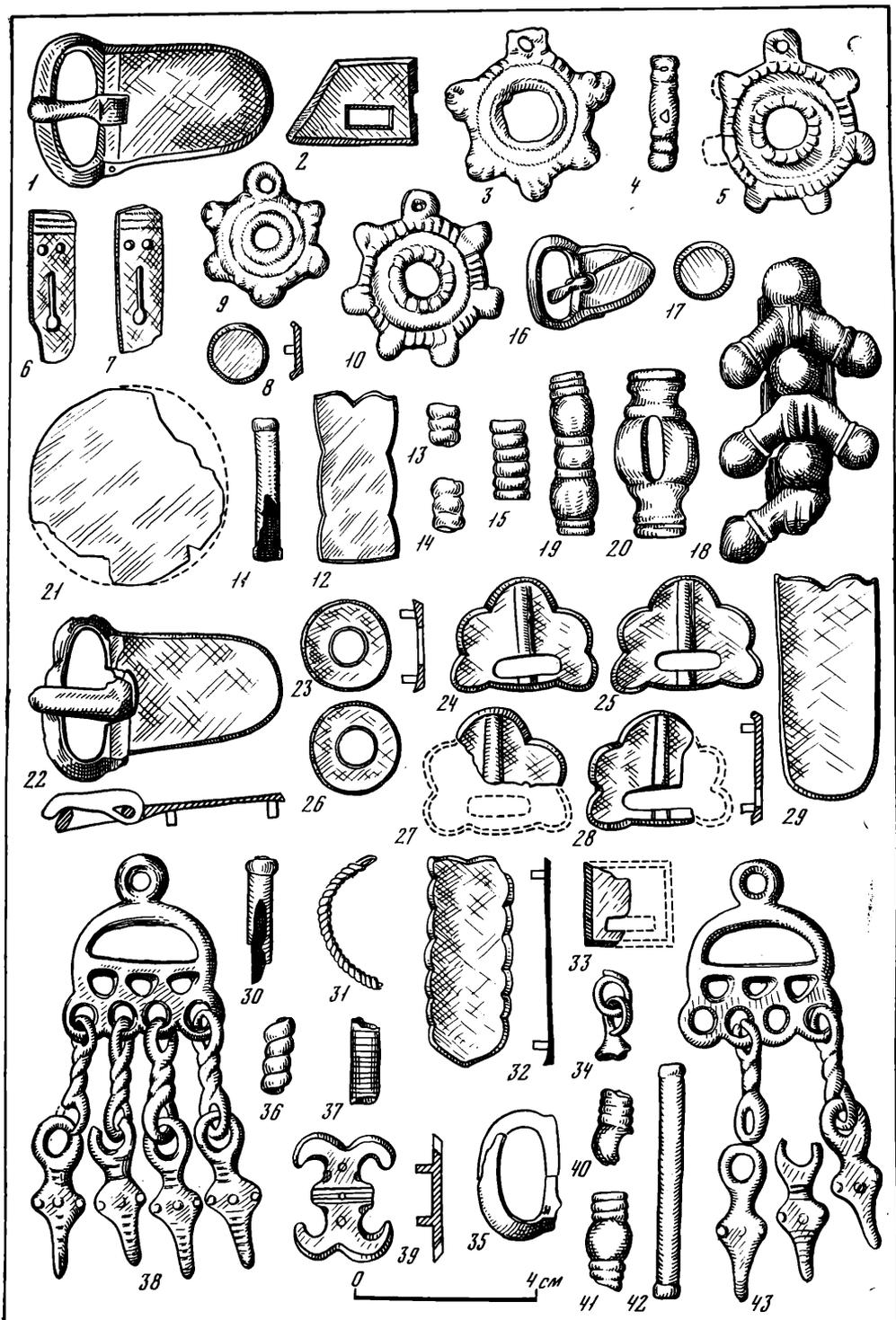

Рис. 6. Вещи из погребений деменковской стадии

1 — Агафоново I, погребение 304; 2 — там же, 282; 3—5 — там же, 273; 6—8 — там же, 197; 9—15 — Аверино II, погребение 33; 16—18 — Агафоново I, погребение 273; 19, 20 — там же, 319; 21—31 — Аверино II, погребение 1; 32—35 — там же, 29; 36—43 — там же, 78

местных предметов — подвесок, пронизок и др., а они-то и обнаруживают удивительное типологическое единство. Подобная картина смены поясов в VII—VIII вв. прослеживается не только в Верхнем Прикамье, но и в Удмуртии (Петропавловский и Поломский могильники), в Сибири (кудыргинский и катандинский типы).

Итак, агафоновская стадия предшествует неволинской и датируется по аналогии с Кудыргэ (монета 575—577 гг.)²⁴, Лихачевским могильником (монета 589 г.)²⁵ и по собственным монетам концом VI—VII в., скорее всего без его последней четверти. Положение А. К. Амброза об одновременности агафоновской и неволинской стадий следует признать ошибочным. Предшествующая харинская стадия связана с агафоновской, и ее верхняя граница проходит, вероятно, по середине или концу VI в., а нижняя — определяется сходством с памятниками степной полосы, для которых И. П. Засецкая убедительно доказала дату — конец IV — первая половина V в. Даже учитывая некоторое запаздывание вещей в нашей полосе, можно с уверенностью датировать верхнекамскую харинскую стадию в пределах V—VI вв.

¹ *Голдина Р. Д.* Могильник VII—IX вв. на Верхней Каме.— ВАН, 9, 1970, с. 87—101; она же. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Автореф. канд. дис. Л., 1971, с. 15—17; *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.— ВАН, 12, 1973, с. 84—87.

² *Амброз А. К.* [Рец.] *J. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening.* Das Gräberfeld von Newolino.— СА, 1973, № 2, с. 294—298.

³ *Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А.* [Рец.] *J. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening.* Das Gräberfeld von Newolino.— СА, 1973, № 2, с. 287; *Амброз А. К.* [Рец.], с. 288—298.

⁴ *Erdélyi J., Ojtozi E., Gening W.* Das Gräberfeld von Newolino. Budapest, 1969.

⁵ *Голдина Р. Д.* Отчет о раскопках Неволинского могильника в 1968 г. Архив ИА, № 3740.

⁶ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники...

⁷ *Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А.* [Рец.], с. 286.

⁸ Там же.

⁹ *Амброз А. К.* [Рец.], с. 288, 299, рис. 1, этап IV.

¹⁰ *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв.— СА, 1965, № 4, с. 81.

¹¹ *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв..., с. 90, 91.

¹² *Генинг В. Ф.* Деменковский могильник.— ВАН, 6, 1964, с. 123—125.

¹³ *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв..., с. 93.

¹⁴ *Янина С. А.* Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай.— ВАН, 3, 1962, с. 129.

¹⁵ *Амброз А. К.* [Рец.], с. 290, 295, 297.

¹⁶ Определение монет из наших раскопок проведено старшим научным сотрудником ГЭ И. Г. Добровольским, за что мы ему глубоко благодарны.

¹⁷ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники..., табл. А.

¹⁸ Процент вычислен из количества датированных погребений каждой стадии.

¹⁹ *Амброз А. К.* [Рец.], с. 291.

²⁰ *Erdélyi J., Ojtozi E., Gening W.* Das Gräberfeld von Newolino, S. 50.

²¹ *Ibid.*, S. 83.

²² Номера по отчету Р. Д. Голдиной за 1968 г.

²³ *Генинг В. Ф.* Деменковский могильник..., с. 120.

²⁴ *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965, с. 26.

²⁵ *Генинг В. Ф., Зданович С. Я.* Отчет о раскопках Лихачевского могильника в 1964 г. Архив кабинета археологии Уральского университета.

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕСЛЯНСКОГО I МОГИЛЬНИКА

Веслянский I могильник находится на левом берегу р. Вынь, правого притока Вычегды, в 1 км выше д. Весляны Княжпогостского р-на Коми АССР. Могильник открыт в 1961 г. Вымским археологическим отрядом Коми филиала АН СССР под руководством автора и исследован в 1962, 1974 и 1975 гг. Всего открыто 27 погребений. По материалам рекогносцировочных раскопок 1962 г. пять вскрытых погребений были датированы в пределах V—VII вв.¹ В дальнейшем хронологические рамки некрополя были сужены до VI—VII вв.²

Могилы располагаются в один нечеткий ряд, вытянутый вдоль края террасы. Погребения в южной части могильника имеют невысокие насыпи, в северной — насыпи не прослеживаются. Между северной и южной группами могил имеются и другие отличия, которые носят прежде всего хронологический характер. К первой группе относятся погребения 6—19, 27, ко второй — 1—4, 20—26. В трех погребениях (16, 23 и 25) найдены монеты: шесть — Пероза (погребения 16, 23, 25); одна — Кавада (погребение 23); одна — Хосрова I (погребение 25).

В южной группе наиболее богатые и выразительные комплексы вещей обнаружены в погребениях 11 и 16. В погребении 11 наиболее ранней является медная пряжка с овальным, утолщенным спереди кольцом, длинным выступающим хоботовидным язычком и полукруглым подвижным щитком (рис. 1, 7). Пряжки этого типа имеют широкое распространение. По мнению В. Ф. Генинга, они появляются не позднее III в. н. э.³ В. Б. Ковалевская датирует их IV — началом V в.⁴, а А. К. Амброз — V—VI вв.⁵ В погребении, кроме того, найдены части пяти пряжек. Две представлены только овальными кольцами, третья — с овальным кольцом, длинным выступающим хоботовидным язычком и золотой пластиной-накладкой, украшенной узорами в виде рельефных напаянных завитков (рис. 1, 1), четвертая — крупная овальная, щиток украшен золоченой накладкой, инкрустированной камнями в обрамлении зерни (рис. 1, 2, 5). От пятой пряжки сохранилась только прямоугольная золоченая накладка, инкрустированная камнями и украшенная зернью (рис. 1, 4). Золоченые накладки на пряжках, по мнению В. Б. Ковалевской, являются подражанием южным золотым и серебряным изделиям полихромного стиля. Она датирует их VI—VII вв.⁶ Абсолютно аналогичные золоченые накладки известны в материалах позднихаринских могильников⁷. В погребении встречены культовые предметы: плоские фигуры двух коньков (рис. 1, 14), две пары полых фигурок медведей (рис. 1, 15—17) и две трубчатые пронизки, изображающие хищных птиц (рис. 1, 20). Украшения представлены спиралевидными пронизками, гривной ромбовидного сечения (рис. 1, 28), браслетами пластинчатым и круглопроволочным спирально-витым (рис. 1, 23, 24), С-видным овальным височным кольцом с несомкнутыми концами (рис. 1, 13), шаровидным бубенчиком, бусами, цепочкой из трех круглых однозвеньевых колец. В погребении было оружие — кинжалы в богатых ножнах.

Наибольшую близость комплекс вещей из погребения 11 (оружие, поясные пряжки и накладки, цельнолитые коньки и полые фигурки медведей, гривны) находит в позднихаринских могилах. Некоторые предметы имеют аналогии в бахмутинских и азелинских материалах. К ним относятся, кроме широко распространенных предметов поясного набора, полые фигурки медведей, литые коньковые подвески.

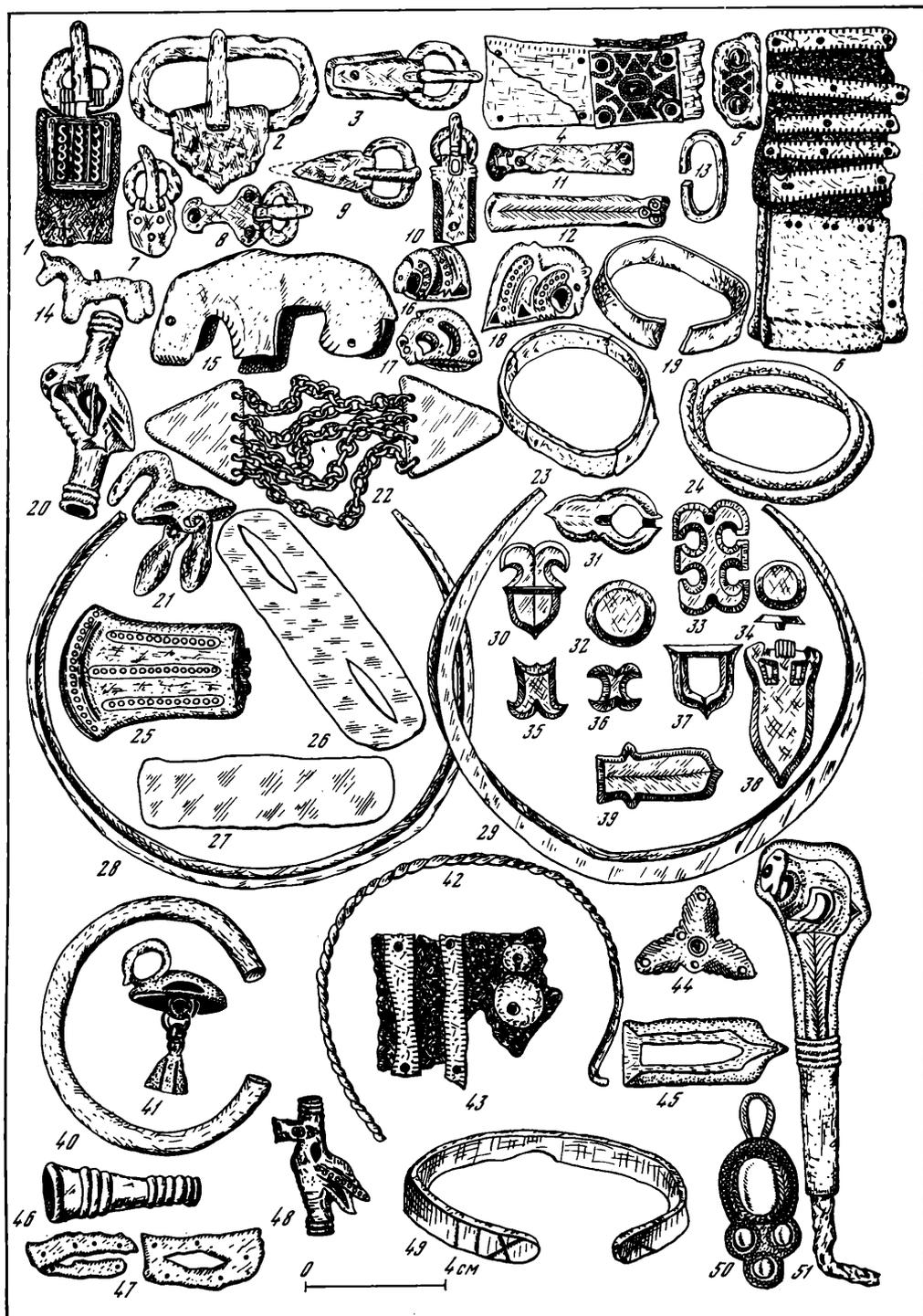

Рис. 1. Основные типы находок из Веслянского I могильника

1, 4, 5, 7, 14-17, 20, 23, 24, 28 — погребение 11; 2-17; 3, 10, 12-19; 6, 18, 21, 22, 25-16; 8, 9, 11, 19, 26-14; 18-15; 27-9; 29-7; 30, 31, 39-3; 32-24; 33-20; 34-38, 41, 43, 45-48, 51-25; 40, 42, 44-23; 49-1; 1-бронза и золото; 2, 3, 7-25, 28-31, 34-42, 44-46, 48, 49-бронза; 4-золото, кожа, камень; 5, 26, 27-золото; 6, 43-бронза и кожа; 32, 33, 47-серебро; 50-серебро с позолотой и сердолик; 51-белый сплав

В целом в этом комплексе представлены предметы, находящие аналогии в азелинских, мазунинских и раннебахмутинских памятниках, с одной стороны, и позднихаринских — с другой. Несомненна его наибольшая культурная близость позднихаринским памятникам.

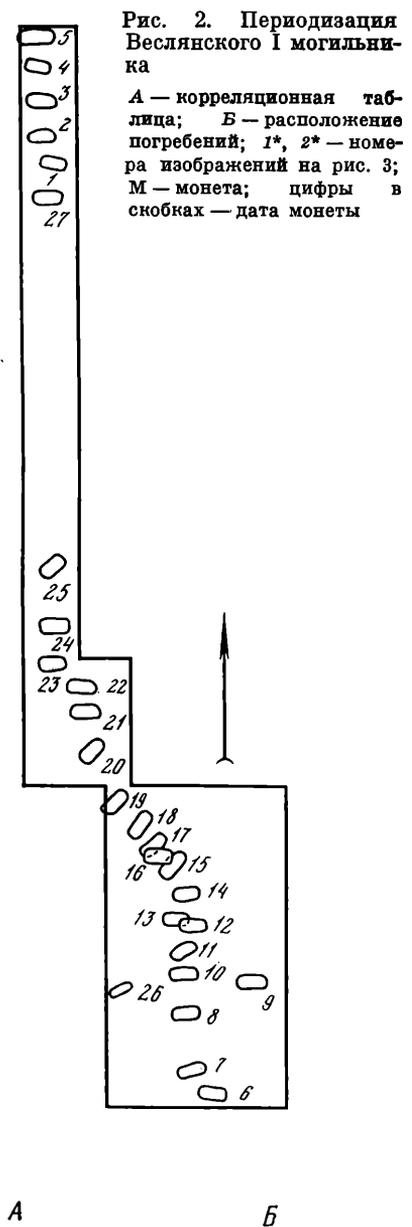
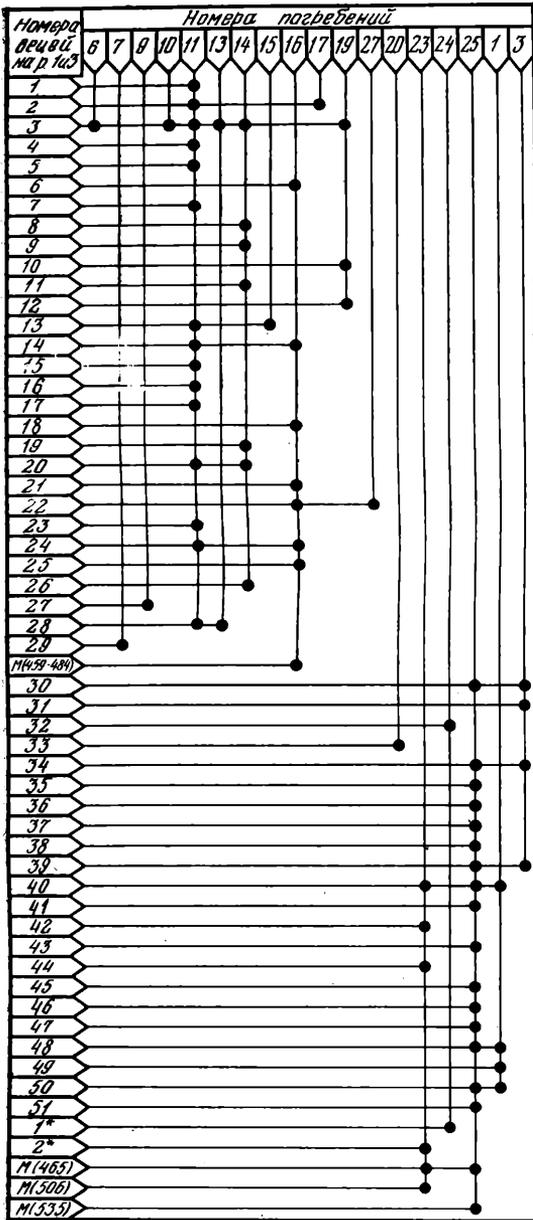
Для уточнения даты этого комплекса сопоставим его с аналогичным, содержащим монеты, из погребения 16. Здесь найдены две литые фигурки коньков (типа рис. 1, 14), две полые скульптуры медведей (рис. 1, 18), бусы, бубенчики, два спиральновитых браслета, два тонкопроволочных височных кольца с несомкнутыми концами, две шумящие подвески — утки с лапками (рис. 1, 21), две шумящие подвески с треугольными щитками, соединенные пятью цепочками из однозвеневых колец (рис. 1, 22), бронзовое навершие ножа (рис. 1, 25), наконечник ремня из согнутой широкой пластины с выпуклостью в виде трубочки на месте сгиба (рис. 1, 6). Четыре монеты из погребения чеканены во время правления Пероза (459—484). Все перечисленные предметы находят прямые аналогии в материалах позднихаринских памятников. Оба описанных комплекса по аналогии и монетам могут быть датированы временем не ранее VI в.

Другие погребения южной группы обнаруживают близость к двум описанным (рис. 2, А). Для них характерны пряжки со слегка овальным приемником, длинным хоботовидным язычком и щитком вытянутой прямоугольной или треугольной формы, который в ряде случаев украшен насечками или имеет зубчатые края (рис. 1, 3, 9, 10). Пряжки этого типа встречены в восьми погребениях данной группы. В двух погребениях найдены крупные пряжки с овальным кольцом (рис. 1, 2). Следует отметить также две цельнолитые пряжки с треугольной пластиной и выступами по ее углам (рис. 1, 8). Все перечисленные типы пряжек находят аналогии в раннесредневековых древностях Приуралья и Поволжья. В. Ф. Генинг и Р. Д. Голдина датируют их V — первой половиной VI в.⁸, А. К. Амброз — VII в.⁹ В. Б. Ковалевская цельнолитые пряжки относит ко второй половине VI—VII в., остальные — к V—VI вв.¹⁰ Пряжки сопровождаются характерными поясными накладками и наконечниками ремней. Накладки представлены серебряными с позолотой или золотыми пластинами прямоугольной и овальной формы, или украшенными зернью и инкрустированными каменными вставками, или гладкими, орнаментированными завитками. Наконечники ремней составляют три типа: длинные прямоугольной формы, украшенные насечками (рис. 1, 12); широкие пластинчатые с утолщением в виде трубочки в месте сгиба (рис. 1, 6); вытянутые прямоугольные с сечковидным концом (рис. 1, 11). Эти поясные накладки и наконечники ремней также находят аналогии на позднихаринских памятниках. Они характерны и для раннесредневековых памятников Башкирии. А. К. Амброз датирует наконечник ремня с сечковидным концом V—VI вв.¹¹, в виде широкой пластины — VII в.; В. Б. Ковалевская относит последний к VI в.¹²

В ранней группе погребений представлены также браслеты (рис. 1, 19, 23, 24), гривны (рис. 1, 28, 29), височные кольца (рис. 1, 13) и бусы. В двух погребениях обнаружены золотые лицевые пластины: одна — сплошная (рис. 1, 27), другая — с прорезями для глаз (рис. 1, 26).

Из корреляционной таблицы (рис. 2, А) видно, что погребения 6—19, 27 объединяются в группу, для которой характерны типы вещей, находящих аналогии прежде всего в материалах позднихаринских памятников. Эта группа погребений датируется VI в.

Вещевой инвентарь погребений второй группы несколько иной. Наиболее выразителен комплекс погребения 25, содержащий богатый поясной набор из разнообразных накладок: X-образных (рис. 1, 36), с сердцевидным основанием (рис. 1, 30), с острыми шипами в основании (рис. 1, 35), прямоугольных, вытянутых, с выступами в верхней части, с сердцевидным основанием (рис. 1, 39), с продольной прорезью (рис. 1, 45),

полуовальных с прорезью (рис. 1, 37), круглых плоских (рис. 1, 34), фигурных вытянутых, Т-образных с заостряющейся верхней частью и расширяющейся нижней, с овальными прорезями (рис. 1, 38). Наиболее близкие аналогии этим находкам известны в материалах из Верхнего Прикамья и Башкирии. Накладки всех перечисленных типов, кроме последнего, встречаются в позднеломатовских могильниках VII—IX вв.¹³ В. Б. Ковалевская датирует их второй половиной VII—VIII в.¹⁴, А. К. Амброс — концом VII — первой половиной VIII в.¹⁵

Другие предметы из погребения 25 также относятся ко времени не ранее VII в.: это трубчатые пронизки в виде тупоносых птиц (1, 48), шумящая подвеска-лебедь с вытянутой шеей (рис. 1, 41), крупные конические пронизки (1, 46)¹⁶. С влиянием античного мира связан серебряный позолоченный медальон, инкрустированный сердоликом (рис. 1, 50). Территориально наиболее близкие ему аналогии известны в Хэйбидя-

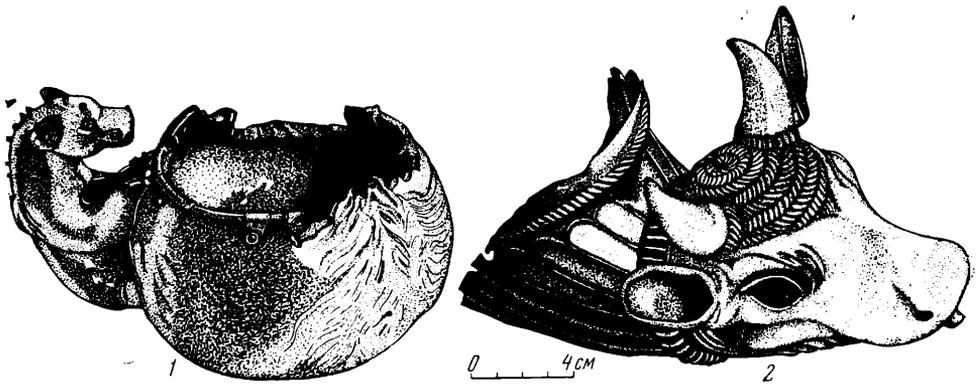

Рис. 3. Сосуды из Веслянского I могильника

1 — дерево со вставками меди и серебра; 2 — серебро

Падарском жертвенном месте¹⁷, в Подчеремском кладе¹⁸ и Уфимских курганах¹⁹. Рукоятка орудия с навершием в виде фигуры медведя (рис. 1, 51) также находит аналогии в Подчеремском кладе.

Среди вещей из погребения 25 следует отметить серебряный наглазник (рис. 1, 47), аналогии которому известны в материалах из верхнекамских могильников²⁰, поясной набор (рис. 1, 43), круглопроволочный браслет (рис. 1, 40). В погребении лежало по одной монете царей Пероза и Хосрова I (год чеканки первой неизвестен, второй — 535 г.). По приведенным аналогиям и монетам погребение может быть датировано VII в.

В этой группе могил монеты найдены также в погребении 23: Пероза (чеканка предположительно 465 г.) и Кавада I (чеканка 506 г.). В этом погребении обнаружены массивная железная кольчуга, серебряный ритон в форме головы быка (рис. 3, 2), витая гривна (рис. 1, 42), круглопроволочный браслет (типа рис. 1, 40), деревянные ножны, прямоугольные поясные накладки, золотое ромбовидное украшение, инкрустированное каменной вставкой в обрамлении зерни.

Из перечисленных вещей наибольший интерес представляют железная кольчуга и серебряный ритон. Кольчуга — в форме рубашки длиной 90 см и шириной в среднем 110—120 см. Она свита из круглопроволочных в сечении колец диаметром около 0,8—1,0 см. Ввиду сильной коррозии металла характер соединения колец воспроизвести трудно, однако отчетливо видно, что два соседних кольца перехвачены третьим.

Серебряный ритон (рис. 3, 2) имеет коническую шейку, верхняя часть которой обломана. По верхнему и нижнему краям она украшена рельефными полосками в виде витых жгутов, пространство между которыми заполнено узором из рельефных лепестков. Узоры между рогами и на лбу нанесены гравировкой. Уши припаяны отдельно. Во рту имеется отверстие в виде короткой трубки.

Погребение 23 относится к VII в., возможно к первой его половине.

Из вещей этой хронологической группы уникальна деревянная чаша из погребения 24, имеющая ручку в виде медведя (рис. 3, 1). Скульптура медведя и чаша выточены из единого куска дерева, возможно капа. Туловище и лапы зверя украшены медными штырьками, уши — серебряными накладками. Очень выразительна морда с полураскрытой пастью. Чаша по краю окантована медными пластинками треугольной формы.

Наиболее поздние в этой группе погребения 1—4. Они расположены обособленной группой в северном конце могильника. В погребении 3 обнаружены поясной набор, состоящий из накладок, аналогичных найденным в погребении 25 (рис. 1, 30, 34, 39), и бронзовая цельнолитая пряжка с округлым кольцом, суживающимся к концу, и приостренным

щитком (рис. 1, 31). Подобные пряжки В. Б. Ковалевская датирует второй половиной VII — первой половиной VIII в.²¹

Таким образом, вторая группа погребений может быть датирована временем не ранее VII в., а погребение 1, возможно, относится к началу VIII в.

Выделение двух групп погребений подтверждается корреляционной таблицей (рис. 2, А). Совершенно очевидно, что эти группы разновременны. Учитывая небольшие размеры могильника и то обстоятельство, что все раскопанные погребения составляют единый, хотя и нечеткий ряд, а также то, что вся площадь между погребениями первой (южной) и второй (северной) групп вскрыта и, следовательно, никаких иных промежуточных групп между ними нет, мы приходим к выводу, что обе группы погребений хронологически смыкаются. Поскольку среди погребений второй группы без сомнения есть комплексы второй половины и даже конца VII в., первая группа не может датироваться V в. Наиболее вероятная дата погребений южной группы — VI в., северной — VII — начало VIII в.

¹ Савельева Э. А. Первый Веслянский могильник.— В кн.: Историко-филологический сборник, 8. Сыктывкар, 1963, с. 87, 88.

² Савельева Э. А. Пермь вычегодская. М., 1971, с. 139.

³ Генинг В. Ф. Могильник Качка.— В кн.: Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции ИА АН СССР, I. М., 1959, с. 206.

⁴ Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 106.

⁵ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1974, № 3.

⁶ Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи..., с. 104.

⁷ Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.— ВАН, 12, 1973, табл. 6, 7.

⁸ Там же, с. 86, 87.

⁹ Амброз А. К. Проблемы..., № 3, рис. 9.

¹⁰ Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи..., рис. 8.

¹¹ Амброз А. К. Проблемы..., № 3, табл. 9, 20.

¹² Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи..., рис. 8.

¹³ Голдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.— ВАН, 9, 1970, табл. 39.

¹⁴ Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи..., рис. 8.

¹⁵ Амброз А. К. [Рец.] J. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Newolipo.— СА, 1973, № 2, рис. 1.

¹⁶ Голдина Р. Д. Могильники..., табл. 51; Семенов В. А. Петропавловский могильник.— В кн.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976, табл. 1.

¹⁷ Чернов Г. А. Хэйбидя-Педарское жертвенное место в Большеземельной тундре.— СА, XXIII, 1951, с. 312.

¹⁸ Городцов В. А. Подчеремский клад.— СА, II, 1937, с. 116.

¹⁹ Азмеров Р. Б. Уфимские погребения IV—VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии.— В кн.: Древности Башкирии. М., 1970, рис. 7.

²⁰ Голдина Р. Д. Могильники..., табл. 35.

²¹ Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи..., рис. 8.

В. Ф. ГЕНИНГ

ХРОНОЛОГИЯ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

(по материалам могильников Прикамья)

Вопросы абсолютной и в еще большей степени относительной хронологии памятников имеют огромное значение в археологии. От того, насколько приближенным к действительности будет определено событие, в конечном итоге зависит его верная историческая интерпретация. Методика хронологизации памятников разработана пока слабо, а специальных исследований по этой проблеме почти нет.

Хронологический обзор средневековых памятников Восточной Европы, выполненный А. К. Амброзом, представляет собой первую попытку обобщения огромного материала¹. При всей положительности этой работы она не лишена и ряда недостатков, в частности обоснования методики исследования. Из сводной работы по поясным наборам VI—IX вв., подготовленной В. Б. Ковалевской, опубликована пока лишь краткая статья о материалах Башкирии, где аргументация хронологии фактически отсутствует².

Могильники Прикамья содержат большое количество разнообразных металлических вещей, в том числе и поясной гарнитуры, и поэтому представляют собой достаточно хорошие объекты для хронологических разработок. Такие разработки неоднократно предпринимались при публикации их материалов. В данной статье ставится задача в первую очередь обобщения результатов этих исследований и синхронизации как отдельных комплексов, так и археологических культур в целом.

Прикамские могильники имеют одну особенность: абсолютное большинство их относится к какому-либо одному, достаточно небольшому хронологическому периоду, что позволяет применить метод комплексного анализа хронологии отдельной категории вещей одной культурно-исторической области. Суть его сводится к следующему:

1. Для анализа используется массовая категория вещей, частая в памятниках всех периодов. Кроме того, сама категория должна быть достаточно разнообразно представлена. В нашей работе для анализа выбрана поясная гарнитура, включающая пряжки, поясные накладки и наконечники ремней, имеющие различные типологические вариации.

2. Комплексный анализ проводится параллельно по форме вещей, технике их изготовления и способу крепления.

3. В анализе используются материалы из памятников достаточно обширного района — Прикамья, представляющие собой самостоятельную культурно-историческую область. О последнем свидетельствует распространение здесь в эпоху железа оригинальных и самобытных археологических культур (ананьинская, пьяноборские, ломоватовская, полумская и др.). Здесь можно наметить последовательную смену культурных эпох и локальное членение культур. Все это дает возможность уже внутри области оперировать большим сравнительным материалом.

4. Для исследования отдельной категории необходим широкий хронологический диапазон, когда можно проследить вещи в развитии — изменении формы и техники их изготовления. I тысячелетие н. э. вполне отвечает этому требованию.

5. Сама процедура анализа состоит в следующем: а) из всех более или менее широко исследованных памятников выбираются все предметы избранной категории, среди которых выделяются все типы и варианты; б) выбранные типы и варианты группируются по памятникам, причем отдельно внутри памятника выделяются комплексы погребений с монетами; в) сравнение комплексов отдельных памятников по форме и технике изготовления позволяет выделить идентичные или чрезвычайно близкие группы памятников, которые одновременны и составляют один хронологический горизонт; г) какая-то часть памятников может содержать комплексы, характерные для различных горизонтов; при систематическом повторении такого сочетания представляется возможным рассматривать эти различные горизонты как соседствующие, сменяющие друг друга; д) погребения с монетами в отдельных хронологических горизонтах дают возможность наметить основные вехи как абсолютной, так и относительной хронологии; е) в заключение абсолютная хронология каждого горизонта проверяется и уточняется по внешним аналогиям — среди находок в других культурно-исторических областях; это условие во многом определяет и сам выбор категории вещей для анализа, ибо далеко не все типы вещей имеют широкое распространение. Поясная гарнитура I ты-

сячелетия н. э. представлена в массе «космополитическими» типами, встречающимися на огромном пространстве от степей Монголии до равнин Венгрии.

Составленная таким образом таблица дает возможность провести анализ эволюции формы, техники изготовления и употребления определенной категории вещей на протяжении длительного времени и наметить основные хронологические этапы их развития.

Памятники рубежа нашей эры представлены в Прикамье богатейшими могильниками чегандинской³, кара-абызской⁴ и гафурийско-убаларской⁵ культур.

Материалы этих памятников показывают, что Прикамье было областью распространения своеобразных поясных наборов с кольцевыми, эполетообразными застежками и застежками в виде простых крючков. Довольно часто встречаются и поясные накладки различных форм. Аналогии этим вещам в других районах очень немногочисленны, поэтому мы не включили их в нашу сводную таблицу. Общая датировка пьяноборских комплексов III в. до н. э.—II в. до н. э. установлена надежно по другим вещам и не вызывает особых споров.

Трудно пока установить более или менее точно рубеж распространения новых типов пряжек и накладок, характерных для I тысячелетия н. э. Скорее всего это начало III в. В самых поздних захоронениях ряда могильников (Ныргында I и II) появляются единичные пряжки с круглым кольцом и вращающейся обоймой, приклепанной к ремню⁶. Изделия эти еще весьма несовершенны, грубы и настолько редки, что надежной опорой для датировки служить не могут.

Период III—IV вв. представлен в Прикамье комплексами азелинской⁷ и мазунинской⁸ культур (рис., А—Д). Азелинское население впервые в Прикамье в массе носит пояса с пряжками, накладками и наконечниками. мода на поясные ремни с эполетообразными застежками постепенно угасает. Реже встречаются пряжки у мазунинского населения, где еще нередки различные петельные застежки (рис., А16).

В азелинских комплексах постоянно встречаются пряжки с вращающимся овальным, реже В-образным кольцом и длинной задней прямоугольной пластиной с вогнутыми длинными сторонами (рис., Г3; Д1—4). В мазунинских древностях они единичны (рис., В2; В3). Остальные формы (рис., Г2; Д5, 7 и др.), в том числе пряжки из цельной пластины (рис., Г1, 4; Д9—12), более редки. Об одновременности всех этих типов мне уже приходилось писать⁹.

Датировка этих комплексов III—IV вв. довольно хорошо обосновывается надежными аналогиями. Пряжки с округлым кольцом, иногда немного утолщенным спереди, и язычком, не выступающим далеко над кольцом, короткой задней пластиной (в отличие от более поздних!), оттянутой от кольца за счет удлиненных петелек, охватывающих кольцо (рис., Д6), аналогичны пряжкам из черняховских памятников¹⁰, для которых поздняя дата — время гуннского нашествия на Северное Причерноморье: 370—375 гг.

Прикамские комплексы III—IV вв. находят поразительно близкие аналогии в позднеримских могильниках IV в. Среднего Подунавья¹¹. В качестве примера приведем могильник Шегвар, в котором из 342 погребений происходит 147 монет (а всего найдено 183 монеты 346—375 гг.). В могилах обнаружено более 50 пряжек, восемь из них с монетами¹².

Некоторые прикамские пряжки полностью повторяют формы из Паннонии. Это пряжки с одной и двумя полукружиями на конце пластинки (рис., А1; Г2, 4; Д5, 7) и пряжки с овальным кольцом и округлой пластиной (рис., Д6)¹³. Пряжка с овальным кольцом и прямоугольной, слегка расширенной к концу пластиной (рис., Д12) также имеет много сходного с паннонийскими по форме задней пластины¹⁴. Полностью

сходна с паннонийскими пряжка из Сайгатского могильника (рис., В4). Прямоугольная форма кольца-приемника с фасетированием граней (рис., Г4; Д9, 10), В-образные кольца-приемники, типичные для крупных азелинских и мазунинских пряжек (рис., А2, Б1, 2, В3, Г3, Д2, 3) — все это характерно и для паннонийских пряжек. Большое сходство имеется и в общем стиле исполнения пряжек. Так, для азелинских пряжек типично гранение кольца-приемника и язычка-иглы, нередко с площадкой у основания (рис., Г3; Д1—4). Точно такое же оформление имеют многие пряжки из Паннонии¹⁵. В более поздних комплексах — V в. — такие пряжки, как правило, отсутствуют. Здесь кольца обычно из дрота круглого сечения, а язычки гладкие, тоже круглые. Отметим еще одну деталь: задние пластины многих азелинских пряжек, а у цельнолитых — также и квадратные приемники, имеют своеобразную отделку по граням пластин в виде небольших срезов или насечек (фасетирование). У прямоугольных пряжек эти срезы образовывали по углам возвышающиеся квадратные площадки (рис., Г4, Д9, 10). Этот же прием украшения характерен и для некоторых шегварских экземпляров¹⁶.

Наконец, еще одна весьма существенная деталь: язычки-иглы у всех пряжек — как азелинских, так и паннонийских — не выступают или лишь слегка выступают за пределы кольца-приемника, но никогда не нависают, далеко выходя за кольцо и загибаясь вниз, как у пряжек V в.

Сходен и общий стиль исполнения наконечников ремней из согнутых пополам (или расщепленных) пластин, в которые вставлены концы ремней, закрепленные заклепками. Различаются лишь формы пластин (рис., А15; Б19—21; Г10—12; Д22—26)¹⁷. Прикамские ременные накладки в форме бантиков (рис., Д21; Г9) и в форме прямоугольных пластин, суженных в середине, с насечками по краю (рис., А10; Б5) имеют также аналогии в Паннонии¹⁸.

В заключение отметим еще одну находку — фигурную пряжку из городища Чеганда I, явно привезенную из области сарматов Венгрии, где подобные пряжки нередки¹⁹. С позднесарматскими комплексами Венгрии сходны также азелинские цельнолитые пряжки с квадратной пластиной и круглым приемником (рис., Д2)²⁰.

Такое совпадение форм, технических приемов изготовления массовых вещей позволяет уверенно сопоставить хронологически азелинские и мазунинские комплексы с венгерскими, несмотря на разделяющее их значительное расстояние²¹, и тем самым принять IV век как одну из надежных дат азелинской и мазунинской культур.

Раннюю дату — III в. — по имеющимся материалам установить пока трудно. Поэтому отметим лишь находку медной монеты Александра Севера (222—235 гг.) в Ижевском могильнике²².

Период V — середины VI в. характеризуется большими коллекциями из могильников Башкирии — Турбаслы, Бирск, Старое Кабаново и др.²³ — и Верхнего Прикамья — Бурково, Митино, Харино, Качка и др. (рис., Ж — И)²⁴. Особенно ценны находки в Тураевском могильнике на Нижней Каме, где найдено более 50 пряжек и 60 наконечников ремней (рис., Е)²⁵.

Пряжки этого времени имеют овальное, сильно утолщенное спереди кольцо из круглого дрота. Язычки — круглые с резким уступчиком у основания (рис., Е8; Ж5 и др.). Конец язычка обычно притуплен и сильно нависает над кольцом, загибаясь вниз, причем, очевидно, чем позже, тем он длиннее. Задняя пластина — обойма, прикрепляющая пряжку к ремню, бывает полукруглой, иногда (реже) в виде лунницы (рис., Е1, 6; Ж6 и др.), треугольной (рис., Е8, 10; Ж5 и др.), прямоугольной и трапецевидной (рис., Е11; Ж3; К2 и др.) формы. Первые типы более часты в ранних комплексах, последние — в поздних. Задняя пластина всегда придвинута к кольцу или даже накрывает его (рис., Е6; Ж4, 9). Заклепки, скрепляющие обойму с ремнем, всегда имеют высокую сфери-

ческую головку (рис., *E4*; *K6* и др.). Остальная поясная гарнитура — накладки и наконечники — сделана, как правило, из медной жести, нередко с посеребрением (рис., *Ж18*, *19*; *M22*). Часть этих вещей — дальнейшее развитие более ранних типов — наконечников из склепанных пластин (рис., *E23—24*). Широкое распространение получают прямоугольные, полые в виде коробочек наконечники с цилиндрическим расширением внизу (рис., *E20*, *21*; *Ж14*; *И4*; *Н16* и др.), реже встречаются наконечники из пластин с небольшим продольным ребром (рис., *E28*, *29*; *Ж13* и др.) или пластин с кольцом внизу (рис., *E15—17*; *Ж11*, *12*). Поясные накладки еще сравнительно редки (рис., *E22*; *Ж17—19*; *И1*, *2*; *K16—18*). Наряду с медными принадлежностями поясной гарнитуры нередки экземпляры из серебра и золота или с позолотой и вставками из камней, пасты или стекла (рис., *E6*, *18*, *19*; *K11*, *12*; *L9*).

Вопросы хронологии описанных комплексов рассмотрены подробно в ряде наших публикаций, и нет надобности поднимать их здесь вновь²⁶.

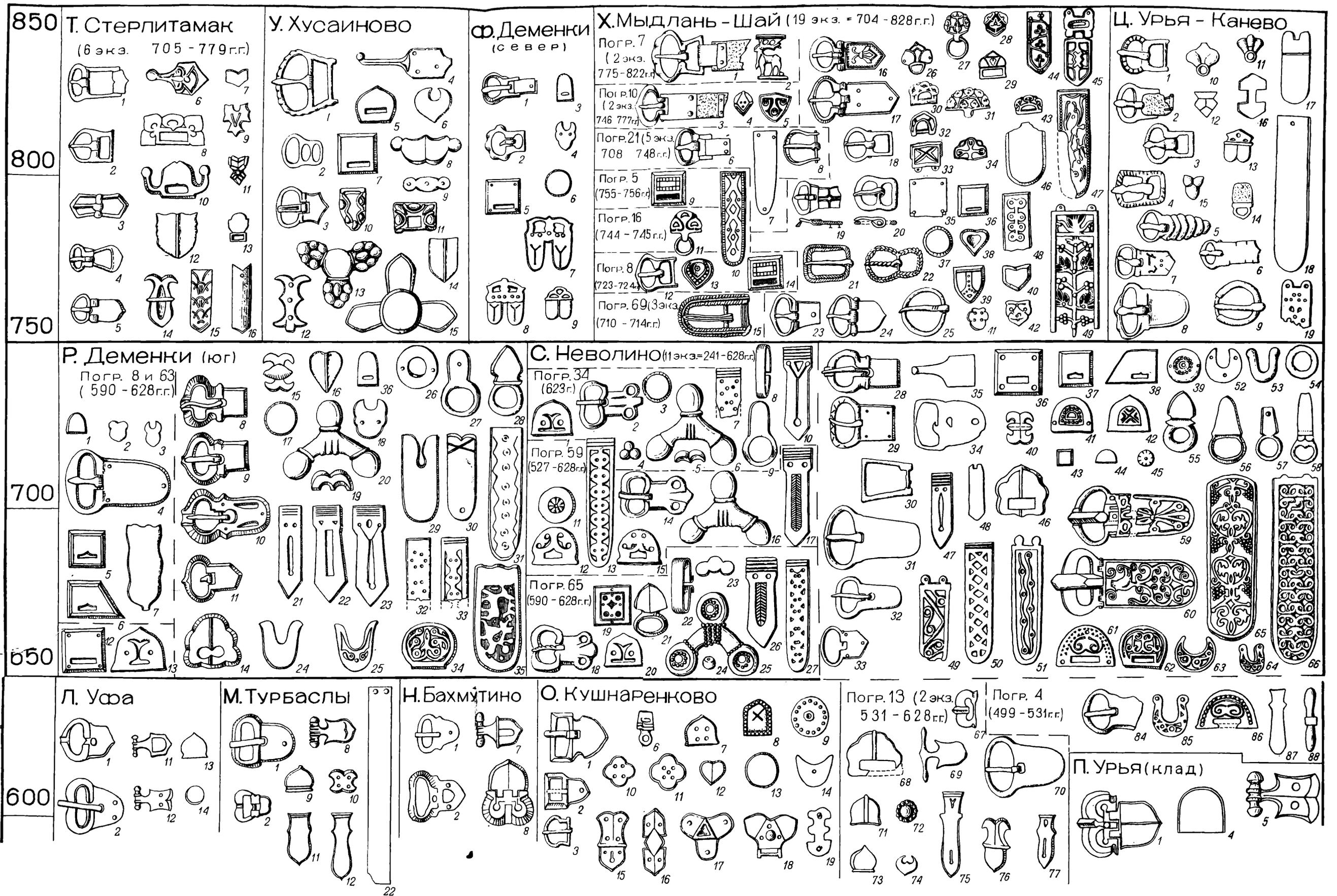
Позднюю дату комплексов V — первой половины VI в. можно пока реально ограничить распространением вещей нового типа, датируемых в пределах ранней части второй половины VI в.

Однако вначале отметим еще одну группу своеобразных изделий, найденных лишь в могильниках Центральной Башкирии. Это пряжки и наконечники, покрытые золотой фольгой целиком или лишь на задней пластине. Кольца пряжек обычно овальные, сделанные из медных пластин, скошенных к наружной стороне кольца; язычки широкие, также пластинчатые. Листки золотой фольги, покрывающие задние пластины у пряжек и наконечников, имеют обычно тисненый узор в виде кружков или змейки, заключенных в рамку (рис., *34*, *5*, *11—13*; *L6*, *7*; *M5*). Пряжки этого типа, судя по находкам в погребениях стадии В Бирского могильника (рис., *34*, *5*, *11—13*), относятся к первой половине VI в. Этому не противоречит и форма кольца-приемника, близкая цельнолитым пряжкам VI в. (рис., *L2*; *M1* и др.). Надо, однако, отметить, что наконечники ремней (рис., *312*, *13*), найденные в комплексах с данными пряжками, встречаются в южных степях и в Центральной Европе в комплексах гуннского времени — первой половины V в. (Шипово, Покровск, Нижняя Добринка, Новогригорьевка, Хёкрихт в Силезии и др.)²⁷. Но во всех этих комплексах пряжки иного типа, сходные с прикамскими, описанными выше, и часто с инкрустациями.

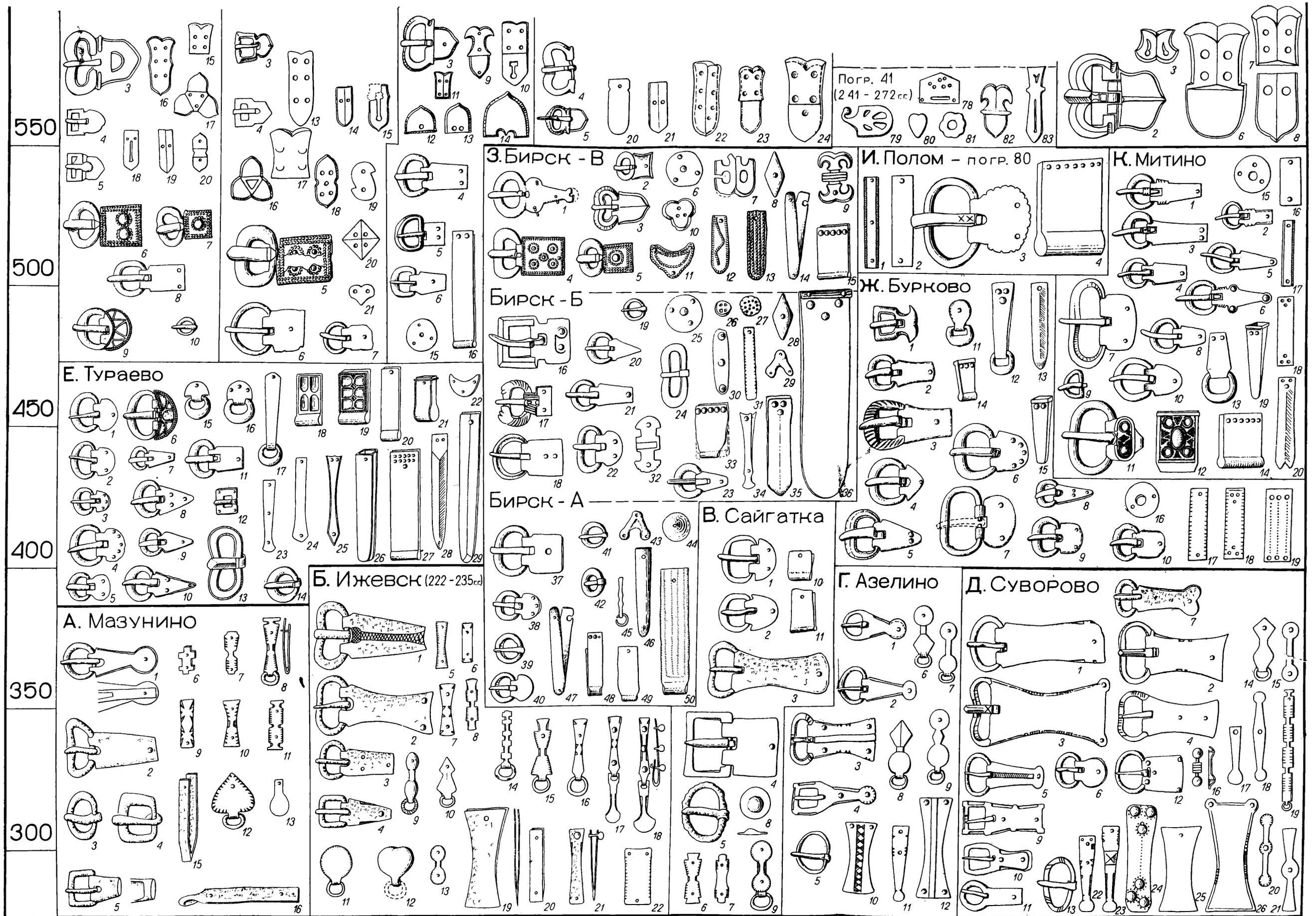
Комплексы второй половины VI и первой половины VII в. в Прикамье изучены лишь в последние годы благодаря раскопкам в Кушнареновском, Петропавловском, Агафоновском, Неволинском, Турбаслинском, Бирском и других могильниках²⁸.

В середине VI в. происходит быстрая и довольно резкая смена как форм, так и техники изготовления поясной гарнитуры. В технике — это внедрение цельнолитых изделий, обычно небольших по размерам, но довольно массивных, и начало производства штампованных изделий, подражающих цельнолитым. К концу периода заметно увеличиваются размеры изделий. Широко распространяется их фигурное оформление с гладкой и нередко прорезной поверхностью (рис., *L3*, *18*, *19*; *H2*; *O10*, *15* и др.). В форме изделий особенно часто встречаются различные вариации сердцевидных мотивов (рис., *L12*, *16*; *M8*, *10*, *17*; *H9*; *O23*, *24*; *L3*, *6* и др.).

У пряжек нередки квадратные (рис., *L4*, *5*; *O1* и др.) или В-образные приемники с углубленным ложем для язычка (рис., *M2*; *H3* и др.). Последние во второй половине этого периода становятся прототипами для литых псевдопряжек, украшающих ремень (рис., *H8*; *П1*), когда более характерны полуовальные кольца-приемники с бортиками у ложа для язычка (рис., *L1*). Характерная особенность пряжек этого периода — приемники-кольца, изготовленные в виде пластины с фигурной огранкой, причем пластина всегда расположена скошенно по отношению к плоско-

Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья)

сти пряжки. Язычки у многих пряжек еще сильно выступают и по-прежнему имеют площадки и крутой срез у основания (рис., *H3*; *O1*; *P2*). Часто встречаются также костыльковые застежки (рис., *L11*, *12*; *M8* и др.).

Задние пластины пряжек обычно имеют закраины-бортики для придания им большей массивности и крепятся к ремню при помощи прилитых штифтиков. Это характерно также для накладок и наконечников ремней, среди которых наряду со строгими прямолинейными формами (рис., *L18*, *19*; *O21* и др.) много всевозможных вариаций весьма вычурных контуров (рис., *M10—12*; *H9*; *O15—18*; *P3*, *6* и др.). Штампованные экземпляры (рис., *O8*, *9*, *11*, *17*, *22—24*) зачастую повторяют литые как по общим контурам, так и по украшению поверхности.

Поясная гарнитура этого времени очень часто изготовлена из серебра. Ранние типы вещей датируются по аналогиям из Чуфут-Кале (склеп 34 с монетой 565 г.) и Сууксу (особенно склеп 56 с монетой 527—565 гг.)²⁹. Интересна еще одна аналогия. В Уфе вскрыто богатое женское погребение с золотыми колтами, медальонами, пряжками и накладками³⁰. Точно такие же колт и медальоны найдены вблизи Анапы, причем золотая цепь, на которой были подвешены медальоны, оканчивалась застежкой, в которую была вправлена золотая монета 526—527 гг. Юстина и Юстиниана³¹. Аналогичная цепь из серебряной проволоки была обнаружена в Агафоновском могильнике³². Таким образом, в Причерноморье находки поясной гарнитуры этого периода сопровождаются монетами середины VI в., что и позволяет датировать начальный период распространения рассматриваемого типа второй половиной VI в. Поздний период данного типа можно датировать уже по прикамским находкам. В Неволинском могильнике довольно хорошо выделяется группа ранних погребений с поясными наборами рассматриваемого типа. В трех из них найдены наиболее ранние монеты (рис., *C67—88*). Интересно, что в погребениях с поясными наборами других типов были обнаружены только монеты Хосрова II (590—628) и ни разу не встречались более ранние (рис., *C1—27*). Если для Прикамья принять поправку к датированию по монетам, то ранний комплекс будет относиться к концу VI — первой половине VII в.³³

Вторая половина VII — первая половина VIII в. в прикамских материалах наиболее полно представлена в могильниках Неволинском, Бродовском и Горбунятском на р. Сылва (рис., *C*), Деменковском, Агафоновском и других в Верхнем Прикамье (рис., *P*), Поломском I на р. Чепца и Манякском в низовьях р. Белая³⁴.

Для этого периода характерно дальнейшее развитие техники литья и штамповки. Изделия немного крупнее, чем в предшествующее время, и изящнее. Значительно упрощаются формы — в основном сохраняются арочные и прямоугольные. Нередки еще прорезные узоры на литых изделиях (рис., *P10*, *21—23* и др.), а на штампованных появляются ажурные узоры из кружков, прямоугольников и завитков (рис., *C17*, *19*, *25*, *39*, *41* и др.). Пряжки имеют обычно полуовальный или В-образный приемник, часто с бортиком для ложа язычка (рис., *P10*; *C28*). Приемник сохраняет пластинчатый скошенный профиль. Язычки гладкие, чаще всего без уступчика у основания, и прикрепляются к приемнику через отверстие у перехода от приемника к пластине. У отдельных экземпляров, вероятно более поздних, появляются шарнирные крепления язычка при помощи стерженька, проходящего через отверстие в основании приемника (рис., *C33*). Задние пластины имеют трехлепестковую, прямоугольную или полуовальную форму. Крепились они к ремню при помощи штифтиков, прилитых с обратной стороны или продетых сквозь маленькие отверстия в пластине, но поверхность всегда зачищалась заподлицо с пластиной. Изредка встречаются рамчатые пряжки трапециевидной формы (рис., *C30*) и застежки-крючки с пластиной и шпичкой на стержне (рис., *C35*), продолжающие развитие более ранних костыльковых застежек.

Пряжечки для подвешивания ремешков обычно имеют овальное кольцо и короткую полукруглую, иногда заостренную верхнюю пластину (рис., P27, 28; C9, 21, 55—58).

Большое разнообразие наблюдается среди поясных накладок, специализированных для различных частей пояса. Основной ремень украшали обычно квадратными, арочными и круглыми, сердцевидными и Ж-образными накладками (рис., P15—17; C3, 12, 15, 19, 20, 36—42, 46). Кожанные подвески к ремню покрывали прямоугольными и трапециевидными накладками, на которых иногда имелись прорезы с двумя полукруглыми выступами сверху (рис., P21—23; C10 и др.). В нижней части этих подвесок крепились накладки-тройчатки и всевозможные мелкие накладочки (рис., P19, 20; C4—6, 24, 25, 43—45).

Наконечники ремней все литые, в виде длинной пластины с закругленным концом. Поверхность всегда с узором (рис., P7, 29—33; C13, 27, 49—51). Особую группу составляют крупные пряжки, накладки и наконечники с орнаментом из завитков виноградных гроздьев, с изображениями птиц и оленей (рис., P34, 35; C59—66). Эта группа вещей, несомненно, привозная — возможно, византийского происхождения.

Датируются рассматриваемые комплексы поясной гарнитуры VII—VIII вв. прежде всего по находкам монет. В Неволинском могильнике три чрезвычайно богатых погребения — 34, 53, 65 (рис., C1—27) — с совершенно идентичными наборами, в том числе и поясных принадлежностей, содержали сасанидские монеты Хосрова II (590—628). Монеты этого же времени были в Деменковском (рис., P1—7), Усть-Иргинском, Бродовском и Горбунятском могильниках³⁵.

Период от середины VIII до середины IX в. — последний в прикамских материалах — представлен наиболее полно и всесторонне комплексами многих могильников и наиболее надежно датируется находками монет в могильнике Мыдлань-шай³⁶.

Поясная гарнитура периода VIII—IX вв. весьма своеобразна. С одной стороны, она несомненно продолжает развитие традиций в форме и технике предшествующего времени, но наряду с этим несет и много нового. Среди пряжек основная масса цельнолитые. Одна группа, продолжая старые традиции, имеет сплошную заднюю пластину, при помощи которой прикрепляется к ремню (рис., T5; У3; X23, 24; Ц5—8); другая имеет рамку, на которую внахлест закрепляется ремень при помощи специальных заклепок, иногда с пластинами-шайбочками (рис., T1, 2; У1, 2; Ф2; X12, 15, 18, 20, 22). Эта восьмеркообразная форма характерна только для данного времени. Нередко на рамку надевалась медная обойма, в которую вставлялся конец ремня (рис., Ф2; X6 и др.). Пряжки этого периода немного меньше по размерам, чем предшествующие, и отличаются еще некоторыми деталями. Приемник обычно полуовальный, лишь изредка с небольшим выступом, само кольцо приемника — чаще с овальной профилировкой. Нет той скошенности и четкой огранки, которая характерна для более ранних экземпляров. Язычок у восьмеркообразных пряжек крепится за среднюю перекладину (рис., T3; Ф2; X12, 20 и др.), а у пластинчатых — почти всегда при помощи стержня, пропущенного у основания приемника (рис., У3; X23, 24; Ц8 и др.). В значительном количестве встречаются и составные пряжки с шарнирным скреплением приемника и задней пластины (рис., X16, 17).

Среди поясных накладок наблюдается исключительно большое разнообразие форм: круглые, сердцевидные, квадратные, трехлепестковые, арочные и др. Последние имеют прямоугольную или полуовальную прорезь для ремешка-подвески (рис., T8; X29, 30 и др.). Оригинальную группу составляют накладочки с колечками внизу (рис., X27). Немало штампованных накладок и наконечников ремней, изготовленных из очень тонкого листка низкопробного серебра на какой-то подкладке, плохо сохранившейся (рис., X5, 9, 10, 13, 14, 46, 47). Наконечников ремней ста-

ло меньше. Они обычно пластинчатые, небольшого размера (рис., *T15, 16; X48; Ц17, 18*). В орнаментации накладок и ~~наконечников~~ трудно указать какой-либо преобладающий мотив.

Датируются все эти изделия достаточно хорошо второй половиной VIII — первой половиной IX в. по монетам, обнаруженным во многих могильниках³⁷.

Основные этапы эволюции поясной гарнитуры I тысячелетия н. э.
Поясные наборы пьяноборской эпохи не находят широких аналогий за пределами Прикамья и даже внутри каждой прикамской археологической культуры отличаются своеобразием форм. Вся поясная гарнитура литая. Это эпоха, когда связи между отдельными культурами не получили еще значительного развития и в каждой бытовали свои специфические формы.

Лишь с III—IV вв. Прикамье включается в широкий ареал общеевропейской и азиатской моды поясной гарнитуры. С этого времени и попытаемся проследить общую тенденцию развития данной категории, в которой довольно четко выделяется три основных периода как по форме отдельных частей поясных принадлежностей, которая подробно была описана выше, так и по технике изготовления и способу употребления. Рассмотрим каждую из этих сторон в отдельности.

Общая техника изготовления поясных принадлежностей

Период I — пластинчатая техника. При изготовлении почти любой части поясного набора — пряжки, накладки и наконечника — бралась отдельная пластина (вырезанная или литая), сгибалась пополам и в виде обоймы охватывала ремень, к которому она и приклепывалась при помощи отдельной заклепки. На Западе сходную технику называют *Vlechinindustrie*, что в буквальном переводе означает «индустрия жести», но, как уже отмечалось, пластина эта не всегда из жести. Если учитывать эту деталь, то весь период можно подразделить еще на две стадии: а) раннюю, когда чаще всего пластины толстые и литые, грани их фасетированы целиком или лишь на отдельных участках (рис., *A—D*); б) позднюю, когда пластины сделаны из листовой медной жести, а фасетирование встречается крайне редко (рис., *E—K*).

Период II — литая и штампованная техника. Любая часть поясной гарнитуры представляет собой одну отливку или штамповку. Все изделия с плоской поверхностью всегда имеют довольно высокую закраину, чтобы придать вещи массивный вид (рис., *L—P*).

Период III — литье остается ведущим в технике, но нередко употребляются штамповка и пластины. Закраины на изделиях уже более редки (рис., *P—Ц*).

Способ соединения кольца-приемника с задней пластиной и язычком пряжек

Период I — обе части изготовлены отдельно, задняя пластина с прорезью в обхват накинута на кольцо-приемник, в прорезь пластины на кольцо продет язычок (рис., *A—K*).

Период II — цельнолитые пряжки — приемник и задняя пластина составляют одну отливку, язычок продет в отверстие у их перехода (рис., *L—C*).

Период III — пряжки цельнолитые или составленные с шарнирным скреплением приемника, задней пластины и язычка (рис., *T—Ц*). Иногда употребляются пластины, в обхват скрепляющие ремень с задней рамкой, — фактически двойная задняя пластина (рис., *Xб* и др.).

Способы прикрепления пряжки к ремню

Период I — крепление при помощи обоймы, иногда задняя пластина двойная и в нее вставляется конец ремня, прикрепляющийся при помощи специальных заклепок (рис., *A—K*). Части пряжки, состоящие только из приемника, у которых ремень наброшен (внахлест) на кольцо (рис., *E13, 14* и др.).

Период II — цельнолитые пряжки всегда имеют на обратной стороне несколько прилитых штифтиков, при помощи которых пряжки приклепываются к ремню, обычно с шайбочками (рис., *Л—П*).

Период III — для ранней стадии характерно только прикрепление к ремню при помощи штифтиков-заклепок (рис., *Р—С*), а для поздней, кроме того, еще и внахлест, причем так крепится не только ремень, но нередко и медная пластина-обойма (рис., *Т—Ц*).

Учитывая все эти стороны эволюции поясной гарнитуры I тысячелетия н. э., можно, очевидно, выделить три основных периода с некоторыми более дробными подразделениями внутри первого и последнего.

Период I—III — начало VI в. — делится на стадии раннюю (*Ia*) — III—IV вв. (рис., *А—Д*) и позднюю (*Iб*) — V — первая половина VI в. (рис., *Е—К*). К ранней стадии в Южном Прикамье относятся памятники мазунинской и азелинской культур, а также, вероятно, культур бахмутинского типа в Южной Башкирии и гаревского типа в Верхнем Прикамье. Временем поздней стадии датируются памятники харинского типа в Верхнем Прикамье и ряд достаточно хорошо обособленных памятников Южного Прикамья (Тураевские курганы, Бирский могильник и др.). На большинстве же памятников Южного Прикамья (именьковской и кушнаренковской культур) обнаружены комплексы, датирующиеся и последующим периодом.

Период II — вторая половина VI — первая половина VII в. (рис., *Л—П*) — включает основную массу памятников Южного Прикамья именьковской и кушнаренковской культур. Среди комплексов, содержащих вещи только этого периода, — Кушнаренковский и Петропавловский могильники. В Верхнем Прикамье к данному периоду относятся погребения агафоновского типа; на р. Чепца — ранние погребения ломоской культуры.

Период III — вторая половина VII в. — первая половина IX в. — делится на стадии раннюю (*IIIa*) — вторая половина VII — первая половина VIII в. (рис., *Р—С*) и позднюю (*IIIб*) — вторая половина VIII — первая половина IX в. (рис., *Т—Ц*). К ранней стадии этого периода в Южном Прикамье можно отнести Маняжский могильник, в Верхнем — прекрасные комплексы неволинской, ломоватовской (деменковской стадии) и в бассейне р. Чепца — ломоской культур. Поздняя стадия представлена в Южной Башкирии материалами Стерлитамакского, Хусаиновского и других могильников; в Верхнем Прикамье — захоронениями урынской стадии ломоватовской культуры; в бассейне Чепцы — хорошо датированными комплексами типа могильника Мыдлань-шай ломоской культуры.

Выделение периодов и стадий — это лишь первый этап в разработке хронологии. Дальнейшая более дробная хронологизация периодов потребует детальных типологических построений и привлечения метода статистического анализа. Опыт такой разработки, сделанной нами на материалах Тураевского могильника, позволяет наметить микростадии продолжительностью менее полувека³⁸.

¹ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2; 3.

² Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

³ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, ч. I. Ченгандинская культура (III в. до н. э. — II в. н. э.). — ВАНУ, 10, 1970, с. 88—93; Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. Камышлы-Тамакский могильник. — АЭБ, III, 1968; Агеев Б. Б. К хронологии могильника Чеганда II. — СА, 1976, № 3, с. 58—67.

⁴ Пшеничнюк А. Х. Биктимировский могильник. — АЭБ, II, 1964; он же. Кара-абызская культура. — АЭБ, V, 1973, с. 162—243.

⁵ Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник. — АЭБ, II, 1968.

⁶ Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. — МИА, № 78, 1960.

- ⁷ *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III—V вв.—ВАУ, 5, 1963. В последние годы новые значительные комплексы азелинской культуры получены при раскопках могильников на правом берегу Нижней Камы (П. Н. Старостин) и на Средней Вятке (С. В. Ошибкина).
- ⁸ *Генинг В. Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье.—ВАУ, 7, 1967; *он же.* Южное Приуралье в III—VII вв. н.э.—В кн.: Проблемы археологии и ранней истории угров. М., 1972, с. 222—247.
- ⁹ *Генинг В. Ф.* По поводу рецензии А. П. Смирнова.—СА, 1966, № 3.
- ¹⁰ *Хвойко В. В.* Поля погребений в Среднем Поднепровье.—ЗРАО, н.с., XII, 1-2, 1901, табл. XIX, 18—21; *Кухаренко Ю. В.* Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном.—СА, XXII, 1955, табл. V, 15; *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.—СА, XXIV, 1955, рис. 13, 8.
- ¹¹ *Lányi J.* Die spätantiken Gräberfelder von Pannonien.—ААН, XXIV, 1-3, 1972, S. 53—213. В работе обобщен материал из 2210 могил, в которых найдены сотни монет.
- ¹² *Burger A. Sz.* The Late Roman Cemetery at Sagvar.—ААН, ЖVIII, 1-4, 1966, p. 99—234.
- ¹³ *Lányi J.* Die spätantiken Gräberfelder... Abb. 52, 28, 29; *Burger A. Sz.* The Late Roman Cemetery... (погребения 72, 194, 202, 307).
- ¹⁴ *Lányi J.* Die spätantiken Gräberfelder... Abb. 52, 9, 12, 14; *Burger A. Sz.* The Late Roman Cemetery... (погребения 111, 151, 221).
- ¹⁵ *Lányi J.* Die spätantiken Gräberfelder... Abb. 52, 4, 8, 16, 25; *Burger A. Sz.* The Late Roman Cemetery... (погребения 133, 227, 241, 249, 270, 311 и др.), pl. XCII, 2.
- ¹⁶ *Burger A. Sz.* The Late Roman Cemetery... (погребения 56, 157, 264, 267 и др.).
- ¹⁷ *Lányi J.* Die spätantiken Gräberfelder... Abb. 54; *Burger A. Sz.* The Late Roman Cemetery... (погребение 311), pl. XCI, 8b, c.
- ¹⁸ *Lányi J.* Die spätantiken Gräberfelder... Abb. 55, 2, 6, 8, 12, 16.
- ¹⁹ *Генинг В. Ф.* Городище Чеганда I в мазунинское время.—ВАУ, 7, 1967, табл. I, 7; *Szabo. Iargy-szarmata sirok kesckemet környeken.*—FA, I—II, 1939, tab. II, I.
- ²⁰ *Párducs M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarn, I.—АН, XXV, 1941, tab. XVIII, 19; L, 11; LVI, 2—9.
- ²¹ Сходство между прикамскими и венгерскими комплексами не ограничивается только поясными принадлежностями. Аналогичны браслеты и некоторые другие вещи, а в последних раскопках П. Н. Старостина обнаружен еще ряд явно привозных вещей, в том числе позднеримский бронзовый шлем. По-видимому, Нижнее Прикамье было конечным пунктом оживленного торгового пути из Паннонии на Верхнюю Волгу. Описанием этого пути, вероятно, пользовался Иордан при описании народов севера Восточной Европы, среди которых упомянуты Меренс, Мордано и др. (*Иордан.* Гетика, § 116).
- ²² *Golenko K. V.* Moneda din Tomis, descoperita la Yjevsk (U.R.S.S. Republica Autonoma Udmurta).—Studii și cercetări de numismatică, III, 1960.
- ²³ *Мажитов Н. А.* Курганный могильник в Ново-Турбаслы.—В кн.: Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959; *он же.* Бахмутинская культура. М., 1968; *Пшеничнюк А. X.* Уфимский курганный могильник.—АЭБ, III, 1968.
- ²⁴ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.—ВАУ, 12, 1973.
- ²⁵ *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. н. э. (захоронение военачальников).—В кн.: Из археологии Волгокамья. Казань, 1976.
- ²⁶ *Генинг В. Ф.* Могильник Качка.—В кн.: Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции ИА АН СССР. М., 1959; *он же.* Тураевский могильник...; *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники..., с. 85—87.
- ²⁷ *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, Taf. 8, 11; 27, 1, 2; 46, 3, 4; 51, 1; 53, 10—12; 64, 7, 8, 12, 17; *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, каталог, № 5, 69, 79.
- ²⁸ *Мажитов Н. А.* Курганный могильник в Ново-Турбаслы; *он же.* Бахмутинская культура; *Erdélyi J., Ojtozi E., Gening W.* Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969; *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.—ВАУ, 9, 1969; *Семенов В. А.* Петропавловский могильник.—В кн.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
- ²⁹ *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов.—ИАК, 19, 1906; *он же.* Некоторые могильники области крымских готов.—ЗООИД, XXVII, 1907; *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма.—СА, XXVIII, 1958; *Пудовин В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Сууксу.—СА, 1961, № 1.
- ³⁰ *Азмеров Р. Б.* Уфимские погребения VI—VII вв. н. э.—КСИИМК, XI, 1951.
- ³¹ *Кондаков Н. П.* Русские клады, т. I. СПб., 1896, с. 195.
- ³² *Голдина Р. Д., Прокопов А. В.* Исследования Агафоновского могильника на Верхней Каме.—АО 1969 г. М., 1970, с. 142.
- ³³ Обстоятельный перечень аналогий к поясным наборам этого времени приведен в работе, выполненной под нашим руководством Р. Д. Голдиной (Могильники VII—IX вв.), выводы которой по хронологии я принимаю полностью.
- ³⁴ *Генинг В. Ф.* Деменковский могильник.—ВАУ, 6, 1964; *Erdélyi J., Ojtozi E., Gening W.* Das Gräberfeld von Nevolino; *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. ...

- ³⁵ Обстоятельный обзор хронологии этого периода с привлечением большого количества внешних аналогий см.: *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. ..., с. 90, 91.
- ³⁶ *Атмеров Р. Б.* Могильник близ Стерлитамака.— СА, XXII, 1955; *Генинг В. Ф.* Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай.— ВАУ, 3, 1962; *Янина С. А.* Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай.— Там же, с. 129—137; *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднедоматовские могильники в Коми-Пермяцком округе.— ВАУ, 9, 1969; *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. ...
- ³⁷ См. обзор: *Генинг В. Ф.* Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай; *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. ..., с. 91—93.
- ³⁸ *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник...

В. И. РАСПОПОВА

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ДАТИРОВКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

На городище древнего Пенджикента, которое раскапывают уже 30 лет, вскрыта почти треть всей территории шахристана древнего города. Раскопаны целиком или частично 125 отдельных многокомнатных жилищ, расположенных в разных частях городища, и более 50 торгово-ремесленных построек, исследованы храмы и оборонительные сооружения. Частично исследована цитадель, где был расположен дворец правителя города.

А. М. Беленицкий отметил: «Главной целью раскопок, что намечалось еще А. Ю. Якубовским, было сплошное исследование городской территории на уровне последнего его строительного горизонта. Такая задача в археологической практике Средней Азии поставлена впервые и несомненно приобретает исключительно важное значение для решения большого комплекса проблем, связанных с историей городской жизни в Средней Азии»¹. Этой методической задачи — вскрытия городской территории на большой площади — Пенджикентская экспедиция придерживается и по сей день.

Наряду с важной и основной работой исследования городища «вширь» ведутся и работы по исследованию его «вглубь». Эти работы показывают, что городище древнего Пенджикента — многослойный памятник со сложной стратиграфией. Его верхний строительный горизонт неоднороден. Работы по изучению стратиграфии так называемого верхнего слоя Пенджикента были начаты О. Г. Большаковым, Е. В. Зеймалем, Б. Я. Стависким, которые установили три этапа жизни на городище, укладываемые в 70—75 лет VIII в. Конец первого этапа приходится на начало 20-х годов VIII в. Затем следует период запустения, и к 740—750-м годам относятся ремонтные работы во многих зданиях (период 2). Конец последнего периода жизни древнего города приходится на 70-е годы VIII в.² Эти выводы были сделаны на основании стратиграфии и нумизматических материалов по отдельным сравнительно небольшим участкам городища.

С тех пор, как были опубликованы результаты этих работ, накоплены большие новые материалы. Данные, полученные по отдельным участкам городища, сейчас сводятся воедино. Работы ведутся по двум взаимосвязанным линиям: 1) исследование нумизматического материала; 2) уточнение стратиграфии.

За время раскопок с 1949 по 1976 г. включительно в Пенджикенте найдено 4585 монет. При таком обилии монет, казалось бы, нетрудно датировать те слои, из которых они происходят. Но трудность заключа-

ется в том, что на согдийских монетах нет даты их выпуска. На них обозначено лишь имя правителя, который их выпустил. Даты имеются только на фельсах. О. И. Смирнова проделала большую работу по отождествлению правителей, имена которых имеются на монетах, с правителями, известными по письменным источникам³. Благодаря этой работе установлены даты основных монетных типов. Монеты ихшидов Согда⁴ датируются так: Шишпира — не позже 642 г. для начала выпуска — не позже 655 г. для конца; Вархумана — вторая половина VII в.; Тукаспадака — рубеж VII—VIII вв.; мастан-Навайана — также рубеж VII—VIII вв.; Тархуна — 700—710 гг.; время правления Гурека 710 (?) — 738 гг. (о монетах Гурека см. ниже); Тургара — 738—750 гг. На каждом из арабских фельсов 60—70-х годов VIII в. указана дата.

Раскопки последних лет в Согде позволили уточнить даты отдельных типов монет. Так, монеты с двустрочной надписью MLK'tnwkk и деградировавшего типа «у-шу» могут быть отнесены к VII в. — они найдены в закрытых комплексах VII в. Пенджикента и Чилека⁵. Монеты так называемого Укара могут быть отнесены ко второй половине VII в.

Уточнена датировка монет пенджикентского литья: так называемого Бидяна и пенджикентской царицы. Важные материалы по этому вопросу получены при изучении мастерской объекта XVI, расположенной в помещении 72⁶. Здесь выяснено, что монеты Бидяна предшествуют монетам пенджикентской царицы. Материалы, полученные при раскопках так называемого монетного двора на объекте XIII городища Пенджикент, подтверждают это наблюдение.

В. А. Лившиц вместо чтения «Бидяан» на монетах предложил читать «Бильга», что позволяет отождествить правителя, выпускавшего эти монеты, с упоминанием в документе В-8 с горы Муг царем Чакин Чур Бильга, правившим до Деваштича⁷. Учитывая это и условия находок монет Бидяна и пенджикентской царицы, можно утверждать, что монеты пенджикентской царицы падают на время правления Деваштича.

При изучении материалов из помещения 72 объекта XVI установлено, что монеты Рамчитака выпущены не позже рубежа VII—VIII вв.

Последнее уточнение относится к монетам Гурека. О. Г. Большаков в результате раскопок объекта III установил, что «монеты с именем Гурека и изображением квадратного отверстия по стратиграфическим данным определено относятся ко времени до Тургара, совпадая, таким образом, с правлением Гурека» (т. е. до 738 г.), и предположил, что они являются монетами самого Гурека⁸. Наблюдения над взаимодействием монет на городище подтвердили предположение О. Г. Большакова⁹. Монеты Гурека типа II встречаются в слоях, перекрытых слоями с монетами Тургара, т. е. в слоях первой четверти VIII в.

Весь нумизматический материал с городища Пенджикент сведен в таблицы¹⁰. Таблицы распределения монет в отдельных помещениях жилых комплексов составлены, исходя из вышеуказанных данных по датировкам отдельных типов монет. Каждому типу монет отводится столбец, а каждому слою в том или ином помещении — строка. Причем нередко в таблицах отдельным помещениям отводится несколько строк. Здесь учитываются условия, в которых найдена монета: на полу (указывается — каком, если их в помещении несколько), в нише стены, на суфе, между полами, в обмазке стены, в кирпиче стены, свода, в завале. Время возведения постройки показывают монеты, происходящие из кирпичей стен и сводов, из-под первоначальных полов. Монеты, найденные по полах, суфах, в нишах определяют дату жизни в этих помещениях. Монеты из завалов могли попасть в них разным путем: из кирпичей стен и сводов, с просевших полов верхних этажей. Они могли быть потеряны посетителями развалин. Монеты из завалов приобретают важное значение для датировки в том случае, если этот завал перекрыт более поздними полами.

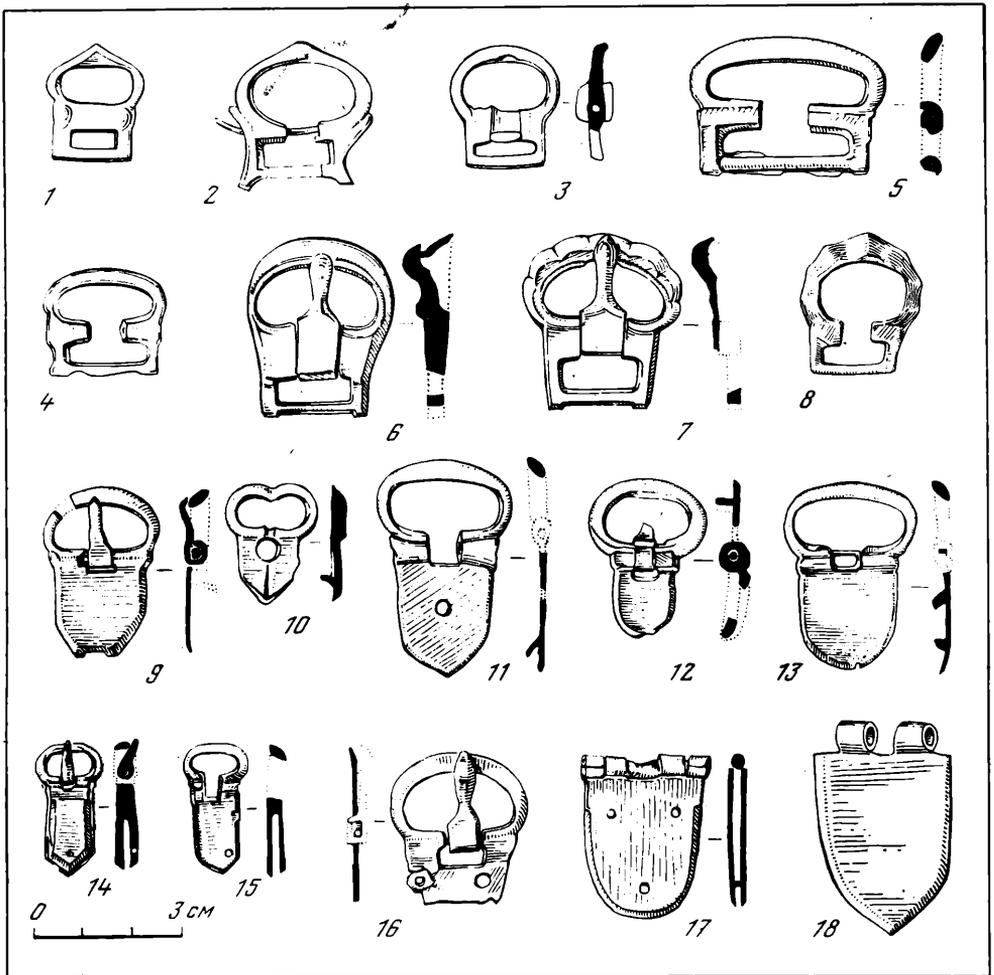

Рис. 1. Бронзовые пряжки

1, 2, 4-9, 11-18 — Пенджикент; 3, 10 — из Самаркандского музея; 1, 5, 17 — из слоя середины VIII в.; 4, 6, 7 — из слоя первой четверти VIII в.; 9, 14 — из слоя третьей четверти VIII в.

Одновременные слои в разных комнатах сопоставляются между собой по стратиграфии жилища, состоящего из нескольких помещений. Таким образом выявляются синхронные срезы по отдельным домам, а на их основе с учетом наслоений улиц и площадей выявляются такие срезы уже для города в целом.

По монетам и стратиграфии выделяются слои VII в.; рубежа VII—VIII вв.; первой четверти VIII в.; середины VIII в.; третьей четверти VIII в. Наиболее дробно в Пенджикенте представлен VIII в. Находки вещей, керамики имеют привязки к слоям, но дата слоя не всегда бывает датой вещи, так как более ранняя вещь могла попасть в более поздний слой. Однако неоднократные находки одинаковых вещей в одном слое позволяют более уверенно датировать такие вещи.

Вещевые находки на согдийских городищах немногочисленны. Ведь в большинстве случаев археолог имеет дело с вещами, случайно потерянными их владельцами или выброшенными из-за того, что пришли в негодность.

Коллекция вещей из металла, найденных на территории Согда, насчитывает менее 800 предметов. Но тем не менее она представляет ин-

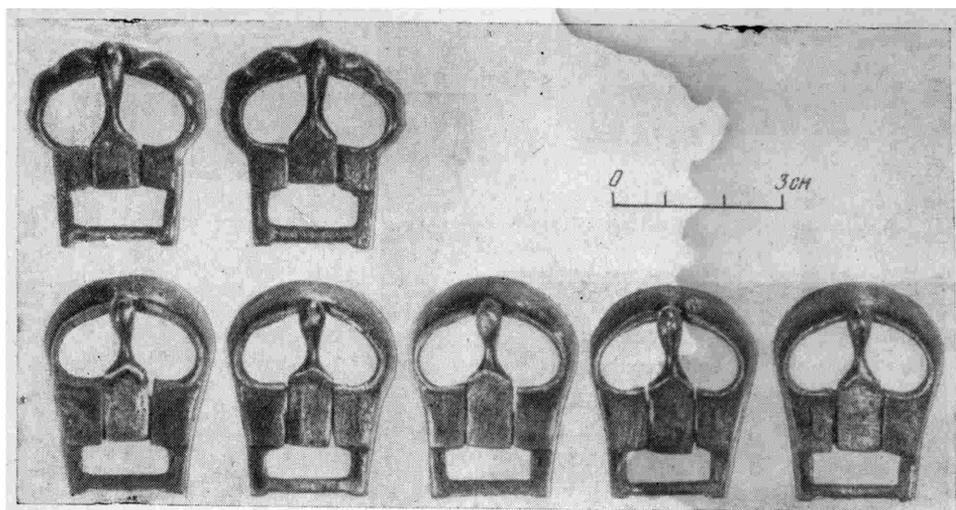

Рис. 2. Бронзовые пряжки из Пенджикента, объект VII, помещение 11

интерес, так как многие вещи происходят из слоев, которые могут быть датированы с точностью до четверти века. Эти находки позволят уточнить даты аналогичных материалов из памятников других регионов.

Остановлюсь на одной категории вещей — деталях поясных наборов из Пенджикента, которые находят аналогии на широкой территории¹¹. Следует оговорить, что некоторые пряжки, накладные бляшки могли быть не поясными, а сбруйнными.

Части поясного набора в подавляющем большинстве отлиты из бронзы. Общей особенностью большинства бляшек, наконечников и щитков пряжек является край в виде скошенной грани.

Рассмотрим сначала пряжки. Все они — с подвижным язычком. Иногда пряжка отливалась вместе с осью, на которой вращался язычок, но у большинства ось представляет собой тонкий стержень, продетый сквозь тело пряжки. На рис. 1, 1—5, 8 показаны пряжки с прямоугольным щитком. В Пенджикенте в слоях первых трех четвертей VIII в. найдено 15 таких пряжек. Особо отметим клад из семи бронзовых пряжек (рис. 1, 6, 7; 2). У двух пряжек рамка оформлена рельефными фестонами, у остальных — гладкая. Клад найден в помещении, входящем в жилище, на полу и в завале которого найдено большое количество монет не моложе первой четверти VIII в. Пряжки отлиты в двух литейных формах и спрятаны неиспользованными. Все это позволяет датировать их довольно точно первыми десятилетиями VIII в.

Пряжек со щитком удлиненной формы в Пенджикенте найдено шесть (рис. 1, 9, 11—15). Две из них происходят из слоев третьей четверти VIII в. Две пряжки того же типа отличаются небольшими размерами (рис. 1, 14, 15). Одна из них найдена в слое с фельсами.

Пряжек с коротким щитком и большой овальной рамкой найдено четыре (рис. 1, 16). Одна из них — в слое с фельсами.

В пенджикентской коллекции имеется три щитка скорее всего от пряжек, крепившихся к рамке с помощью шарнира (рис. 1, 17, 18). Один из них происходит из слоя середины VIII в.

Накладные бляшки более разнообразны. Прямоугольных с узкой прямоугольной прорезью в нижней части имеется 11 (рис. 3, 1, 3). Они происходят из слоев первых трех четвертей VIII в. Бляшка того же типа найдена в замке на горе Муг, гибель которого приходится на вре-

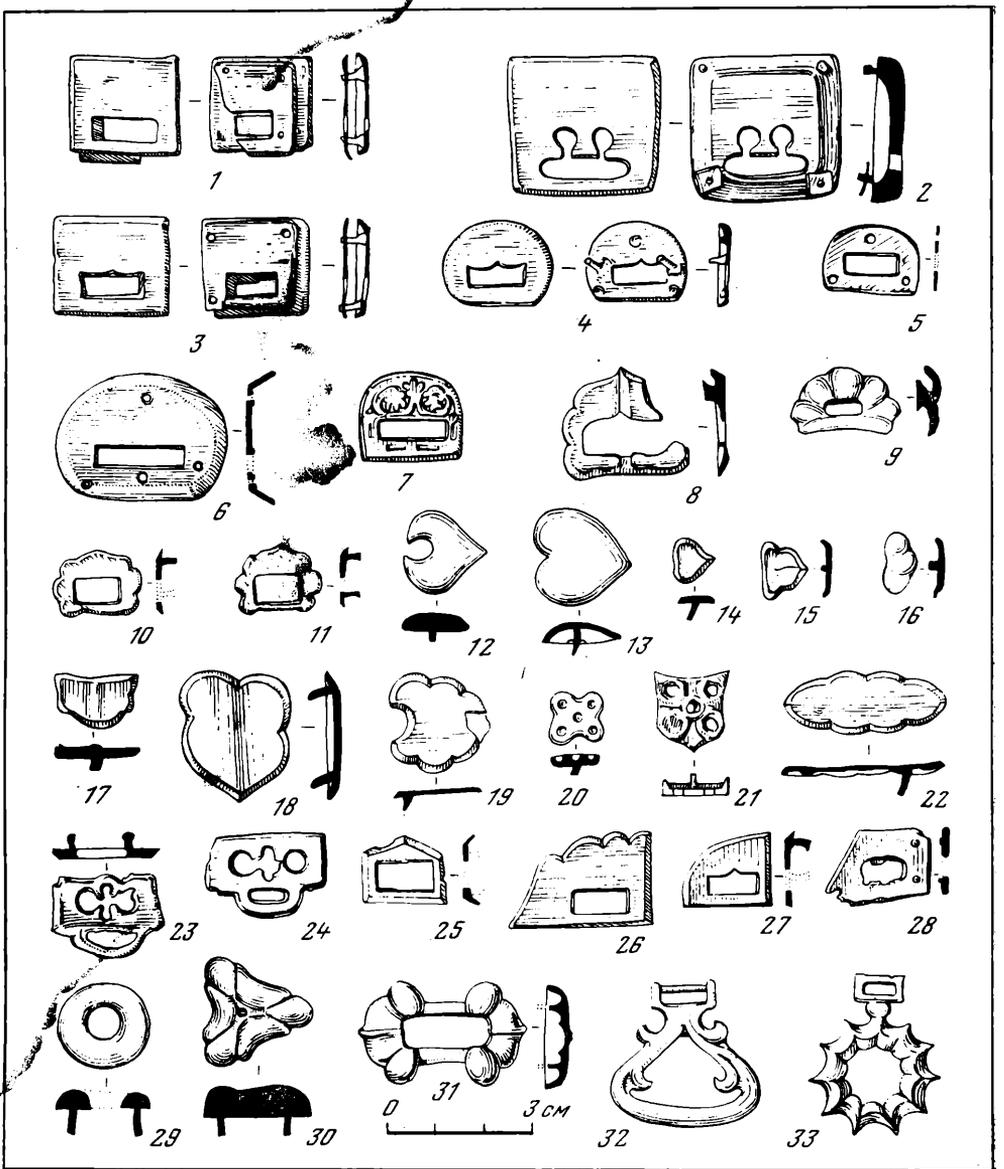

Рис. 3. Бронзовые накладные бляшки

1—7, 10, 11, 14—18, 20—33 — Пенджикент; 8, 9, 12, 13, 19 — из Самаркандского музея; 1, 3, 7, 14, 17, 20, 27, 28, 30 — из слоя середины VIII в.; 10, 11, 29 — из слоя первой четверти VIII в.; 15 — из слоя середины третьей четверти VIII в.; 2, 4, 16, 22, 23, 31, 32 — из слоя третьей четверти VIII в.; 18 — найдена вместе с монетами не моложе первой четверти VIII в.; 20, 27, 28, 30 — из слоя середины VIII в.

мя около 722 г. К бляшкам с прямоугольной прорезью примыкает бляшка, у которой над прямоугольной прорезью — два круглых отверстия (рис. 3, 2). Она происходит из слоя третьей четверти VIII в.

Полукруглых бляшек с прямоугольной прорезью всего 14 (рис. 3, 4—7). Найдены они в слоях первых трех четвертей VIII в. Бляшка с изображением виноградной лозы происходит из слоя середины VIII в. (рис. 3, 7).

Две полукруглые бляшки с фестончатым краем (рис. 3, 10, 11) происходят из слоя первой четверти VIII в. Одна бляшка сердцевидной формы (рис. 3, 14) найдена в слое середины VIII в. Пять разных по раз-

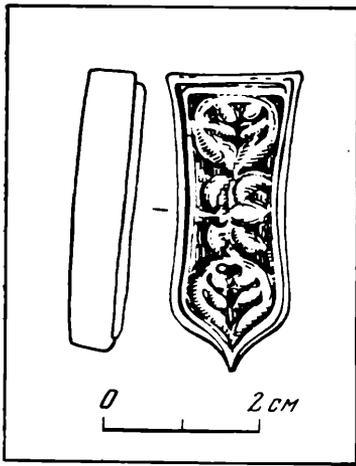
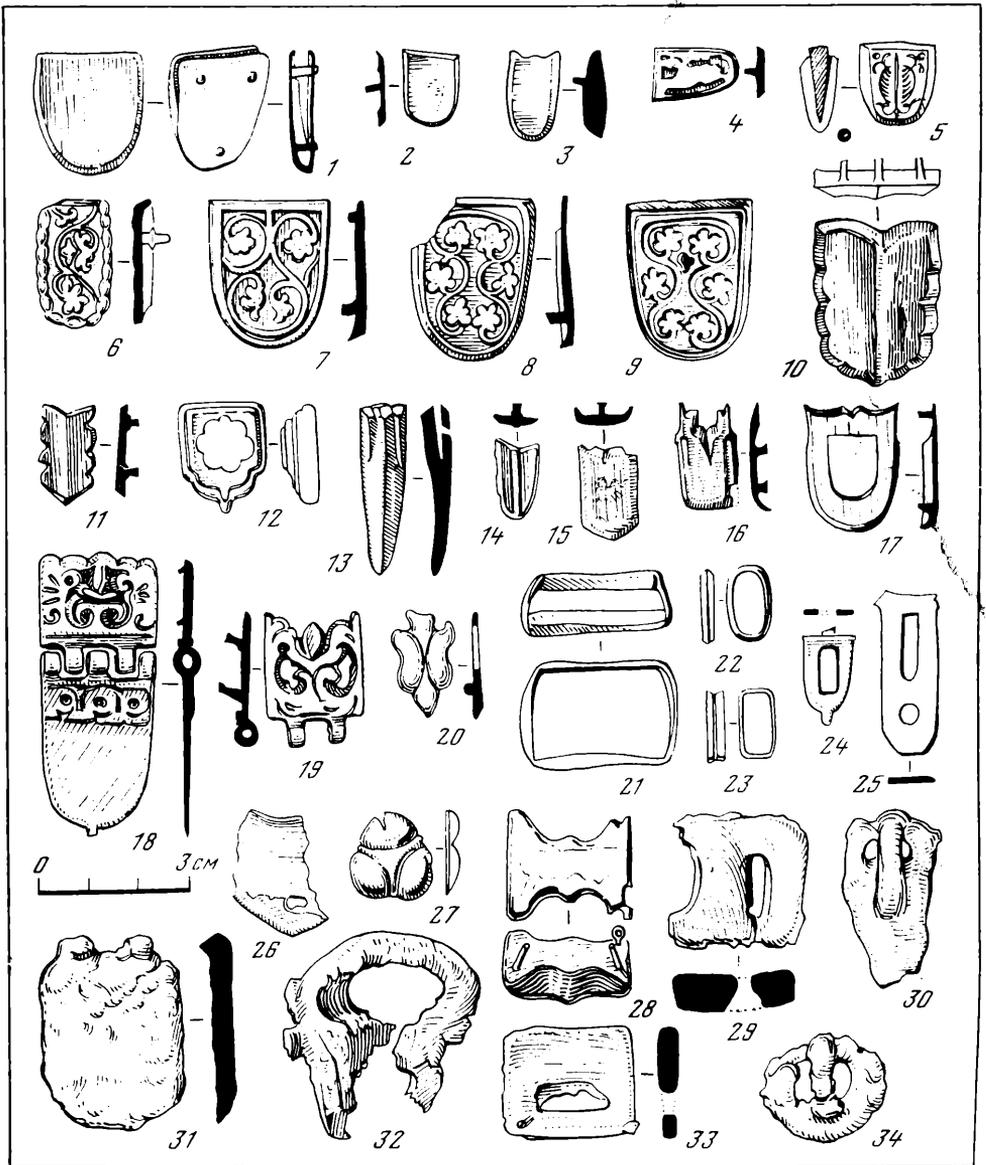

Рис. 4. Бронзовая матрица из Пенджикента, объект XII, квадрат II, ярус 5

Рис. 5. Поясные наконечники и части поясных наборов

1-4, 9-34 — Пенджикент; 5 — гора Муг; 6-8 — из Самаркандского музея; 2, 9, 16, 19, 28 — из слоя середины VIII в.; 3, 11, 13, 15, 18, 20, 21, 24, 25, 29, 33 — из слоя третьей четверти VIII в.; 4 — из слоя VII в.; 5, 10, 22, 23, 31 — из слоя первой четверти VIII в.; 34 — из слоя V в.; 3, 28 — 34 — железо; 15, 16 — серебро; 26 — бронза с обкладкой серебряной фольгой; 27 — золото; остальное бронза

мерам и очертаниям бляшек с фестончатым краем (рис. 3, 15—18) происходят из слоев середины — третьей четверти VIII в.

Имеются две бляшки с углублением для вставок (рис. 3, 20, 21). Одна из них найдена в слое середины VIII в.

Овальных узких бляшек с фестончатым краем две (рис. 3, 22). Одна происходит из слоя середины VIII в., другая — из слоя третьей четверти VIII в.

Три прямоугольные накладки с крестовидной прорезью и петель для подвешивания к поясу каких-то предметов (рис. 3, 23, 24) происходят из слоя третьей четверти VIII в. Найдены они в разных жилищах.

Бляшек пятиугольной формы всего две. Одна из них происходит из слоя середины VIII в. (рис. 3, 25).

Бляшек с наклонным краем три (рис. 3, 26—28). Две из них (рис. 3, 27, 28) обнаружены в слое середины VIII в.

По одной представлены в пенджикентской коллекции следующие бляшки: в виде кружка (рис. 3, 29), найдена в слое первой четверти VIII в.; рельефная треугольной формы (рис. 3, 30), найдена в слое середины VIII в.; рельефная с расширяющимися фестончатыми краями (рис. 3, 31). Последняя бляшка, так же как и подвеска рис. 3, 32, происходит из слоя третьей четверти VIII в.

Как мы видели, все рассмотренные вещи датируются VIII в. В более ранних слоях найдено только два предмета, относящихся к поясу. Это массивный предмет из бронзы, не имеющий приспособлений для крепления, с глубоким рельефным растительным орнаментом. Вероятно, это матрица для тиснения из тонких листов металла поясных наконечников (рис. 4). Найдена она в слое VII в. Из слоя VII в. происходит и литой бронзовый наконечник с нечетким изображением бегущего оленя (рис. 5, 4).

В замке на горе Муг найден бронзовый наконечник, имеющий своеобразный растительный орнамент, выполненный серебряной инкрустацией, причем фон — из серебра, а рисунок — из бронзы (рис. 5, 5).

Наконечник с изображением виноградной лозы происходит из слоя середины VIII в. (рис. 5, 9). В пенджикентской коллекции имеются два наконечника с фестончатым краем, один из которых (рис. 5, 10) обнаружен в слое первой четверти VIII в., а другой (рис. 5, 11) — в слое третьей четверти VIII в. Гладких наконечников с округлым концом обнаружено семь (рис. 5, 1—3). Они найдены в слоях первой четверти — середины VIII в.

Наконечников в виде узкого язычка с продольным ребром два. Один из них (рис. 5, 13) происходит из слоя третьей четверти VIII в.

Серебряных наконечников два (рис. 5, 15, 16). Они происходят из слоев середины — третьей четверти VIII в.

Из завала помещения, дату которого еще предстоит уточнить (во всяком случае не раньше первой четверти VIII в.), происходит бронзовый наконечник полуовальной формы с широкой полуовальной прорезью (рис. 5, 17). В разных местах городища в поверхностном слое найдены два обломка тонких бронзовых накладок, а может быть, наконечников (рис. 5, 24, 25).

Обойм в пенджикентской коллекции имеется пять (рис. 5, 21—23).

Из слоя третьей четверти VIII в. происходит двусоставной наконечник, соединенный шарниром (рис. 5, 18). Верхняя часть орнаментирована рельефной пятичастной пальметкой и отходящими от нее полупальметками. Нижняя часть имеет округлый конец с бородкой и по верху орнаментирована тремя кружками. В слое середины VIII в. найдена верхняя ажурная часть, видимо, от наконечника такого же устройства (рис. 5, 19).

При раскопках дворца правителя Пенджикента, в забутовке одного из хозяйственных помещений, найдена обкладка из тонкой золотой фольги

бляшки рельефной треугольной формы с каплевидными концами (рис. 5, 27). Внутри обкладки имелись зеленые окислы меди. В забутовке встречена керамика VI в. Ее могли изготовить в связи с работами по строительству дворца Деваштича, т. е. в самом начале VIII в. Таким образом, бляшка могла попасть в забутовку не раньше VI в. и не позже начала VIII в.

В Пенджикенте найдены вещи из железа, относящиеся скорее всего к поясу. Это прежде всего пряжка округлой формы с подвижным язычком (рис. 5, 34). Она была в яме, вырытой в материке. Керамика из ямы относится к V в. Постройка, перекрывающая яму, содержит такую же керамику. Все это позволяет отнести пряжку к V в.

Из слоя первой четверти VIII в. происходит щиток, который соединялся с рамкой шарниром (рис. 5, 31). В слое третьей четверти VIII в. найдены железные накладки (рис. 5, 29, 33). На полу бронзолитейной мастерской середины VIII в. обнаружена железная накладка в виде «бантика», на оборотной стороне которой сохранились два бронзовых шпенька и одна петелька (рис. 5, 28).

Таким образом, подавляющее большинство находок из Пенджикента относится к VIII в. (исключая его последнюю четверть). С VII в. связаны лишь отдельные предметы. Но надо отметить, что слой этого времени исследованы в очень немногих местах городища.

Хронология вещей VIII в. до времени сложения салтовской культуры вызывает наибольшие затруднения. Поэтому наш скромный и немногочисленный, но хорошо документированный материал может пригодиться не только специалистам по археологии Средней Азии, но и исследователям, работающим в других регионах.

¹ Беленицкий А. М. Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук [отд. оттиск, с. 8, 9].

² Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III.— МИА, № 124, 1964, с. 116—119; Зеймаль Е. В. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.).— Там же, с. 257—259; Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1954—1959 гг.— Там же, с. 171—176.

³ Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

⁴ Там же. Чтение многих легенд на согдийских монетах за последние годы уточнено. Здесь дается их чтение по кн.: Смирнова О. И. Каталог монет...

⁵ Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дис. Л., 1965, с. 20; Маршак Б. И., Крикис Я. К. Чилекские чаши.— Труды ГЭ, X, 1969, с. 58.

⁶ Распопова В. И. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII—VIII вв.— КСИА, 147, 1976, с. 39—48.

⁷ Livshitz V. A. A Sogdian Alphabet from Panjikant.— In: Henning Memorial Volume. London, 1970, p. 257, footnote 5.

⁸ Большаков О. Г. Отчет о раскопках..., с. 118.

⁹ Распопова В. И. Один из базаров Пенджикента.— В кн.: Страны и народы Востока, X. М., 1971, с. 67—75.

¹⁰ Образец таких таблиц см.: Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв.— СА, 1969, № 1, с. 175; она же. Один из базаров..., с. 73.

¹¹ Здесь рассматриваются только вопросы хронологии согдийских поясных наборов. Других историко-культурных проблем мы не касаемся.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТКАНИ КАК ДАТИРУЮЩИЙ МАТЕРИАЛ

Ткани, в первую очередь шелковые, обладают в качестве датирующего материала рядом несомненных достоинств, а иногда даже преимуществ по сравнению с другими видами археологических находок.

Относительная недолговечность суживает границы бытования тканей — в особенности если это одежда — и делает их в этом смысле более надежным датирующим фактором, чем, например, «долгоживущие» золотые монеты или драгоценные украшения.

Далее, особая роль шелка в эпоху раннего средневековья, когда он приравнялся по стоимости к золоту, создает порой благоприятные условия для установления «родословной» некоторых знаменитых шелковых тканей. Это не только помогает атрибуции данного шелка, но и делает его как бы эталоном для других, близких по стилю и технике. Так, знаменитый византийский шелк из Мозака с изображением конного императора, поражающего льва, был подарен Константином V Пипину Короткому¹, пожертвовавшему его в собор святого Кальмина. Таким образом *terminus ante quem* этой ткани определяется датой кончины короля франков — 768 г., а *terminus post quem* — началом правления названного византийского императора (741 г.). Согласно сохранившейся монастырской документации, рака святого Ламберта в Люттихе была украшена в 705 г. (по другим сведениям — в 718 г.) целым ткацким куском характернейшего согдийского шелка², что опять-таки определяет дату *terminus ante quem* для этой и аналогичных ей тканей. Число подобных примеров могло бы быть увеличено.

Иногда датировке ткани (или даже целой группы тканей) помогают конкретные исторические события, связанные с ее эпохой. Так, например, известно, что египетско-римский «город-люкс» Антиноя, из некрополей которой (беспорядочно раскопанных А. Гайе, вскрывшим за период с 1896 по 1902 г. почти без всякой фиксации 40 тыс. погребений) происходит множество простых и несколько десятков шелковых фрагментов, был разрушен арабами в 640 г. и никогда более не возродился. Поэтому типичный образец продукции Антиноя, найденный на Северном Кавказе в Хасаутском могильнике (рис. 1), должен иметь, как и все другие ткани этого центра, в качестве *terminus ante quem* эту дату. С поправкой на возможную длительность «путешествия» этого фрагмента на Кавказ следует, по-видимому, все же считать, что он очутился в погребении еще в пределах VII в. (тем более что шелк использован в одежде, а сохранность его не свидетельствует о длительной носке). Датировка этого шелка оказывается единственным основанием возводить начало захоронений в Хасаутском могильнике к последней четверти — концу VII в.

Наконец, отдельные образцы средневекового ткачества (чаще всего не старше IX в.) содержат тканые надписи, иногда — с датой (ткань Кливлендского музея с куфической надписью 998 г.), иногда — с именами того или иного политического деятеля (шелк Музея Виктории и Альберта с именем халифа Мервана, видимо Второго, 744—750 гг.); шелк Лувра с именем правителя Хорасана Абу Мансура Бухтегина (верхняя дата — 964 г.); серия византийских шелков громадного раппорта с изображением львов и надписями Романа и Христофора (921—931), Василия и Константина (976—1025) и др. Наиболее ранний случай такого рода — шелковая ткань из раки Мадельберты в Льеже³, в орнамент которой включена монограмма императора Ираклия (610—641). Датировка целой серии тканей, группирующихся по технико-стилистическим признакам вокруг этого шелка, счастливым образом дважды взаимопроверяема: для проис-

ходящих из Антиной, как уже указывалось верхней датой является 640 г.; для происходящих из Панаполиса-Ахмима дату определяет находка аналогичной ткани в Астане с документом 643 г.

Во всех рассмотренных примерах имели место идеальные случаи твердой датировки тканей. Такие случаи, к сожалению, крайне редки, отчего и в хронологии ранне-средневекового текстиля до сих пор существует множество противоречивых мнений и традиционных заблуждений. Порой отсутствие строгой научной методики приводит даже крупных специалистов в области прикладного искусства средневековья к самым фантастическим построениям. Упомянем лишь известного византиста Х. Вентцеля⁴, приписавшего недавно все европейские находки византийских тканей (в число которых попали не только византийские и главное — имеющие бесспорные основания для датировки их VII—VIII вв.) однократной исторической акции: замужеству византийской принцессы Теофано, ставшей в X в. женой императора Оттона. В угоду этой теории была предложена без всяких обоснований тотальная передатировка всего ранне-средневекового текстиля. Одна и та же ткань в разных изданиях нередко фигурирует с датировками, отличающимися на два столетия, причем опять-таки без всяких доказательств.

Эта ситуация в значительной мере связана с тем, что перечисленные выше «достоинства» шелковых тканей как датирующего материала оборачиваются подчас их «недостатками»:

1. Недолговечность тканей обусловила сравнительно небольшое количество сохранившихся во всем мире образцов, что создает обрывочный характер наших знаний и затрудняет создание типологических рядов (северокавказские находки являются в этом отношении уникальным явлением).

2. Высокая ценность шелка привела к специфическим формам его существования в Европе, которое в сущности нельзя назвать «бытованием», но нарочитым сохранением в особых условиях и при особом отношении, что может значительно растягивать «срок жизни» того или иного экземпляра, не говоря уже о легендарных родословных, порождаемых такими своеобразными формами использования шелка и дающих еще больший простор для произвольных датировок.

Так, знаменитый византийский шелк с «охотой Бахрама Гура»⁵ датируется в пределах от VI до IX в. в зависимости от того, например, ориентируются ли исследователи на версию о том, что миланский экземпляр этого шелка (из собора Сант-Амброджио) происходит из гробницы святого Амброзия (куда он был якобы помещен в VI в.), или на версию, что шелк этот изначально, будучи еще новым, украшал соборный алтарь работы Вольвиниуса 835 г. (так же как был новым другой вариант того же шелка, использованный в качестве переплета Пражского Евангелия

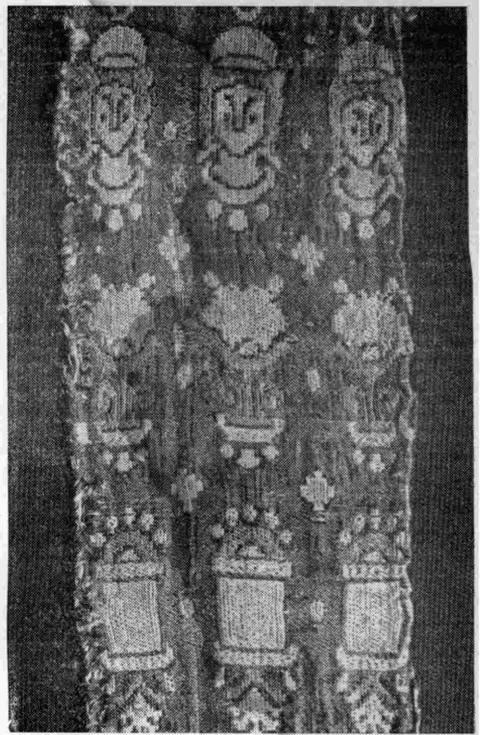

Рис. 1. Шелковый фрагмент из Антиной. Хасаутский могильник

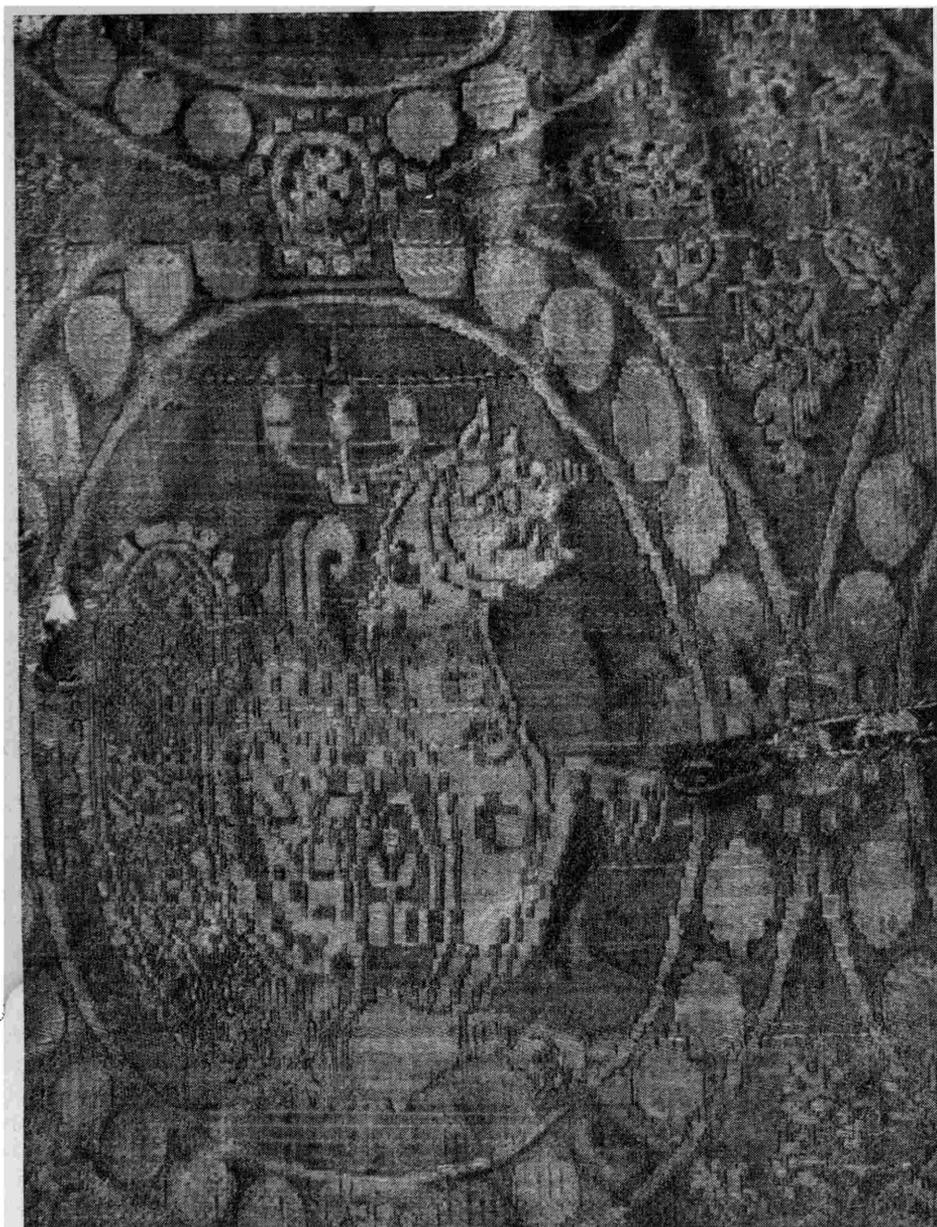

Рис. 2. Шелк «с сенмурвами» (деталь кафтана). Мощевая Балка

IX в.). Между тем особенности стиля и техники этой ткани четко связывают ее с памятниками конца VII — начала VIII в., чему соответствует и находка ее в могильнике VIII—IX вв. Мощевая Балка, и типологическое место в ряду датированных европейских образцов⁶. При этом в любом случае почти век отделяет момент изготовления ткани — или первого из ее вариантов — от использования ее для Пражского Евангелия или в алтаре собора Сант-Амброджио. Что следует в таком случае предполагать: длительность ли использования или длительный выпуск тканей с этим изображением?

Еще один пример: столь же известный, как только что описанный, «шелк с сенмурвами» (из собора Сен-Ло)⁷ был датирован VI—VII вв., исходя из сасанидских изображений — прежде всего одежды Хосрова II

на рельефе из Так-и Бостана. Шелка с этим сюжетом действительно ткались в сасанидском Иране — это не вызывает, разумеется, никаких сомнений. Однако, отождествление с ними шелка из Сен-Ло оказалось несостоятельным: новые находки аналогичных тканей (рис. 2)⁸, составляющих все вместе единую группу, бесспорно доказали, что все эти ткани изготовлены уже в постсасанидскую эпоху, не ранее VIII в. Сюжет этот продолжает существовать и в еще более позднее время: давно известна очень эклектичная византийская ткань XI в., где он присутствует среди других (также «сасанидских») мотивов⁹. Недавно маленький фрагмент шелка с сенмурвами найден в Шпейере, в гробнице Филиппа Швабского (XIII в.)¹⁰. Мы сталкиваемся тем самым с основной проблемой, затрудняющей датировку раннесредневековых тканей (а следовательно, и использование их для хронологизации археологических комплексов), а именно, с фактом механического способа воспроизведения ткацкого рисунка на многоремизном станке, что создает возможность длительного существования каких-то типов узоров, а также передачи «во времени» и «в пространстве» готовых рецептов заправки станка. Это облегчало и возвращение старой моды на какие-либо сюжеты или орнаменты — правда, всегда исторически обусловленные.

В таких случаях, кроме скрупулезного стилистического анализа, на помощь может прийти исследование техники изготовления тканей. Так и в разобранном примере: фрагмент с сенмурвами из Шпейера оказался выполненным в технике «лампас», появившейся не раньше XI в. Анализ ткацкой техники вообще приобретает в последние годы все большее значение, главным образом благодаря координирующим работам Международного центра по изучению древнего текстиля (СИЕТА) в Лионе. Существенная роль в этих работах принадлежит Г. Виалю, который успешно развивает предложенный еще в 40-х годах нашего века Ф. Гюише метод реконструирования типов древнего станка на основании изучения ткацких ошибок. В результате выявлен ряд объективных критериев оценки того или иного образца, позволяющих расставить некоторые хронологические вехи в связи с появлением тех или иных усовершенствований в станке. Так, связанная с многоремизным станком техника «самит» возникает не ранее VI в.; приспособление, регулирующее работу бердо (создающее относительную стабильность размеров раппорта) — не ранее X в.; «лампасная» техника — с XI в. и т. д., вплоть до появления жаккардовой машины.

В этой связи следует, по-видимому, относиться с осторожностью к прямым отождествлениям реально сохранившихся тканей и изображений тканей на различных памятниках. В отношении тканей с сенмурвами этот метод привел, как мы видели, к ошибке в одно или два столетия в датировке шелка. В той же степени возможны и обратные ошибки — при датировке изображения на рельефе или фреске на основании ткани. Не имея возможности детально изучить изображенную ткань ни с точки зрения стиля, ни тем более в отношении техники, нельзя твердо сказать, например, изображена ли в Пенджикенте «ткань с пегасами» типа найденных в Антиное (как это, по-видимому, имеет место на фресках Афрасиаба)¹¹, или поздняя византийская копия таких шелков, известная по «краснофонной ткани с пегасами» VIII в. из Ватикана¹².

Резюмируя все изложенное, подчеркиваем, что мы не отрицаем возможность привлечения тканей в качестве датирующего материала вообще, но лишь излагаем все трудности, с которыми приходится при этом сталкиваться.

При обоснованной датировке, при учете всей информации относительно обстоятельств находки (включая характер использования, степень изношенности и т. д.) ткань может порой играть весьма существенную роль при корректировке даты археологического комплекса.

Помимо «хасаутского» шелка из Антиной, приведем в заключение еще

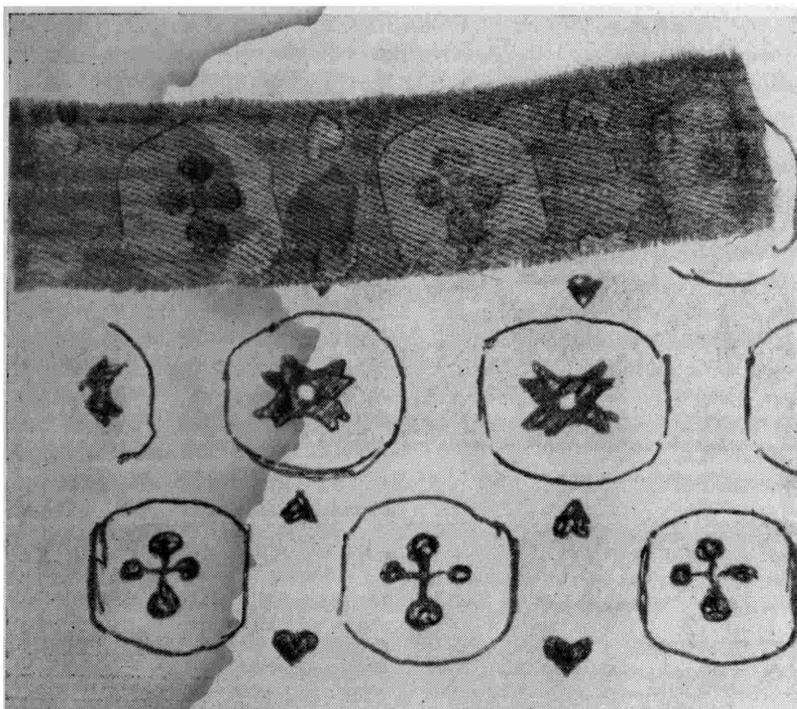

Рис. 3. Фрагмент шелка египетского производства. Верхнечирютовский могильник

два примера, когда шелковые ткани оказывают ощутимое влияние на датировку.

1. Шелк египетского происхождения, декорировавший одежду из погребения 53 Верхнечирютовского бескурганного катакомбного могильника (рис. 3)¹³, принадлежит к рассмотренному выше типу «западных» шелков, для которых перекрестными датировками установлена верхняя дата 640—643 гг. Учитывая, что ткань находилась в интенсивной и, видимо, длительной эксплуатации, этот хронологический рубеж следует, по видимому, передвинуть на несколько десятилетий вперед, отнеся вероятный период, когда ткань попала в погребение, к концу VII в. Факт этот в данном случае немаловажен, поскольку для других датирующих находок из этого могильника (золотых сасанидских и византийских монет середины VII в., позднеасанидских ложных перстней)¹⁴ можно предполагать достаточно протяженную дату. Полученная датировка может быть в известной степени распространена на большую категорию металлических изделий, встречаемых с данной тканью или в сочетании с предметами этого комплекса и имеющих в то же время ясные соответствия в памятниках нижнего слоя Сууксу.

2. Погребальный инвентарь женского погребения из Моцевой Балки, очень стандартный для этого могильника (глиняный кувшинчик, деревянный ковш, плетеная шкатулка, железные тесло с рукоятью и ножик в ножнах, зеркало, типичный набор бус)¹⁵, давал возможность лишь для широкой датировки VIII—X вв. Однако декорировавшие одежду ткани позволяют сузить датировку комплекса. Шелковая ткань с орнаментом в виде трилистника (типа карточных «треф»)¹⁶, почти распавшаяся, декорировавшая шапочку и диадему погребенной, принадлежит к той же группе византийско-египетского импорта, что и «верхнечирютовская». Степень ее изношенности свидетельствует о еще более длительной носке и заставляет отнести ее дату в этом комплексе, очевидно, уже к VIII в. Другой шелк — с двойными секирами (в трех вариантах) — украшал

Рис. 4. Инвентарь из погребения девочки. Мощевая Балка

шубу и платье погребенной. Эта ткань (согдийская или местная) принадлежит к числу наиболее распространенных на Северном Кавказе, что позволяет четко представить типологию их орнамента и техники. Одна из наиболее поздних ее разновидностей представлена мешочком из Эшкакона (IX в.)¹⁷. Более близкий рассматриваемому типологический вариант ткани украшал платье из погребения девочки в Мощевой Балке (рис. 4), где встречены индикации византийских монет первой половины VIII в. По всей вероятности, шелк из женского погребения датируется временем не позднее второй половины VIII в., а его прекрасная сохранность не свидетельствует о длительном использовании. Таким образом, дата рассмотренного погребения — по-видимому, конец VIII в. или, самое позднее, начало IX в.

Приведенные примеры показывают, что ткани могут оказываться достаточно надежным хронологическим показателем, но лишь при условии критического отношения и всестороннего изучения.

- ¹ Музей истории тканей в Лионе. По другим данным, этот дар был приурочен уже к погребению Пипина Короткого. См.: *Micheaux R., de. Le tissu de Mozac.*— Bulletin de liaison du CIETA, n° 17, 1963; *Falke O. Kunstgeschichte der Seidenweberei.* Berlin, 1921, Taf. VIa. В дальнейшем читатель будет отсылаться именно к этому сводному изданию, как наиболее доступному.
- ² Льеж, музей Диозеса. *Иерусалимская А. А.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. — В кн.: *Средняя Азия и Иран.* Л., 1972, с. 10, рис. 2.
- ³ Музей Диозеса, фрагменты — в Ватикане, Марбурге, Дюссельдорфе. *Falke O. Kunstgeschichte...*, Abb. 201; *Volbach W. F. Il tessuto nell'Arte Antica.* Milano, 1966, n° 53, 54.
- ⁴ *Wentzel H. Das byzantinische Erbe der Ottonischen Kaiser.*— Aachener Kunstblätter, 43, 1972, S. 11—96.
- ⁵ *Иерусалимская А. А.* Ткань с Бахрамом Гуром из могильника Моцевая Балка.— Труды ГЭ, V, 1961, с. 40—50.
- ⁶ К середине IX в. один из образцов этого шелка (из собора в Реймсе) был уже настолько ветхим, что его использовали в качестве набивки подушки святого Реми. См.: *Bulletin de liaison du CIETA*, n° 15, 1962, p. 48.
- ⁷ Два фрагмента — в Лондоне и Париже. Библиографию см.: *Иерусалимская А. А.* Новая находка так называемого сасанидского шелка с сенмурвами.— СГЭ, XXXIV, 1972, с. 11—15.
- ⁸ В Реймсе (покров и уже упоминавшаяся подушка святого Реми; последняя — с вышитой надписью, определяющей в качестве поздней даты 852 г.), в Сан Сальваторе (Италия) и в Моцевой Балке (на террасе, не имевшей могил другого периода, кроме VIII—IX вв.). См.: *Jeroussalimskaja A. Le kafetan aux simourghs du tombeau de Mochtchevaia Balka (Caucase Septentrional).*— In: *Studia Iranica*, 1978, t. 7, f. 2, p. 183—226.
- ⁹ *Falke O. Kunstgeschichte...* Abb. 171, S. 24.
- ¹⁰ *Müller-Christensen S., Kupach H. E., Stein G. Die Gräber im Königschor. «Der Dom zu Speyer».*— In: *Die Kunstdenkmäler von Rheinland-Pfalz*, Bd V. Deutscher Kunstverlag, 1972, S. 962, № 1511.
- ¹¹ См. об этом: *Иерусалимская А. А.* К сложению школы..., с. 38—40.
- ¹² *Falke O. Kunstgeschichte...*, Abb. 175.
- ¹³ *Иерусалимская А. А.* Западные ткани на Дальнем Востоке.— В кн.: *Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока.* Л., 1975, с. 49.
- ¹⁴ *Пугинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский катакомбный могильник.— В кн.: *Материалы по археологии Дагестана*, т. II. Махачкала, 1964.
- ¹⁵ Раскопки Е. А. Милованова. Одежда передана в ГЭ, остальной материал — в школьном музее пос. Курджиново Урупского р-на.
- ¹⁶ Абсолютно аналогичную см.: *Иерусалимская А. А.* Западные ткани..., с. 48, рис. 10.
- ¹⁷ *Кузнецов В. А., Рунич А. П.* Погребение аланского дружинника IX в.— СА, 1974, № 3, с. 196—203.

И. П. ЗАСЕЦКАЯ, Б. И. МАРШАК, М. Б. ЩУКИН

ОБЗОР ДИСКУССИИ НА СИМПОЗИУМЕ

Дискуссия по докладам, заслушанным участниками симпозиума (Ленинград, Государственный Эрмитаж, 17—21 марта 1976 г.), затронула множество частных вопросов хронологии раннесредневековых древностей территории СССР. Главными же при обсуждении проблемами были вопросы о верхней дате черняховской культуры; о хронологии памятников «гуьннского круга»; о датировке комплексов с поясными наборами VII — первой половины VIII в.

Тезис доклада М. Б. Щукина о том, что черняховская культура существовала до середины V в., поддержали М. А. Тиханова, В. В. Кропоткин, Е. В. Махно, И. С. Винокур и Э. А. Сымонович. В выступлениях Е. В. Махно, И. С. Винокура и Э. А. Сымоновича отмечались случаи сочетаемости черняховской круговой керамики с раннесредневековой в славянских жилищах-полуземлянках на поселении в Бакоте и среди памятников лесной зоны, на Смоленщине и в Посеймье.

В заключительном слове М. Б. Щукин отметил, однако, что речь идет не о хронологическом сдвиге всего массива черняховской культуры, до середины V в. «Узкая» дата этого массива — III—IV вв. — остается неизменной. Речь идет лишь о наиболее поздних комплексах черняховской культуры, которые, как и вся стадия D европейской системы Эггерса — Годловского (вторая половина IV — первая половина V в.), пока не могут быть отнесены точно к IV или к V столетиям. Что касается примеров, перечисленных И. С. Винокуром и Э. А. Сымоновичем, и материалов, представленных в докладе Л. М. Рутковской, то не всегда ясна стратиграфия находок и, следовательно, хронология этих памятников, поэтому они не могут оказать помощь в уточнении датировок черняховской культуры.

Проблема хронологии памятников «гуннского круга» рассматривалась главным образом в дискуссии по докладу И. П. Засецкой¹. В выступлении по поводу этого доклада А. К. Амброз сказал, что он остается на прежних позициях, повторив и несколько дополнив аргументацию, изложенную в статье «Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы»².

И. П. Засецкая, отвечая А. К. Амброзу, заметила, что стилистическая классификация полихромных вещей пока не разработана. Учтены далеко не все признаки, не проверена их взаимовстречаемость, не прослежено развитие одних признаков в другие. Кроме того, ни одна бесспорная вещь VII в. не найдена с вещами полихромного стиля. Все это не дает возможности относить те или иные признаки к числу ранних или поздних. Ссылки на единичные находки из Харина и Бирска, представленные только пряжками и наконечниками пояса, не могут служить доказательством поздней даты большой и разнообразной группы украшений Северного Причерноморья. К тому же, бирские вещи по своим стилистическим признакам лишь отдаленно напоминают изделия восточноевропейских степей и в крайнем случае могут рассматриваться лишь как их позднейшая грубая реплика.

Что же касается вещей, распространение которых относится к VI—VII вв., то к ним нельзя подходить формально, ибо хронологические рамки бытования вещи, принятые на данном этапе, могут быть в результате дальнейшего изучения раздвинуты или сужены. Гуннская эпоха была переходной от старого ираноязычного мира к новому, тюркскому. Поэтому нет ничего удивительного в появлении уже в то время типов вещей, характерных для более поздней эпохи VI—VII вв. Однако в целом комплекс вещей рассматриваемых нами погребений не позволяет сравнивать их с известными в восточноевропейских степях и твердо датированными комплексами VI—VII вв. (имеются в виду комплексы с наборными поясами, стремянами и др.).

По вопросам хронологии древностей «гуннского круга» выступили также Д. Б. Шелов, В. В. Кропоткин и М. Г. Мошкова.

Д. Б. Шелов отметил, что он не видит возможности хронологического расчленения памятников полихромного стиля. Разница в стилистических особенностях может объясняться не хронологическим различием, а тем, что вещи были изготовлены в разных мастерских. По мнению В. В. Кропоткина, выводы А. К. Амброза покоятся лишь на отдельных случайных фактах: неправильно разрывать стилистически близкие вещи и растягивать их существование на период IV—VII вв. Слабой стороной в аргументации И. П. Засецкой он считает слишком поверхностную разработку материалов поздних склепов Керченского некрополя, значение которых в хронологии памятников степей очень велико.

По мнению М. Г. Мошковой, комплексы «гуннского круга» бесспорно относятся к одной исторической эпохе и их совокупность нельзя разрывать. Группа «Шипово», действительно, своеобразна, но нужны новые материалы для уточнения ее датировки.

Обстоятельная дискуссия развернулась по вопросу о комплексах с поясными наборами VII—VIII вв. А. К. Амброз отметил, что в спор о одновременности агафоновских и неволинских памятников Р. Д. Голдина внесла новый очень важный аргумент. Анализ плана Агафоновского могильника показал, что он состоит из двух частей, одна из которых содержит погребения с инвентарем агафоновского облика, другая — захоронения с неволинскими материалами. Однако необходима дальнейшая разработка этого вопроса, в том числе чрезвычайно важна полная публикация памятника.

Возможно, выделенная Р. Д. Голдиной неволинская территориальная группа Агафоновского могильника отражает продвижение неволинцев к северу и ассимиляцию агафоновской группы населения в течение урьинского периода. Это — лишь предположение для возможного объяснения противоречия дат поясов и плана могильника. Аргументом в пользу этого предположения может служить и то обстоятельство, что в Агафоновском могильнике нет таких полных сложных поясов, как в Неволине: набор вещей как бы поредел и оскудел, хотя сами формы остались теми же.

В ответе Р. Д. Голдина подчеркнула, что в материалах неволинского этапа, несмотря на типологическое различие в поясных наборах, прослеживается дальнейшая эволюция агафоновской ступени. Подобная же смена поясов от агафоновских к неволинским наблюдается не только на Каме, но и в Сибири и Средней Азии.

В. Ф. Геннинг, возражая В. Б. Ковалевской, критиковал ее за отрыв типологических выкладок от сопоставления признаков по их взаимовстречаемости. Суммируя высказывания по методике, В. Ф. Геннинг сделал вывод о необходимости разработки теоретической базы — теоретических обоснований таких понятий, как аналогия, тип и т. д., а также общих критериев для определения датировок.

В. Б. Ковалевская пояснила, что в ее работе в целом типологические ряды проверены комбинаторикой, но в докладе представлена в основном типологическая часть исследования. Она обратила внимание на то, что в Приуралье часты уже развитые варианты вещей, тогда как в Причерноморье они прослеживаются в развитии. Между тем, по Р. Д. Голдиной, они появляются в Прикамье раньше, чем в Причерноморье, что невозможно.

Выступление Б. И. Маршака было посвящено нескольким спорным вопросам. В частности, он сказал, что хотя и не согласен со многими абсолютными датами, но тем не менее признает работу А. К. Амброза чрезвычайно ценной. А. К. Амброз выделил конкретные признаки, сделал новые наблюдения и интерпретировал вещи, на которые никто до сих пор не обращал внимания. Типологические наблюдения А. К. Амброза нельзя отбросить, он показал, что группы вещей определенным образом связаны друг с другом. Однако он пропускает звено в процессе исследования между конкретными типологическими наблюдениями и хронологическими выводами — звено логических рассуждений. Остается непонятным, как сделаны его выводы.

Специалисты по археологии Средней Азии вынуждены были разбираться в таблицах А. К. Амброза, поскольку он отнес вещи IV—V вв. к VII в., ко времени Первого Тюркского каганата, очень важного для истории Средней Азии. Но на что опирается А. К. Амброз? На наблюдения за единичными вещами — например, обломок седла из Шипова, костяную подпружную пряжку из Канаттаса. Между тем история седла до VII в. почти не документирована. Ранние костяные пряжки мы знаем плохо, но эта вещь, функционально обусловленная плетеной шерстяной подпругой, едва ли была внезапно изобретена тюрками VII в.

Априорно нельзя исключить близость во времени разных этапов типологического развития, если каждый из этих этапов относится к другой территории, другому периоду или другому государственному объедине-

нию. Нужно учесть также, что для раннего средневековья характерны государства типа каганата, где в общей армии были соединены представители разных народов и где всякое новшество, появившееся в ставке кагана, иногда даже в результате работы одного главного мастера (местного или пришлого), получало широкое распространение.

Рассмотрим с этой точки зрения вопрос об агафоновских и неволинских поясах. И те и другие произошли от одних и тех же южных прототипов, но разными путями. Агафоновские пояса возникли приблизительно в 20-х годах VII в., во время активности на западе Первого Тюркского каганата. Между ними и византийскими поясами второй половины VI в. лежит типологический, но не обязательно хронологический, этап варварских подражаний, посредствующее звено, не столько хронологическое, сколько локальное. Пояса, близкие к прототипам агафоновских, долго сохранялись на Юге, в частности на Кавказе. Во второй половине VII в. они дали новый импульс прикамским мастерам. Возникают неволинские пояса. Связь с Югом не прерывалась и в это время. Если учесть, что Мартыновский клад несколько старше Перещепинского, который относится ко второй половине VII в. (А. К. Амброз ошибочно считает их синхронными), то ответвление прототипов агафоновских поясов от ствола типологического развития южных поясов придется на значительно более раннее время, чем полагает А. К. Амброз.

Новый импульс второй половины VI в. отражает установление «меховой дороги», по которой главным образом среднеазиатские купцы поддерживали регулярную связь между Востоком и Кавказом, степной зоной, Прикамьем и Средней Азией. Находки монет в Прикамье надо рассматривать с учетом того, как обращались те или иные монеты в Средней Азии, где наблюдается некоторое запаздывание бытования сасанидских драхм.

Когда арабы завоевали Иран, они разграбили сокровищницы и пустили в оборот монеты поздних сасанидских царей. Среднеазиатские купцы, торговавшие с Прикамьем, могли доставить сюда эти монеты, как и сасанидские серебряные блюда, во второй половине VII в. или немного позже. Монеты Пероза попали к среднеазиатским купцам в составе иранской дани эфталитам и долго ходили в Средней Азии.

Уральские археологи датируют начало неволинского этапа серединой VII в.

С точки зрения среднеазиатской археологии более вероятна дата на два-три десятилетия позже; Агафоново — VII в.; следующий этап — конец VII и VIII в. (кроме самого конца); Кудырге, связанное с Агафоновым, датируется VII в., как и предложила А. А. Гаврилова: здесь уже не поясные, а сбруйные наборы — возможно, дальнейшее развитие наборов Первого Тюркского каганата в VII.

Завершая выступление, Б. И. Маршак сказал, что если мы проследим параллельное и подтверждаемое взаимовстречаемостью развитие нескольких категорий вещей на одной территории, то типологическая последовательность отражает хронологическую. При других условиях она может отражать последовательность этапов воспроизведения образцов, которые могут быть почти синхронными.

Участники дискуссии о конкретных вопросах хронологии постоянно касались общих проблем теории и методики археологии. О важности теоретической разработки вслед за В. Ф. Генингом говорили Д. Б. Шелов, М. Г. Мошкова, В. В. Кропоткин, М. Б. Щукин, Л. С. Клейн.

Л. С. Клейн затронул вопрос о правильном использовании любой системы хронологии. Он указал, что разные системы не всегда сходятся в конечном результате, т. е. в хронологических выводах. Однако это не означает, что системы неверны. Вот почему несправедлив упрек В. Б. Ковалевской в адрес А. И. Айбабина в том, что в его работе нет эволюции типов. Если В. Б. Ковалевская использует эволюционно-типологический

метод О. Монтелиуса, поднятый на формализованный уровень, то А. И. Айбабин пользуется другим методом — системой С. Мюллера и П. Рейнеке, основанной на сопоставлении комплексов и их увязке с предшествующим и последующим временем. Л. С. Клейн отметил, что при выборе той или иной системы следует учитывать, с какой культурной традицией и какими географическими районами придется иметь дело. Иначе может произойти то, что случилось с системой хронологии Монтелиуса, построенной для памятников Центральной Европы: не выдержав проверки временем, эта система полностью «рухнула». Напротив, основанная на том же методе хронологическая система для Скандинавии применяется по сей день. Суть заключается в разных исторических условиях: в Скандинавии с неолита и бронзы до раннего средневековья наблюдается сплошная преемственность, оседлость населения; для Центральной Европы характерны культурная чересполосица, различные влияния и смены населения, поэтому сквозные эволюционирующие типы здесь не «работают».

Для Кавказа с его устойчивым составом населения метод Монтелиуса подходит более, чем для степной полосы или даже для Крыма.

М. Б. Шукин заметил, что споры по хронологическим проблемам гуннской эпохи напоминают дискуссии по хронологии древностей римского времени. Но специалисты по римской эпохе при обсуждении периодизации пользуются не абсолютными данными, а условными обозначениями периодов: VI, VII и т. д. Стиль периода VI существует в Чехии, в Поморье, в Польше, но на этих территориях он датируется по-разному. Если мы договоримся об условных обозначениях периодов гуннской эпохи, то легче будет разговаривать и спорить.

Д. Б. Шелов обратил внимание на важность разработки таких теоретических вопросов, как проблема значимости стилистического сходства для хронологии и проблема хронологической значимости тех или иных категорий вещей. В частности, он высказал сомнения в методической правильности работы Г. Е. Афанасьева по вычислению среднего запаздывания монет. Отметив, что для определения времени запаздывания монет в погребениях Северного Кавказа Г. Е. Афанасьев использовал закавказские клады, Д. Б. Шелов указал на необходимость дальнейшей разработки критериев определения дат по монетам.

В ответе Д. Б. Шелову Г. Е. Афанасьев подчеркнул, что рассчитанная им по кладам поправка согласуется со взаимовстречаемостью разных типов монет между собой и с геральдическими поясными наборами. Средняя цифра запаздывания применялась только для тех кладов, в которых невозможно было определить позднейшую монету, и при этом всегда проверялась по остальным монетам.

А. К. Амброс, выступая на заключительном заседании, отметил, что приведенные в процессе диспута аргументы не убедили его пересмотреть свои позиции в вопросах хронологии (хотя он и признает свои выводы дискуссионными). Наиболее интересная аргументация против его хронологической схемы, по мнению А. К. Амброза, была приведена в докладе Р. Д. Голдиной.

Первое и главное условие создания полноценной раннесредневековой хронологии — публикация ценнейших огромных новых материалов, добытых раскопками последних десятилетий. А. К. Амброс особо подчеркнул, что только полная публикация памятника по комплексам отвечает современному уровню науки. Без этого исследование проблем хронологии еще долго не встанет на прочную основу.

Завершая дискуссию, В. В. Кропоткин дал высокую оценку работе симпозиума, указав, что в целом симпозиум был очень плодотворен, принес пользу докладчикам и слушателям и, безусловно, раннесредневековой археологии. Трудности в установлении точных дат, по его мнению, обусловлены следующими моментами:

1. Многие предметы, важные для датировки, происходят из случайных раскопок, не дающих представления ни о погребальном обряде, ни обо всем комплексе вещей (особенно керамике).

2. Мы вынуждены часто обращаться к слишком отдаленным аналогиям. Близость — важный критерий аналогии.

3. Многие коллекции не опубликованы. Особенно важна публикация керченских склепов, раскопанных 70 лет назад и до сих пор не изданных.

Участники симпозиума пришли к единому мнению о необходимости разработать принципы методики определения хронологии археологических материалов и выработать компактную и в то же время наглядную форму публикации комплексов. Была подчеркнута важность издания именно полных комплексов, а не выборок, а также высказано пожелание как можно скорее опубликовать спорные в хронологическом отношении памятники.

¹ Частично доклад И. П. Засецкой опубликован. См.: *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи. — СА, 1978, № 1.

² СА, 1974, № 2 и 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГМ — Абхазский государственный музей
АИЯЛИ — Абхазский Институт языка, литературы, истории
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭТ — Археология и этнография Татарии. Казань
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИСНВИК — Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения
КИАМ — Керченский историко-археологический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
Орджоникидзе
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Материали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОАКР — Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ХМ — Херсонесский музей
AA — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
AE — Archaeológiai Értesítő. Budapest, 1948
AH — Archaeologia Hungarica
AM — Arheologia Moldovei
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
ИБАИ — Известия на Археологически институт Българска Академия на науките
FA — Folia archaeologica. Budapest
JGS — Journal of Glass Study
RIR — Revista istorică Română
SLA — Slovenská archeológia
SZ AUSA V — Studijné zvesti Archeológického Ústavu Slovenskej Akadémie Vied.
Nitra
ZfA — Zeitschrift für Archäologie

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
<i>И. П. Засецкая.</i> Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей	5
<i>М. Б. Щукин.</i> К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры	17
<i>А. И. Айбабин.</i> Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму	22
<i>Е. В. Веймарн.</i> Скалистинский склеп 420	34
<i>В. Б. Ковалевская.</i> Хронология аланских катакомб VI—IX вв. на основании анализа их конструктивных деталей	38
<i>Г. Е. Афанасьев.</i> Хронология могильника Мокрая Балка	43
<i>А. В. Дмитриев.</i> Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо	52
<i>Н. П. Сорокина.</i> Стеклянные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников	57
<i>Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба.</i> Новые материалы III в. из могильников Абхазии	67
<i>С. В. Ошибкина.</i> Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-тюм	71
<i>Р. Д. Голдина.</i> Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье	79
<i>Э. А. Савельева.</i> Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника	91
<i>В. Ф. Генинг.</i> Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья)	96
<i>В. И. Распопова.</i> Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента	106
<i>А. А. Иерусалимская.</i> Археологические ткани как датирующий материал	114
<i>И. П. Засецкая, Б. И. Маршак, М. Б. Щукин.</i> Обзор дискуссии на симпозиуме	120
Список сокращений	126

**Проблемы хронологии памятников Евразии
в эпоху раннего средневековья**

КСИА, вып. 158

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. Д. Панасюк
Корректор Н. Г. Васильева

ИБ № 15239

Сдано в набор 06.03.79. Подписано к печати 27.07.79.
Т-11476. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 12,95. Уч.-изд. л. 13,4.
Тираж 1750 экз. Тип. зак. 1698
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10